Г. ЗИНОВЬЕВ

ЛЕНИНИЗМ

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЕН 131
Л 445

ЛЕНИНИЗМ

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ЛЕНИНИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

ЕН131
Л445

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)
Ф
5645

1057828

Гиз № 11199.
Ленинградский Гублит № 12063.
25¼ л. Отп. 50000 экз.

ОТ АВТОРА.

Потребности международного коммунистического движения — в том числе и проблемы, стоящие перед пролетариатом СССР, — предъявляют требование на работы, систематически излагающие *сущность ленинизма*, на книжки, которые попытались бы прежде всего установить, *каковы были подлинные взгляды самого Ленина на ряд жгучих проблем*, от правильного решения которых в значительной мере зависят судьбы международного рабочего движения. Посильно помочь разрешению этой задачи ставил себе целью автор в предлагаемой работе.

Этим и объясняется то, что когда дело идет об особенно важных проблемах, вокруг которых происходят ныне споры, мы считаем необходимым давать особенно обширные тексты из Ленина. В этих случаях нам, ученикам Ленина, прежде всего важно с полной точностью установить, что думал и писал о данных спорных проблемах Ленин. Разумеется, это еще не исчерпывает дело. Но *знать Ленина* — это необходимо нам всем прежде всего.

Чем больше читаешь и перечитываешь Ленина, тем больше чувствуешь, как мало умеем мы еще пользоваться сокровищницей ленинизма. За годы 1907—середина 1917 все до единой важнейшие рукописи Владимира Ильича, в силу условий работы, проходили через наши руки, читались по нескольку раз (в корректуре и пр.), предварительно обсуждались и т. д. — и все же даже эти вещи часто читаешь теперь, как *совершенно новые*.

Произведения Ленина настолько глубоки, всесторонни, настолько богаты содержанием, что при каждом новом чтении находишь в них новое.

Читайте и перечитывайте по нескольку раз, изучайте и еще раз изучайте Ленина по первоисточнику! Знать Ленина это значит знать дорогу к победе мировой революции.

В предлагаемой работе освещены далеко не полно и далеко не все, а лишь некоторые коренные вопросы ленинизма. В книжке почти совершенно не освещены такие вопросы, как национальный вопрос, как теория империализма, вопрос о профсоюзах и др. Быть может, впоследствии нам удастся пополнить эти пробелы. Однако, автор надеется, что и в настоящем виде эта работа, представляющая собою только опыт введения в изучение ленинизма, принесет некоторую пользу тем, кто приступает к всестороннему самостоятельному изучению ленинизма.

* * *

Горячую признательность я должен выразить Н. К. Крупской. При двукратном чтении этой работы в рукописи и в корректуре она дала мне ряд ценнейших советов.

Г. З.

17 сентября 1925 г.
Ленинград.

Началом настоящей работы послужили лекции, читанные автором в конце 1924 года перед слушателями Коммунистической Академии и Института Красной Профессуры в Москве. Большую помощь в работе оказал автору тов. Р. Пикель.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ. — МАРКСИЗМ и ЛЕНИНИЗМ.

Когда и почему в мировом рабочем движении заговорили о ленинизме?

Первыми это слово стали употреблять противники Ленина — уже примерно в 1903 году, к началу разногласий между большевиками и меньшевиками. Тогда это слово употреблялось (чаще говорилось «большевизм», но, когда особенно хотели «уколоть» большевиков, говорили «ленинизм») с полемическими целями — противники пытались противопоставить взгляды Ленина принципам марксизма. Ленинизм пытались отождествить с буржуазно-демократическим якобинизмом.

Ленин, разумеется, протестовал против этого самым решительным образом. Он считал себя ортодоксальным марксистом — и действительно был таковым.

После смерти Ленина о ленинизме, как учении, заговорили большевики не только в России, но и во всем мире.

Сам Ленин, несомненно, и теперь был бы против такого словоупотребления — по причинам, которые понятны каждому, кто хоть немного знал Владимира Ильича и, стало-быть, знал его скромность.

Но мы, его современники и ученики, обязаны говорить теперь о ленинизме так же, как продолжатели дела Маркса в свое время должны были загово-

рить о марксизме или сторонники взглядов Дарвина — о дарвинизме. Это диктуется не просто потребностью воздать дань уважения и любви великому учителю — это диктуется самыми коренными интересами революционного движения.

Для освещения темы «марксизм и ленинизм» лучше всего исходить из широко известной статьи Ленина «Три источника и три составных части марксизма». Эта небольшая, но крайне важная работа написана в 1913 г. в эмиграции, в Кракове, в марте месяце. Хорошо помню, как Владимир Ильич писал ее.

В этой статье Ленин, следуя Энгельсу [1]), указывает на то, что марксизм является продолжением и завершением трех главных идейных течений XIX века: 1) классической немецкой философии, 2) классической английской политической экономии и 3) французского социализма.

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» [2]).

При своем возникновении научный социализм должен был, как и всякая новая теория, использовать идейный багаж, который он застал при своем появлении. Таким материалом и являются указанные три источника марксизма.

В статье «Карл Маркс» Ленин отмечает следующие составные части миросозерцания Маркса: философский материализм, диалектику, материалистическое понимание истории, экономическое учение, научный социализм и тактику классовой борьбы пролетариата,—разумеется, включая сюда учение о дикта-

[1]) Энгельс, «От утопии к науке», а также в «Анти-Дюринге».
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. II, ст. «Три источника и три составных части марксизма», стр. 55.

туре пролетариата. Марксизм в своем исследовании охватывает как вопросы жизни природы, так и вопросы общественного развития. Но марксизм не только «объясняет» мир, он намечает и пути изменения мира. Марксизм требует от нас усвоения и объяснения того конкретного, нового, что возникает в поступательном ходе исторического развития. Марксистское осознание своеобразного и нового в общественно-историческом развитии возможно только при условии единства теории и практики.

Говоря о необходимости «правильной революционной теории», Ленин в «Детской болезни «левизны» справедливо указывает, что теория «не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения»![1])

Ленинизм прежде всего и является осознанием и марксистским объяснением тех новых процессов в общественно-историческом развитии и того нового богатого практического опыта во всемирном рабочем движении (и революционном движении вообще), которые возникли после Маркса и зачастую искажались официальными теоретиками II Интернационала. Ленинизм есть марксистская теория и практика эпохи империализма (т.-е. умирающего, «загнивающего» на почве монополии капитализма) и начавшейся социалистической революции. Давая анализ всех противоречий империалистической эпохи, Ленин вместе с тем рисует всю механику развития пролетарской революции и указывает движущие силы перехода от капитализма к социализму. Ленин создал теорию и тактику мировой пролетарской революции. И сделать это он мог, только сказав новое марксистское слово в области понимания коренных проблем, выдвинутых новой, империалистической, эпохой капитализма.

Само собой разумеется, что ленинизм ни в какой мере не может противопоставляться марксизму. Ленин

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 119.

являлся самым выдающимся учеником Маркса. Вне марксизма нет ленинизма. Но ленинизм обогатил марксизм прежде всего опытом трех русских революций, а также опытом ряда других революционных движений, разгоравшихся с начала XX века по нынешний период. Ленинизм обогатил общее учение марксизма прежде всего разработкой вопросов:

1) о теории империализма;

2) об условиях и механике осуществления диктатуры пролетариата и о тактике пролетариата в эпоху империалистических войн и мировой революции;

3) о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства—до, во время и после пролетарского переворота;

4) о значении национального вопроса вообще и о значении, в особенности, национальных движений в колониальных и полуколониальных странах для мировой революции;

5) о роли партии;

6) о роли пролетарского государства в переходный период;

7) о советском строе, как о конкретном типе пролетарского государства на этот период.

Маркс и Энгельс подытоживали прежде всего опыт общественных движений во Франции, Англии и Германии. Ленинизм, вырастая из учения Маркса и опыта Запада, боролся в первых рядах против извращений марксизма западно-европейскими социал-демократами (борьба Ленина против оппортунизма вообще и каутскианства в частности). И в то же время ленинизм, пользуясь методом Маркса, смог подытоживать уже и опыт великих революционных движений на Ближнем и Дальнем Востоке: прежде всего — в России, а затем в Китае, Индии и т. д.

Условно можно различать следующие три эпохи:

Первая эпоха марксизма: от начала работы над «Коммунистическим Манифестом» до смерти Маркса (1847—1883 гг.).

Вторая эпоха — эпигонов «марксизма»: от образования II Интернационала до начала империалисти-

ческой войны (1889—1914 гг.). Эта эпоха имеет — особенно в первую ее половину — и сильные стороны: создание массовых организаций пролетариата, большая культурно-просветительная работа в рабочем классе и т. п. Но в целом, начиная с 1890-х годов, это — эпоха искажения марксизма под «марксистским» флагом. Приблизительно с 1907 г. в недрах II Интернационала начинается уже определенная консолидация революционного крыла рабочего движения в международном масштабе (Ленин, Роза Люксембург).

Третий период — ленинская эпоха. Ленинизм берет начало примерно с кануна первой русской революции (1903—1904 гг.) и в 1917 году одерживает свою первую всемирно-историческую победу.

Без Маркса нет Ленина. Но после того, что сделали с марксизмом вожди II Интернационала, после той «ревизии» марксизма, которую проделали Каутский и К° под флагом Маркса (особенно в борьбе этих ренегатов марксизма против пролетарской диктатуры в России), приходится сказать, что вне ленинизма в нынешней обстановке не может быть революционного марксизма.

Победа пролетарской диктатуры в России, рост пролетарских и крестьянских движений почти во всем мире, нарастающие революционно-освободительные движения колониальных и полуколониальных народов, — все это в своей совокупности составляет начало мировой революции.

Ленинизм и есть марксизм эпохи монополистического капитализма (империализма), империалистических войн, национально-освободительных движений — пролетарских революций.

* * *

Ленинизм одержал свою первую непосредственную победу в стране с большинством крестьянского населения (Россия). «Нам надо помнить, что мы осу-

ществляем задачу социалистической революции в стране, где бо́льшую часть населения составляет крестьянство» (Ленин). Это и многочисленные аналогичные заявления объясняют многие черты ленинизма. Но как сама русская революция выросла из международной обстановки, так и ленинизм есть продукт всего международного пролетарского движения. Восстановив в правах марксовы оценки великих пролетарских движений XIX века (чартизм, Парижская Коммуна) и очистив их от оппортунистических извращений «адептами» марксизма; прибавив к этой работе марксистскую оценку опыта растущих новых массовых пролетарских движений Европы, Америки и других частей света; обобщив великое значение крестьянских и национально-революционных движений, заявивших о себе с особой силой с начала XX века, — Ленин поднял учение Маркса на небывалую высоту.

Ленинизм представляет собою последовательное развитие идеи пролетарской гегемонии в условиях, когда диктатура пролетариата начала уже сменять диктатуру буржуазии.

Неверен взгляд, будто марксизм есть только теория, а ленинизм — только практика. Ленинизм есть теория и практика марксизма для периода империализма, империалистических войн и мировой революции, открывшейся диктатурой пролетариата в России.

Ленинизм есть конкретизация и развитие марксизма в условиях новой эпохи.

Марксизм, как уже сказано, ведет свою родословную от указанных выше трех источников: 1) немецкой классической философии, 2) английской классической политической экономии и 3) французского социализма. Но Маркс в своей теории сочетал их не механически, а «переплавил» эти отдельные источники и создал вылитое из одного куска мировоззрение.

Перед Лениным уже не возникала такого рода задача. Ленин обеими ногами стоит на почве учения Маркса и Энгельса. Ленин в своих теоретических исследованиях и в своей практической деятельности

целиком исходит из материалистического понимания истории и экономического учения Маркса. Ленин, разрабатывая стратегию и тактику классовой борьбы пролетариата в эпоху империализма, целиком и полностью принимает и применяет марксизм.

Но Ленин разворачивает «цепь» дальше, чем Маркс. Ленин оценивает важнейшие и крупнейшие события новой всемирно-исторической полосы и этим включает в самую теорию марксизма новые элементы. Поэтому ленинизм и дает нам небывалый до сих пор уровень применения диалектического метода, дает нам ясное и цельное понимание коренных противоречий и основных закономерностей империалистической эпохи, решает целый ряд первостепенных проблем, вытекающих из особого характера всей новой эпохи. Вот почему, чтобы в наше время быть революционером-марксистом, надо, во что бы то ни стало, быть ленинцем.

Каковы же те события новейшей истории, которые в первую очередь надо учесть, дабы понять корни ленинизма?

Во-первых, надо учесть опыт монополистического капитализма и империалистических войн — в особенности войны 1914 — 1919 гг.; сюда же относится начало пролетарских революций в ряде западных стран, затронутых этой войной.

Во-вторых, русскую революцию, или, точнее сказать, три русских революции с ролью пролетариата и крестьянства в них.

И, в-третьих, сюда надо прибавить опыт национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных странах и значение национального вопроса вообще.

Вот три главных «составных части» собственно-ленинизма.

Когда Ленин в 1913 г. давал определение «составных частей» марксизма, он имел в виду, разумеется, не только книги, школы, теории, системы. Он имел в виду весь ход классовой борьбы, ход мировой истории.

Ленинизм — результат освещения светом марксистской теории новых, крупнейших, всемирно-исторической важности событий, которые являются бо́льшими по своему значению, чем, скажем, английская революция, великая французская революция, чем Парижская Коммуна 1871 г.

За то десятилетие, которое отделяет нас от определения, данного Владимиром Ильичем (1913—1924, год смерти Ленина), произошли такие события, которые вполне могли бы заполнить целое столетие. Вышло так, что события эти сконцентрировались во времени и разыгрались в течение только десяти лет. Вот почему так «быстро» возникли и развернулись новые «составные части» современного марксизма, ленинизма-тож.

«Лишь немецкие мещане... могут вообразить, что двадцать лет составляют больше, чем один день, в подобных великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточено 20 лет» [1]).

Ленин был гениальный человек. А эпоха, главным выразителем которой он стал, была поистине эпохой бури и натиска. То, что подспудно накоплялось в течение десятилетий и столетий, бурно, как лава, вылилось наружу в течение 1905 — 1917 годов [2]). Количество перешло в качество. Общепризнанным вождем этого великого всемирно-исторического движения стал Ленин.

В 1924 г. (см. «Ленинский Сборник» II) были опубликованы работы Ленина в связи с выработкой первой партийной программы. Только в связи с опубликованием этих материалов стало вполне ясно, какую громадную роль теоретика играл Ленин уже в 1902 г., когда теоретическая гегемония в лагере русских марксистов еще принадлежала Плеханову. Не только интуитивно, не только тактически, но и теоретически Ленин уже с начала 900-х годов гениально

[1]) «Переписка», т. III, стр. 127.

[2]) Например, уже в 1904—05 гг. Ленин был закоченным «пораженцем» (русско-японская война). То же в еще большей степени—в 1911—12 гг., во время балканских войн, предшествовавших всемирной империалистической войне.

предвосхитил и выразил надвигающуюся великую революционную эпоху в жизни человечества.

Каждый марксист обязан отдать себе отчет в этом: формула Ленина (о «составных частях» марксизма) от 1913 года теперь не полна потому, что в ней не хватает самого Ленина. В то время как старый марксизм, по определению Ленина от 1913 г., суммировал опыт, главным образом, трех стран — Германии, Англии и Франции, — марксизм новейшего времени, марксизм ленинского периода, должен суммировать и суммирует величайший всемирно-исторический опыт еще ряда других стран. В первую очередь — России, Америки, Японии, Китая и Индии. К старому, подытоженному Марксом, опыту Европы времен расцвета капитализма и первых больших классовых боев Ленин прибавил мировой опыт загнивающего капитализма и начавшихся решающих боев за мировую революцию.

Маркс и Энгельс, конечно, прекрасно знали, что этим странам предстоит великое будущее. Мы найдем в сочинениях Маркса и Энгельса кое-что даже прямо пророческое относительно грядущего развития этих стран. Но само собой разумеется, что предвидеть во всем ту огромную всемирно-историческую роль, которая выпала на долю этих стран, Маркс и Энгельс тогда не могли.

В статье «О значении воинствующего материализма» [1]) Ленин писал: «Теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай)... все больше и больше подтверждает марксизм» (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Нет сомнения, что это действительно так. Однако, чтобы доказать, истолковать, развить это «подтверждение марксизма» событиями новейшей мировой истории после Маркса,— нужен был Ленин.

Подлинный Маркс теперь «невозможен» без Ленина. Можно быть «академическим» марксистом, можно с гре-

[1]) Журнал «Под Знаменем Марксизма», № 3, 1922 г.

хом пополам читать с кафедры курс по марксизму, доведя его, скажем, до 1900 г. и не вводя ленинизм в свое изложение. Но быть подлинным революционным марксистом, быть пролетарским бойцом, сознательным участником всемирного пролетарского движения, не будучи сторонником ленинизма, — уже невозможно.

Может быть, нам укажут, что, утверждая это, мы ломимся в открытую дверь. К сожалению, это не так.

Мы не говорим уже о вождях II Интернационала. Фридрих Адлер недавно пытался упрекать большевиков в том, будто они «отрицают» марксизм и «заменяют» его ленинизмом. Не даром, мол, большевики все чаще говорят о ленинизме, а не о марксизме.

Никто не может отрицать того, что Паннекук — крупный марксист в европейском масштабе. Нельзя этого отрицать и относительно Гортера в прошлом. А между тем они не ленинцы. Они хотят остаться «марксистами» в старом смысле слова. Они отклоняют фальсификацию марксизма в духе II Интернационала. Но они отклоняют и ленинизм. И что же? Это привело их к тому, что они превратились сначала в «академиков», а затем, как Гортер, оказались уже по другую сторону баррикады. Один итальянский «левый» коммунист (несомненно, искренний революционер) недавно писал нам: «я не большевик, но я коммунист».

Да и в нашей собственной стране существуют люди, которые думают, что можно быть марксистами, не будучи ленинцами. Недавно наша социалистическая академия в Москве переименовывалась в коммунистическую; по этому поводу на заседании членов академии произошли небольшие прения. Интересна речь тов. Рязанова. Он сказал буквально: «предложение о переименовании я, кажется, вносил в начале 1919 г. Но у меня были другие соображения, которые я и теперь повторяю. Я не большевик, я не меньшевик и не ленинист. Я только марксист и, как марксист, — я коммунист» [1]).

[1]) «Вестник Коммунистической Академии», кн. 8-я, стр. 392.

Это — точная стенографическая запись. Конечно, 50% здесь надо отнести за счет индивидуального в тов. Рязанове: известно, что тов. Рязанов «для красного словца не пожалеет и родного отца»; но добрых 50% в этом не индивидуального. У нас есть группа товарищей, недурно знающих Маркса, по-своему добросовестных марксистов, которые держатся такого же мнения. Может быть, они не так откровенно скажут это, как тов. Рязанов (откровенность принадлежит к числу хороших индивидуальных особенностей тов. Рязанова). Но эти товарищи думают так же.

У Ленина нет ничего или почти ничего такого, чего нельзя было бы «вывести» из марксизма. В этом смысле Ленин называл себя десятки раз учеником Маркса. Нет Ленина без Маркса. Это так. Но, вместе с тем, мы не можем уже теперь говорить о марксизме без Ленина. Как первые «составные части» марксизма олицетворяются более всего Марксом, так новые дополнительные «составные части» его ярче всего олицетворяются Лениным. Без Ленина нет теперь марксизма так же, как нет его без самого Маркса. Маркс без Ленина теперь уже не весь Маркс. Маркс плюс Ленин — вот теперь весь марксизм.

Ленинизм — это та линия развития марксизма, которая вполне соответствует современной эпохе борьбы классов. Этого полностью нельзя сказать даже о работах таких выдающихся марксистов, как Роза Люксембург, Паннекук. А уж «линия развития» такого «марксиста», как Каутский, совершенно ушла в сторону от классовой борьбы современной эпохи.

Ленинизм, повторяем, весь вырос из марксизма. Именно поэтому мы можем с известным правом говорить теперь о «перерастании» марксизма в марксизм ленинского периода. В то время как Маркс и Энгельс были предтечами пролетарской революции, Ленин является ее вождем и руководителем. Это значит, что пролетарская революция в эпоху Ленина из области предвидения и отдаленной подготовки вошла в полосу осуществления. И сама эта эпоха осуществле-

ния пролетарской революции принесла чрезвычайно много нового, чего не могли учитывать Маркс и Энгельс при всей их гениальности. Достаточно указать на таких «три кита», как 1) роль партии, 2) значение крестьянства, как союзника пролетариата в революции, и 3) значение национально-освободительных движений для пролетарской революции. Никто не может отрицать, что в этих трех областях ленинизм сказал поистине решающее слово, дополняющее марксизм настолько, что без этого в данную эпоху марксизм уже не марксизм. Ленинизм, целиком стоящий на почве марксизма, оперирует — в силу того, что живет и действует в другую историческую эпоху — уже и «географически» в бо́льших масштабах. Он захватывает в свою орбиту такие страны, как Россия, Америка, Япония, Индия, Китай.

* * *

Особенно важно понять то новое, что сказал ленинизм в вопросе о крестьянстве.

Взгляды ленинизма на роль крестьянства, как возможного союзника пролетариата в революции, являются одной из важнейших составных частей ленинизма. В известном смысле можно сказать, что Ленин «открыл» крестьянство, как союзника рабочего класса в пролетарской революции.

Это, несомненно, только часть ленинизма, но часть в данный период очень немаловажная, порою решающая.

Мы уже упоминали, что во всем ленинизме нет почти ничего такого, что нельзя было бы вывести из марксизма. Но именно только вывести — ибо зачастую то, что у Маркса и Энгельса было только в зародыше, Ленин развил в целую систему взглядов. Лучший пример — вопрос о крестьянстве. В сочинениях Маркса и Энгельса мы можем найти ряд замечаний, разбросанных в разных местах, указывающих на то, что они задолго до Ленина и русской революции предвосхищали роль крестьянства в пролетарской революции. Сам Ленин приводил в своем предисловии

к биографии К. Маркса известную выдержку из письма Маркса к Энгельсу от 16 апреля 1856 г., гласящую:

«Все дело в Германии будет зависеть от возможности подкрепить пролетарскую революцию своего рода вторым изданием крестьянской войны. Тогда дело будет отлично» [1]).

Всего несколько слов, но сколько содержания! Рабочее движение плюс второе издание крестьянской войны, — так говорил Маркс в 1856 г.

В первом издании «18 Брюмера Луи Бонапарта» мы встречаем такую знаменательную фразу (опущенную в следующих изданиях):

«Отчаявшись в наполеоновской реставрации, французский крестьянин расстанется и с верой в свой земельный участок, рухнет и все построенное на крестьянском землевладении государственное здание, и пролетарская революция получит хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превращается в лебединую песнь».

Опять-таки сказано коротко и сжато, но содержание здесь громадное. Пролетарское соло без крестьянского хора в крестьянских странах может превратиться в лебединую песнь. Другими словами, пролетарская революция в крестьянской стране без поддержки крестьянства может погибнуть.

Энгельс в «Крестьянском вопросе» в 90-х годах писал, что «завоевание политической власти социалистической партией стало делом близкого будущего», что «для того, чтобы завоевать ее, партия должна сначала пойти из города в деревню и сделаться сильной в деревне», что «чем больше будет число крестьян, которым мы не дадим спуститься до пролетариев и которых мы привлечем на свою сторону еще крестьянами, тем быстрее и легче свершится общественное преобразование». «Когда к нам перейдет государ-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 281.

ственная власть..., — писал Энгельс от своего имени и от имени Маркса, — мы не будем думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, — это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели» [1]). Энгельс не раз вплотную подходил к «большевистской» тактике победившего пролетариата в отношении к среднему и мелкому крестьянству.

Можно было бы привести ряд подобных мест. Но достаточно и сказанного для иллюстрации той мысли, что и в вопросе о крестьянстве, где Лениным сказано особенно много нового и ценного, ленинизм целиком стоит «на плечах» марксизма. Ленин тем и велик, что из одного оброненного Марксом или Энгельсом гениального замечания умел — в свете новых событий — создавать целую систему. А затем — и это главное — сумел применить эти взгляды к революции в крупнейшей стране — революции, получившей всемирно-историческое значение.

Нам не раз приходилось уже указывать, что и в вопросе о крестьянстве большевизм, благодаря Ленину, сумел интернационализироваться. Величие Ленина не только в том, что он сумел правильно применить взгляды Маркса и Энгельса для определения тактики пролетариата в крестьянской стране (т.-е. в России); величие Ленина и в том, что он сумел дать так много нового в вопросе о крестьянстве—и в интернациональном масштабе. Та точка зрения, на которой стоит теперь Коммунистический Интернационал в этом вопросе, целиком определена Лениным. К сожалению, у нас слишком мало распространено

[1]) Ф. Энгельс, «К аграрному вопросу на Западе». Изд. Алексеевой. 1905 г., стр. 17.

знакомство с известной резолюцией Второго Всемирного Конгресса Коминтерна по аграрному вопросу, резолюцией, написанной от первой до последней буквы Лениным и им защищенной. В этом программном документе ленинизм в крестьянском вопросе выражен наиболее ярко. Как раз в этом программном документе ленинизм в крестьянском вопросе интернационализируется. Вся борьба Коминтерна в течение ряда лет будет проходить под знаменем действительного проведения в жизнь этой программы. И та большевизация, о которой в последнее время много говорят, в значительной степени должна базироваться на проведении в жизнь намеченной в этом документе программы.

В кратких словах мы восстановим в нашей памяти ход мыслей в этом — по нашему мнению — одном из самых важных документов ленинизма. «Только городской и промышленный пролетариат, руководимый коммунистической партией, может избавить трудящиеся массы деревни от гнета капитала и крупного помещичьего землевладения, от разрухи и от империалистических войн, неизбежных снова и снова при сохранении капиталистского строя». Но «с другой стороны, промышленные рабочие не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн, если эти рабочие будут замыкаться в узко-цеховые, в узко-профессиональные интересы и самодовольно ограничиваться хлопотами об улучшении своего, иногда — сносно-мещанского положения» [1]).

Ленин берет крестьянский вопрос во всемирном разрезе. Основной класс — пролетариат; второй после него класс—крестьянство. В крестьянстве имеются различные группы.

«Трудящиеся и эксплоатируемые массы в деревне, — говорит Ленин, — которые должен повести на борьбу

[1]) «2-й Конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет, стр. 607.

или во всяком случае привлечь на свою сторону городской пролетариат, представлены во всех капиталистических странах следующими группами:

«Во-первых, сельско-хозяйственным пролетариатом, наемными рабочими... Во-вторых, полупролетариатом или парцельными крестьянами, т.-е. теми, которые снискивают себе средства к жизни частью наемной работой в сельско-хозяйственных и промышленных капиталистических предприятиях, частью — трудясь на собственном или арендуемом клочке земли... В-третьих, мелкое крестьянство, т.-е. мелкие землевладельцы, владеющие на праве собственности или аренды такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы» [1]).

В этом основном документе Ленин берет уже не только крестьянскую Россию, вообще не какую-либо одну страну, он доказывает, что именно в интернациональном масштабе три основные группы населения деревни, при правильной постановке нашей работы, могут и должны быть завоеваны на сторону пролетариата. Этим делается огромный вклад в теоретическую и тактическую сокровищницу марксизма.

На этом одном примере видно, что сейчас абсолютно невозможно говорить о марксизме без привлечения к делу идей Ленина.

* * *

Было время, когда большевизм был явлением преимущественно русским. Но, возникнув на почве российского рабочего движения, он быстро перерос в теорию и практику международного рабочего движения, международной пролетарской революции. Если мы теперь ретроспективно взглянем на большевизм даже только первой его полосы, мы увидим, что и тогда он сказал уже очень много нового в масштабе международном.

[1]) «2-й Конгресс Коммунистического Интернационала», стр. 608, 609.

Условно можно подразделить историю большевизма на: 1) большевизм первого периода (характер русской революции) [1]) и 2) большевизм в развернутом его виде (учение о международной пролетарской революции). Разумеется, только условно. Ибо еще задолго до 1917 года Ленин связывал окончательную победу русской революции не только с борьбой европейского пролетариата, но и с национально-освободительной борьбой угнетенных народов Востока.

«Международное революционное движение пролетариата не идет и не может итти равномерно и в одинаковых формах в разных странах. Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих различных стран. Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток, но в каждой отдельной стране движение страдает той или иной односторонностью, теми или иными теоретическими или практическими недостатками отдельных социалистических партий. В общем и целом мы видим ясно громадный шаг вперед международного социализма, сплочение миллионных армий пролетариата в целом ряде конкретных столкновений с врагом, приближение решительной борьбы с буржуазией — борьбы, во много раз более подготовленной со стороны рабочего класса, чем во времена Коммуны, этого последнего великого восстания пролетариев.

«И этот шаг вперед всего международного социализма, на ряду с обострением революционно-демократической борьбы в Азии, ставит русскую революцию в особенные и особенно трудные условия. У русской революции есть великий международный союзник и в Европе, и в Азии, но вместе с тем и именно вследствие этого у нее есть

[1]) Однако, уже и в то время, т.-е. с первых же годов своего существования, большевизм определенно ставит вопрос о русской революции, как часть вопроса о революции международной.

1057848
Ср 5045
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при ЦК

не только национальный, не только российский, но и международный враг» [1]. (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

«Крестьянская революция под руководством пролетариата» — к этой формуле можно свести большевизм в узком смысле слова в период революции 1905 года. «Крестьянская революция под руководством пролетариата», это — новая великая формула, но еще не развитая. «Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» есть перифраз того же. В 1917 году формула эта «перерастает» в формулу «рабоче-крестьянская революция», или «пролетарско-крестьянская революция», или «революция пролетариата и крестьянства», или «революция пролетариата, ведущего за собой крестьянство» и т. д. При этом, во всех этих формулах гегемония пролетариата подразумевается, как самое главное. Здесь большое богатство в оттенках при формулировке, но мысль одна и та же. Все эти определения годятся для того, чтобы выразить суть политической тактики ленинизма.

Если же вы хотите дать определение ленинизму развернутому, т.-е. ленинизму в его всемирно-историческом значении, тогда надо сказать так:

Если Ленин в 1913 г. определял марксизм как учение, обобщившее немецкую классическую философию, английскую классическую политическую экономию и французский социализм, то теперь мы должны были бы определить марксизм эпохи ленинизма как учение, во всем основном начертанное Марксом и Энгельсом, но развитое Лениным, который, кроме трех названных выше составных частей, обобщил еще три новых составных части: во-первых — опыт монополистического капитализма, империалистических войн и начала пролетарских революций на Западе, во-вторых — русские революции и роль пролетариата и крестьянства в них и, в-третьих, движение угнетенных наций.

[1] И. Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. I, «Горючий материал в мировой политике», стр. 103.

В условиях современной революционной эпохи особенное значение приобретает та часть ленинизма, которую можно назвать учением о движущих силах революции. В этом смысле ленинизм условно можно определить как учение сначала о движущих силах российской революции, а затем как учение о движущих силах мировой пролетарской революции. Еще короче можно сказать, что ленинизм, это — теория и практика уже начавшейся мировой пролетарской революции, главными силами которой являются: 1) пролетариат, 2) три важнейших слоя деревенского населения во всем мире, 3) угнетенные нации. При этом надо иметь в виду, что вопрос об угнетенных нациях и их освободительном движении в большой степени тоже есть вопрос крестьянский.

---

*

ГЛАВА II.

МЕЛКО-БУРЖУАЗНАЯ КРИТИКА ЛЕНИНИЗМА «СЛЕВА». (НАЧАЛО 900-х ГОДОВ.)

Прежде, чем перейти к нашему изложению, полезно будет несколько «расчистить» путь, остановившись на тех, кто хочет быть «левее» Ленина. По крайней мере, на некоторых из них.

Большевизм сложился и закалился в борьбе не только против правых уклонов, но и в борьбе против анархизма, «отзовизма», синдикализма, максимализма, левоэс-эровства и аналогичных течений политической мысли, считавших себя и внешне выглядевших «более левыми», чем большевизм. Аналогичный путь развития прошел и марксизм эпохи Маркса и Энгельса.

Долгое время было распространено мнение, будто теория «перманентной» революции критиковала большевизм якобы слева. Кое-где это мнение держится и сейчас. Такое ошибочное мнение является причиной некоторых симпатий, которые часть незрелых революционеров продолжает еще дарить троцкизму (парвусизму — ибо в основном идеи «перманентной революции» принадлежат Парвусу). В самом деле, говорят себе эти люди, парвусизм-троцкизм, как ни толкуй, указывал на социалистический характер русской революции, тогда как большевизм, хотя и возглавляемый Лениным, считал еще, что революция будет буржуазно-демократической. Значит, парвусизм-троцкизм критиковал большевизм слева, значит, парвусисты-троцкисты видели дальше, были

более пролетарскими революционерами, яснее отдавали себе отчет в том, каков исторический удельный вес пролетариата!..

Необходимо остановиться на этой «версии». В книге «1905» Л. Троцкий писал, что «большевики, исходя из... голой абстракции: «демократическая, а не социалистическая диктатура», приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата» [1]). Мы просим запомнить это слово «самоограничение». В другом месте той же книги тов. Троцкий выразился так: «Политическое самоограничение пролетариата предлагают дополнить объективной анти-социалистической «гарантией», в виде сотрудника-мужика» [2]). В ряде других мест той же книги Троцкий говорит о классовом «аскетизме» Ленина, о том, что Ленин проповедует рабочему классу аскетизм [3]), самоограничение, призывая его не итти дальше определенных буржуазно-демократических целей. Это сказано в различных «эффектных» формулировках, по-разному, но смысл повсюду ясен: ты (Ленин) хочешь навязать буржуазно-демократическое «самоограничение» основному революционному классу — пролетариату! Ты проповедуешь «постную революцию»! Ты проповедуешь «классовый аскетизм»! Ты не решаешься поставить вопрос о пролетарской революции во весь его рост.

Вот она критика «слева», звучащая так горделиво и так заманчиво для тех, кто не уясняет себе ее истинный смысл!

Да, большевизм и меньшевизм в течение нескольких лет (примерно с 1903 г. по 1906 г.) спорили о характере русской революции. Спор шел о том, будет ли наша русская революция буржуазною и в каком смысле буржуазной, или она будет своеобразной, переходной к социализму, и в какой степени; какую роль сыграет в русской революции пролетариат, какую — крестьянство; каково будет социальное содержание революции.

---

[1]) Л. Троцкий, «1905». Госиздат, стр. 285.
[2]) Там же, стр. 284.
[3]) Там же, стр. 284.

Но с 1907 по 1917 г. — целое десятилетие! — большевизм спорил с меньшевизмом уже не по вопросу о характере, а по вопросу о том, быть или не быть второй революции вообще. С 1907 по 1917 г. позиция меньшевиков заключалась в том, что они были не только против диктатуры пролетариата и крестьянства в революции, но против всякой второй революции вообще. Меньшевики говорили: буржуазная революция завершилась; был 1905—06 г.; в результате — конституция; революция «сверху» произошла; теперь дело идет уже только о продвижении по пути реформ — по «прусскому» пути. Суть меньшевизма в те годы состояла в том, что он был против новой революции вообще.

В это решающее десятилетие—где были парвусисты и троцкисты? Как раз в одном лагере с меньшевизмом! В это время спор с Троцким о характере революции лишь изредка мелькал в форме полемики литературного значения. А в действительности спор шел о том, быть ли революции вообще. Спор шел об отношении к меньшевизму, который снимал с очереди всякую вторую революцию. Этот факт, как светом бенгальского огня, озаряет весь исторический спор ленинизма с троцкизмом.

Является ли парвусизм-троцкизм критикой большевизма слева? Наш первый ответ: лозунг «перманентной революции» у Парвуса и Троцкого был ярким отражением их оппортунистского непонимания движущих сил русской и международной революции — о чем мы будем подробно говорить ниже в особой главе. Наш второй ответ: на решающее десятилетие троцкизм слился с тем лагерем, который вообще снял с очереди вторую революцию.

Во всей тогдашней политической борьбе шпаги скрещивались между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и троцкистами, с другой. Мнение всего анти-большевистского лагеря (троцкисты в том числе) заключалось в том, что новой революции вообще не будет, что нужно врастать в легальность и, как

все «европейские» с.-д. партии, готовиться через соответствующее количество десятилетий к «конечной цели» (в более или менее бернштейнианском понимании), т.-е. к тому счастливому, но весьма отдаленному, времени, когда наступит царство социализма. Весь анти-большевистский лагерь смотрел на «конечную цель», как на некую «икону» (совсем «по-европейски»), которой нужно поклониться, но которая все же остается только иконой.

Итак, кто хочет понять, является ли троцкизм-парвусизм критикой большевизма слева, тот должен отдать себе отчет в том, что в 1903 — 06 гг. спор действительно шел о характере революции, а с 1907 г. по 1917 г. спор шел по вопросу о революции вообще, т.-е. быть или не быть второй русской революции против царизма, работать на нее или не работать.

Еще раз, основной факт, который надо запомнить: в то решающее десятилетие, когда меньшевизм спорил не о характере революции, а о самой революции, — в это время составной частью меньшевизма был троцкизм.

* * *

Для того, чтобы лучше понять дело, спросим себя:

— Было ли время, когда заведомо мелко-буржуазное «социалистическое» течение, скажем, народническое, эс-эровское, пыталось критиковать большевизм «слева»? Было ли такое время?

В том-то и дело, что было.

Было время, когда «Революционная Россия», центральный орган эс-эров, вела ожесточенную кампанию против старой «Искры», душой которой был Ленин, именно по такой линии. Эс-эры, возглавляемые Черновым, критиковали тогдашний ленинизм «слева». Они выступали против «Искры» как раз по вопросу о характере русской революции. Всякому, кто знаком с литературой этого периода, известно, что и «Революционная Россия», и «Вестник русской революции», редактировавшийся тогда правым эс-эром Русановым,

в годы 1902 — 05, строили свою платформу против «искровцев» и против Ленина в значительной мере на том, что критиковали ленинизм якобы «слева» [1]). Одну из этих программных статей, «Из дневника читателя» («Революционная Россия», 1905 г., № 70, стр. 10), мы процитируем; это крайне важно. Дело идет о статье, написанной в 1905 г. после 9 января, когда революция уже стучалась в дверь. Статья без подписи, но бесспорно принадлежит Чернову. Он разбирает различные направления в русской социал-демократии и говорит так:

«Для социал-демократов всех оттенков и направлений стало уже догмой, что предстоящий в России переворот будет чисто буржуазным. Они расходятся между собой только в подробностях. Одни, следуя за г. Лениным, доводят свое логическое и политическое бесстрашие до того, что готовы собственными руками строить дворец для будущего властелина — буржуазии (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Они готовы принять участие в будущем временном правительстве,— но не для того, чтобы заставить своих компаньонов по власти дорого заплатить за помощь, какую сумеет оказать буржуазии восставший рабочий народ, — нет, они хотят своим участием только лишь упрочить политический переворот, обезопасить его от контр-рево-

[1]) Для тех товарищей, которые заинтересовались бы этим вопросом и пожелали предпринять специальную работу на эту тему,—а это было бы весьма полезно — мы могли бы рекомендовать следующий литературный материал: в «Революционной России» и в «Вестнике русской революции» за 1902—05 гг. был напечатан ряд статей (почти все без подписи), отражавших взгляд эс-эров на неизбежность социалистического характера будущей революции даже в первом фазисе переворота. Чаще всего эта мысль приводилась в аграрных теориях эс-эров, и вопрос рассматривался под прикрытием точки зрения «социализации земли». В таком духе написаны статьи: 1) «Крестьянское движение» (1902, № 8, стр. 3); 2) «По поводу одной годовщины» (1902, № 14, стр. 3); 3) «Социал-демократы и социалисты-революционеры» (1903, № 16, стр. 5); «Основные вопросы русской революционной программы» (1903, № 32, стр. 5; № 33, стр. 7); 5) «Аграрные программы русской социал-демократии» (1903, № 38, стр. 2; 1904, № 40, стр. 9); 6) «Задачи грядущего» (1904, стр. 2, № 40); 7) «Боевой момент» (1905, № 59, стр. 4). На эту же тему написаны статьи «К крестьянскому вопросу» («Вестник русской революции», 1903, № 3, стр. 214), «Из дневника читателя» («Революционная Россия», 1905, № 70, стр. 10, без подписи) и статья «Новые события и старые вопросы» («Революционная Россия», 1905, № 74, стр. 1, без подписи).

Особенно многозначительны последние две статьи.

люции или от реакционных поползновений самой буржуазии, испуганной грядущей новой революцией пролетариата, что же сверх сего, то от лукавого. Это самоограничение (подчеркнуто нами. *Г. З.*). характерно для людей, щеголяющих ежеминутной верностью социализму.

«Другие социал-демократы, во главе которых стоит г. Мартынов [1]) и «Искра» [2]), более верны талмудическому принципу несмешения с «нечистыми» и участие во временном правительстве, имеющем целью уничтожить путы, наложенные на рабочий народ, рассматривают так же, как участие в министерстве буржуазного правительства, имеющем целью продолжить господство над рабочим народом. Они поэтому не останавливаются на частичном ограничении поля деятельности временного правительства, а приходят вообще к идее воздержания от участия в нем. Здесь, как видите, самооскопление максимальное».

«Чернов полагает, что «корень ошибки у тех и у других заключается в одном и том же». Доказывается это следующим образом:

«Поверив без надлежащего критического рассмотрения в то положение, что грядущий переворот будет чисто буржуазным, и руководясь правилом — «сумеем мы чувство тому покорить, что ум неизбежным признает», они естественно стали в крайне ложное для социалистической партии положение: осуществилось то, что предсказывал когда-то Н. К. Михайловский и за что его марксисты так упрекали в «клевете». Покойный социолог предсказывал им, что они, будучи последовательными, должны будут превратиться в невольных слуг буржуазии — конечно, не ради нее, а ради ее «положительной исторической миссии», — но факт остается фактом. Чем же, действительно, можно больше услужить теперь буржуазии, как не выставлением такой политической платформы, которая во всем существен-

[1]) Тов. Мартынов — ныне член РКП — тогда был виднейшим вождем меньшевиков.

[2]) «Искра» в это время стала уже меньшевистской.

ном совпадает с буржуазными программами и не заключает ни одного пункта, в корне подрывающего позиции буржуазного общества? И вот получилась самая соблазнительная близость между теми, кто на словах считает себя хозяином сегодняшнего дня, и теми, кто считает себя непримиримым противником этих хозяев. Чтобы выйти из этого двусмысленного положения, социал-демократы отводят душу и берут чисто внешний, показной реванш над буржуазными либералами, — прибегая то к усиленной ругне против них, то к революционной демагогии, то, наконец, к тому и другому вместе».

Вот прекрасная тема для диссертации ленинского красного профессора, или комакадемика (не того, конечно, который считает, что он «не меньшевик, не большевик, а просто марксист»): исследовать и осветить, как и почему эс-эры критиковали большевиков «слева», как партия эс-эров устами Чернова доказывала, что «господин Ленин» хочет «самоограничивать» пролетариат и «построить дворец для буржуазии»!

Слово «самоограничение» — главное обвинение, которое «обрушивают» на голову ленинцев парвусисты-троцкисты, и оно же повторено, как мы видим, у Чернова буквально.

Кто хочет понять спор ленинизма с парвусизмом-троцкизмом, тот не должен пройти прежде всего мимо основного факта, заключающегося в том, что самая типичная мелко-буржуазная или буржуазно-демократическая партия, какую мы знаем, — эс-эры — также пыталась критиковать большевизм «слева». В 1925 г. мы хорошо уже знаем, кто такие эс-эры. Эс-эры — мелкобуржуазная партия, которая хотела политического переворота против царя и ожесточенно выступила против пролетариата, когда этот последний пошел дальше — против буржуазии. Мы отлично знаем, что в решающую полосу партия эс-эров не только выступила против пролетариата, но и крестьянство в его стремлении к земле держала за фалды: подожди учредилки, а «пока» мы посадим в тюрьму земельные комитеты и будем расстреливать солдат за нежелание

наступать по указке английских империалистов. Эс-эры — типичная партия мелкой буржуазии.

Более того, мы теперь знаем, кто такие «левые» эс-эры. Мы знаем, что в политической идеологии часто приходится наблюдать как бы игру китайских теней: то или иное политическое течение частенько говорит о себе совсем не то, чем оно действительно является, а то, чем оно хочет казаться. Так было и с партией «левых» эс-эров. Теперь-то мы их расшифровали, мы сняли вуаль с «прекрасных» черт и этой когда-то политической незнакомки. Несмотря на «революционную» фразеологию, «левые» эс-эры на деле оказались только радикальной разновидностью той же мелкой буржуазии, взбесившимися мелкими буржуа. А до падения царского самодержавия в 1905 г. и позже, когда все было придавлено могильной плитой царского самодержавия, когда политические расхождения не обозначались так ясно, когда классовые оттенки недостаточно еще дифференцировались,— тогда мы наблюдали странный исторический маскарад: партия мелкой буржуазии, партия эс-эров обвиняла партию революционного пролетариата, партию большевиков, как раз в том, в чем повинна была она сама.

Эс-эры обвиняли большевиков и «господина Ленина» в том, что он хочет, видите ли, «самоограничивать» пролетариат в то время, когда нужно довести до конца социалистическую революцию. Эс-эры одно время выступали против всякой программы-минимум (до 1905 г.). У эс-эров родилось течение «максималистов»— на деле тоже мелко-буржуазное течение. Когда же революция пришла, когда игра китайских теней не могла продолжаться, когда понадобилось испытание огнем революции, тогда мы увидели партию эс-эров не такой, какой ей хотелось одно время казаться, а такой, какой она была в действительности. Все раскусили тогда эту партию мелкой буржуазии с определенной политической идеологией кулачества, партию, стремившуюся уж действительно «ограничить» не только пролетариат, но и крестьянство: партию, которая на

деле стремилась только к завоеванию политической свободы для буржуазной «демократии», а от «социальных экспериментов», как она называла революцию, удерживала массы всеми силами.

Кто не понимает значения этого факта, тот сам себя лишает возможности понять суть нынешних споров.

Идя дальше, в глубь времен, можно сказать, что спор «Группы Освобождения Труда», возглавлявшейся Плехановым, с народничеством иногда шел по этой же линии. Плеханов и «Группа Освобождения Труда» видели смысл своего существования в том, чтобы доказать, что рабочий класс в России рождается, что мы — партия рабочего класса — должны пройти через политическую борьбу и т. д. А их противники, лидеры народничества, вплоть до Тихомирова, направляя шпагу против Плеханова, говорили: вы видите— Плеханов стоит за политическую борьбу, он не хочет бороться за социализм; мы—социалисты, мы—левые, а он — правый.

Плеханов был в то время последовательным революционным марксистом. Он правильно воевал против народников. Пока дело шло о доказательстве элементарных истин, что Россия проходит через капитализм, что рабочий класс выступает на общественную арену как самостоятельная политическая сила, — Плеханов был силен. До тех пор, пока нужно было доказывать эту азбуку против народничества (а тогда это не было азбукой, а ключом ко всей позиции), Плеханов был велик, как предтеча Ленина. Когда же через 20 лет вопрос встал уже практически, когда «азбуки» было уже недостаточно, когда пришло время вести в бой революционный пролетариат, тут Плеханов «сдал» и стал переходить на сторону меньшевиков.

Если мы хотим понять что-нибудь в теперешних спорах, если мы хотим уяснить себе, действительно ли парвусизм (и троцкизм) был идеологией более левой, чем большевизм, мы должны вспомнить, что было время, когда постановка вопроса Троцким и Парвусом о «самоограничении» пролетариата была вполне созвучна

позиции народников в борьбе с «Группой Освобождения Труда» (80-е годы) и эс-эров в борьбе с ленинской социал-демократией (1903—05 гг.).

* * *

Но нас могут спросить: почему же всему народничеству понадобилось рядиться в эту тогу? Что за странный исторический маскарад? Почему мелкая буржуазия как раз накануне первой большой волны буржуазно-демократической революции выступает в ярко социалистическом облачении?

Лучше всего ответить на этот вопрос словами Ленина. Мы имеем в виду его труд «Аграрная программа социал-демократии в русскую революцию 1905—1907 гг.». В этой замечательной книге Ленин пытается поставить диагноз народничеству и меньшевизму. Он говорит следующее:

«Ошибка всех народников состоит в том, что, ограничиваясь узким кругозором мелкого хозяина, они не видят буржуазности тех общественных отношений, в которые вступает крестьянин из оков крепостничества. Они превращают «трудовое начало» мелко-буржуазного земледелия и уравнительность, как лозунг разгрома крепостнических латифундий, в нечто абсолютное, самодовлеющее, означающее особый, не-буржуазный строй.

«Ошибка некоторых марксистов состоит в том, что, критикуя теорию народников, просматривают ее исторически-реальное и исторически-правомерное содержание в борьбе с крепостничеством. Критикуют, и справедливо критикуют, «трудовое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелко-буржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой революционный мелко-буржуазный демократизм (подчеркнуто нами. *Г. З.*), что эти теории служат знаменем решительной борьбы против старой, крепостнической России» [1]).

---

[1]) В. Ленин. Собр. соч., т. IX, стр. 458.

Здесь ключ к пониманию всей позиции народничества. — Вы, господа народники, — говорит Ленин,— мелко-буржуазные «социалисты». Постольку вы реакционны, в сравнении с революционным социализмом, с марксизмом, с большевизмом. Вы принимаете буржуазно-демократическую революцию за социализм, стремление крестьян к земле вы называете уравнительностью, социализацией, трудовым началом и т. д.

А обращаясь к меньшевистскому лагерю, Ленин говорит: — Верно, что уравнительность и социализация у народников сомнительного характера. Верно, что мы имеем перед собой мелко-буржуазных «социалистов». Но вы, меньшевики, будучи «марксистами» только на словах, видите лишь мелко-буржуазный социализм народников [1]) и проглядываете тот основной факт, что они выражают стремления громадной глыбы крестьянства, выражают стремление крестьянства добраться до горла помещика, добраться до земли, о которой мечтают целые поколения крестьянства.

Тут, повторяем, ключ ко всему ленинскому пониманию народничества до революции 1917 года.

Возьмите лозунг социализации земли, о котором так много спорил с эс-эрами Ленин. Ленин доказывал совершенно правильно, что эс-эровская социализация земли не есть социализм. Он взял земельную программу у эс-эров (вернее, у крестьян, поверивших эс-эрам) в октябре 1917 г. для того, чтобы лучше осуществить смычку рабочего класса с крестьянством, заранее зная, что жизнь внесет соответствующие поправки. Мы имеем теперь опыт национализации земли при диктатуре пролетариата, при власти рабочего класса. И все-таки это не есть еще социализм. Но представим себе, что дело пошло бы по-эс-эровски. Мы имели бы тогда буржуазно-демократическую диктатуру, мы имели бы тогда в лучшем случае республиканско-буржуазное правительство. Что пред-

[1]) Напомним, что в это время тесного блока между меньшевиками и эс-эрами еще не существовало, и меньшевики пытались критиковать эс-эров якобы с марксистской точки зрения.

ставляла бы «социализация» земли при такой обстановке? С точки зрения приближения к социализму, она дала бы тогда во сто раз меньше, чем национализация при диктатуре пролетариата, потому что тогда кулак имел больший удельный вес и фактически превратился в нового помещика. Это большевизм видел ясно. Но в то же время он видел, что мелко-буржуазное народничество отражало (на определенной стадии развития) стремление крестьян к земле, борьбу против латифундий, имевшую тогда глубоко революционное значение.

На приведенных примерах мы яснее ясного видим, как складывались группировки перед первой революцией, как иные тогда еще неясно понимали, «правая, левая где сторона», как этого не понимали ни меньшевики, ни эс-эры, ни парвусисты-троцкисты.

Последние совершенно не понимали значения крестьянства. И именно поэтому они не понимали, что мелко-буржуазный социалист неизбежно должен был в 1905 г. рядиться против нас в тогу «крайне левого» течения. Это вытекало из всего переплета политических отношений того времени. Это было в природе вещей. Против нас выступали тогда «революционеры», которые считали себя ужасно «левыми» социалистами, а на деле это часто были только «либералы с бомбой». Мелко-буржуазность этих «крайних» революционеров Ленин видел как бы через увеличительное стекло уже в то время, когда она проявлялась еще только в зародышевом состоянии . . .

Итак, словами Ленина мы дали ответ на вопрос о том, почему мелкая буржуазия накануне буржуазно-демократической революции рядилась в тогу социалистов и изображала себя «левее» Ленина. Это надо запомнить, чтобы понять основные споры того времени — в частности, чтобы понять некоторые политические эпитеты, которые бросались около 1905 г. и позже по адресу Ленина. Теперь сказать «господин Ленин» не повернется язык даже у вождей II Интернационала. Теперь слишком ясно, что это имя знаменует собой пролетарскую революцию, пролетарскую

партию, что это символ освобождающегося пролетариата. А тогда наши противники решались называть Ленина «господином», «невольным слугою буржуазии» и обвиняли его в политике «самоограничения пролетариата» и во многих других смертных грехах.

* * *

Попробуем поставить вопрос еще так: хорошо, накануне русской буржуазно-демократической революции мы видели, как типичные мелко-буржуазные революционеры критиковали пролетарских революционеров «слева». Ну, а было ли раньше в истории революций, в истории международного движения что-либо подобное? Бывало ли когда-либо раньше, чтобы марксисты попадали в такое положение, когда мелкая буржуазия критиковала их якобы «слева»?

Бывало!

Это бывало ни больше, ни меньше, как с самими Марксом и Энгельсом.

Оговорюсь с самого начала: полной аналогии здесь нет. Это параллель, пригодная лишь для того, чтобы примером пояснить дело.

В 1847—48 гг. Маркс и Энгельс, подготовляя «Коммунистический Манифест», т. е. заведомую программу пролетарской революции, вместе с тем говорили себе: однако, в Германии дело складывается так, что на время нам придется быть как бы только крайним левым крылом буржуазно-демократических революционеров. Маркс и Энгельс даже входили в такие организации, продолжая в то же время работать над «Коммунистическим Манифестом» и над созданием Союза коммунистов. Такое время — это был весьма короткий, мимолетный исторический эпизод — переживали основатели коммунизма, Маркс и Энгельс.

Почему здесь нет полной аналогии с положением Ленина в эпоху 1903—05 гг.? Потому, что слишком различна обстановка. Ленин в России в 1903—05 гг. опирался уже на могучий российский пролетариат,

имел за спиною опыт «Парижской Коммуны», Первого Интернационала, знал «Капитал» Маркса, видел начало империалистической эпохи. Понятно, что в 1847—48 гг. многое было иначе. Рабочий класс в Германии был еще крайне слаб, общественные отношения не были дифференцированы, международное рабочее движение было только в зародыше. Обстановка была другая. Но есть и черты некоторого сходства. Оно заключается в том, что в 1847—48 гг. перед Марксом и Энгельсом стояла во многом такая же задача, правда, не в таком громадном масштабе, как перед Лениным в начале XX столетия. Маркс и Энгельс разрешали задачу так: мы войдем на короткое время, как крайнее левое крыло, в буржуазно-демократическую революционную организацию и в то же время мы будем готовить первые ячейки пролетарской партии и формулировать программу пролетарской революции. Все это длилось очень недолго. Уже в 1850 г. мы видим другое положение. К этому времени относится известное обращение Маркса к Союзу коммунистов, то самое знаменитое обращение, в котором он, между прочим, говорит о «непрерывной» революции [1]). Но был короткий миг, когда Маркс и Энгельс считали необходимым не только поддерживать, как в свое время Владимир Ильич, но и прямо войти в организации демократической буржуазии, в качестве ее крайнего левого крыла.

Владимир Ильич говорил в начале 900-х годов, что нужно «подталкивать» (но не в меньшевистском смысле,

[1]) «В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наша задача заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев, не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира, не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества». (Стр. 501 из «Обращен. Центр. К-та к Союзу». 1850 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, «Исторические работы». ГИЗ.)

конечно, а в смысле использования либерального движения против царизма), русскую либеральную буржуазию влево. Петрункевич, Родичев и прочие представители либерального дворянства хотят выступить против царя, но они—«бедные», им негде напечатать нелегальной листовки, а мы—рабочая партия—богаты, мы возьмем и напечатаем нелегально их листовки, мы поможем им, ибо это нужно для дела рабочих. Так приходилось действовать Ленину. Маркс и Энгельс действовали в другой обстановке в том же направлении. Они не могли обещать германским «Петрункевичам и Родичевым» напечатать их листовки, ибо рабочей партии в Германии еще не было. Но Маркс и Энгельс входили в организацию демократической буржуазии, в ее боевые отряды (напр., Энгельс). Энгельс шел простым солдатом, Вильгельм Либкнехт шел простым добровольцем под лозунгом: «умереть за Республику». И в то же время Маркс и Энгельс вынашивали «Коммунистический Манифест», вынашивали идею международной организации пролетариата.

Есть ли в этом примере хоть кое-что, напоминающее позицию пролетарских революционеров в России в 1905 г. и позже?

Да, есть.

Повторяем, только кое-что. Нельзя до конца доводить эту аналогию. Но кое-что в этом примере дает нам возможность легче понять положение Ленина накануне первой русской революции и уяснить себе, почему же это вокруг Ленина тогда увивались такие маски, как Чернов, кричавший, что Ленин «самоограничивает пролетариат».

Загляните в «Коммунистический Манифест», перелистайте те места, где Маркс и Энгельс говорят о мелкобуржуазном мещанском социализме. Вспомните, как мелко-буржуазные социалисты «критикуют» таких гигантов, как Маркс и Энгельс, «слева», уверяя, будто Маркс и Энгельс не настоящие, не «истинные» социалисты.

Маркс брал Францию как образец страны, где крестьянство составляет большинство населения, и говорил:

«В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно, что писатели, выступившие в защиту пролетариата против буржуазии, прикладывали к буржуазному режиму мелко-буржуазную и мелко-крестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелко-буржуазной точки зрения [1]). Так возник мелко-буржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но также и в Англии...

«...Сотканный из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами красноречия, смоченный слезами чувствительного умиления, покров, в который немецкие социалисты облекали свои две-три костлявые «вечные истины», только содействовал сбыту их товаров среди этой публики (как эта характеристика исчерпывающе рисует «нашего» Чернова! *Г. З.*).

«...Он (немецкий социализм. *Г. З.*) сделал лишь последний вывод, когда он выступил непосредственно против «грубо-разрушительного» направления коммунизма и провозгласил, что в своем партийном беспристрастии он витает выше всякой борьбы классов» [2]).

Итак, еще раз: когда Маркс и Энгельс писали «Коммунистический Манифест»—этот основной документ международного пролетарского социализма,— они в это же время считали возможным входить, как крайнее левое крыло, в организацию революционно-демократической буржуазии. И в это же время они литературно бичевали немецких Черновых, мелко-буржуазных и «истинных» социалистов, которые критиковали Маркса и Энгельса якобы «слева».

Между тем надвигался 1848 год. Почуяв первое дыхание революции, Маркс с Энгельсом отправились в Германию и взяли в свои руки «Новую Рейнскую Газету». В эту пору Энгельс так же, как и Маркс,

---

[1]) Тем более это «естественно» для такой страны, как дореволюционная Россия. *Г. З.*

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс, «Коммунистический манифест». С введ. и примеч. Д. Рязанова. ГИЗ. 3-е изд., стр. 92, 96.

ярче, чем когда бы то ни было, показал, что он не только теоретик научного социализма, но умеет соединить теорию с революционной практикой. В мае 1849 года «Новая Рейнская Газета» была закрыта. В мае же начались попытки к восстанию в горнопромышленном районе Эльберфельда, Дюссельдорфа, Золингена и др. Энгельс поспешил на место действия, но приехал уже тогда, когда реакция восторжествовала, и был немедленно выпровожен перетрусившими бюргерами из эльберфельдского комитета общественной безопасности, которые уверяли, что присутствие Энгельса сильно беспокоит буржуазию: она-де боится, как бы он не провозгласил красной республики. Скоро вспыхнуло восстание в Бадене и Пфальце, шедшее под флагом «имперской конституции». Энгельс поспешил туда в качестве революционного солдата от «Новой Рейнской Газеты» и поступил адъютантом в добровольческий отряд Виллиха. Здесь он пробыл до самого конца восстания и одним из последних перешел границу Швейцарии, когда восстание оказалось разбитым [1]).

В письме Энгельса к жене Маркса от 25 июня 1849 года Энгельс писал так:

«Когда пруссаки пришли, я не мог отказать себе в удовольствии принять участие в войне. Виллих был единственный на что-нибудь годный офицер, и я отправился к нему и принял должность его адъютанта. Я участвовал в четырех сражениях, из которых два довольно значительных, особенно при Раштатте. ... Думаю — это очень хорошо, что в кампании участвовал хоть один представитель «Новой Рейнской Газеты», а то в Бадене и в Пфальце были в сборе все демократические отбросы и теперь похваляются не совершенными подвигами. Иначе опять стали бы болтать: господа из «Новой Рейнской Газеты» слишком, мол, трусливы, чтобы драться. Но из числа всех господ

[1]) См. об этом подробнее в нашей статье «Маркс и Энгельс» в сборнике «К 25-летию смерти К. Маркса». 1908 г.

демократов на деле никто не дрался, кроме меня и Кинкеля» [1]).

Итак, в 1849 г. Энгельс—один из авторов «Коммунистического Манифеста», в котором, как известно, Маркс и Энгельс вовсе не «самоограничивали пролетариат», — идет в отряд с жалкими «демократами», о которых он сам говорит, что это отбросы, идет под лозунгом имперской конституции, под лозунгом «умереть за Республику», отнюдь не социалистическую, идет, при ничтожных уже шансах на победу демократической республики. Идет — ибо считает, что этого требуют интересы пролетарского дела.

Вот как бывало в живой действительности с настоящими пролетарскими революционерами, когда перед ними стояла проблема о соотношении между революционно-демократической буржуазной революцией и пролетарской революцией, о борьбе за буржуазную свободу, как первой ступени борьбы за социализм. Вот как бывало, когда эта проблема стояла не только в книге, а в жизни, когда на очереди стояла задача свергнуть феодализм и тем расчистить дорогу для социализма. Кто знает марксистскую литературу, тот помнит, как Марксу не раз приходилось отбиваться от своих мелкобуржуазных критиков «слева», какую он вел ожесточенную борьбу с Прудоном, как приходилось ему отбиваться от пресных и скучных Грюнов и т. п.

Теперь, спустя 75 лет, конечно, легко быть «умным» и задним числом видеть, куда шло действительное развитие,—теперь, когда, кроме Маркса, мы имеем Ленина, который громадным факелом осветил пролетариату весь уже пройденный и еще предстоящий исторический путь, — теперь, когда мы имеем в прошлом три русских революции и начало международной революции, когда мы видим, что мелко-буржуазный «социализм» сгнивает (хотя дело и не обходится без частичных рецидивов), — теперь не трудно дать анализ всего

[1]) Письмо это по-русски перепечатано и в нашей книжке «Основоположники и вожди коммунизма», стр. 65.

этого. Но семьдесят пять лет тому назад эта задача была очень трудна, и нужно было обладать гениальной прозорливостью Маркса и Энгельса, чтобы с нею справиться.

Этих примеров прошлого нам не следует забывать, если мы хотим уяснить себе значение споров Ленина с мелко-буржуазными «социалистами». Теперь каждый видит, что означала «левая» критика Чернова по адресу Ленина. Теперь каждый видит, какова цена «левой» критике по адресу Ленина, которого обвиняли в «самоограничении пролетариата».

Да, большевики до самого 1917 года считали, что революция в России будет своеобразной, громадного размаха, народной демократической революцией, которая лишь при благоприятных условиях сможет быстро перерасти в социалистическую. Да, большевики до 1917 года выставляли лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» и утверждали, что лишь при благоприятных обстоятельствах эта диктатура будет быстро «перерастать» в диктатуру пролетариата. Да, это так. И большевики оказались правы. «Русская революция 1905 года, — писал в 1916 году Ленин,— была буржуазно-демократической. Она состояла из ряда битв всех недовольных классов, групп, элементов населения» [1]). И Ленин был прав. Но в буржуазно-демократической революции 1905 и 1917 гг. большевизм вел пролетарскую линию: довести до конца буржуазно-демократическую революцию, дабы обеспечить ее перерастание в социалистическую революцию. Поэтому ленинская тактика была единственно пролетарской тактикой. А вся критика, исходившая будто бы «слева», несмотря на свою внешнюю «революционность», на самом деле отдавала обильную дань мелкобуржуазному мещанскому «социализму». В том числе и мнимо-«левая» позиция сторонников «перманентной» революции.

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII. «Итоги дискуссии о самоопределении», стр. 431.

ГЛАВА III.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЛОЗУНГА.

История русского большевизма в эпоху 1903—1917 гг. — поскольку дело идет об его чисто тактической стороне — в значительной степени сводится к истории одного лозунга: демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Займемся же историей этого лозунга.

Не случайно, разумеется, то обстоятельство, что именно Россия явилась родиной ленинского учения. Именно русское рабочее движение должно было выдвинуться в эту эпоху на первый план, — как до того на первом плане стоял французский, а затем — немецкий пролетариат. Само собой разумеется, и об этом неоднократно говорил сам Ленин, что, чем шире и полнее будет в дальнейшем итти развитие международной революции, тем скорее России придется стать «одной из отсталых советских стран». Еще в «Что делать?» Ленин так характеризовал историческую обстановку, которая обусловила роль России, как авангарда мировой революции:

«История поставила теперь перед нами, — это писалось в 1902 г., — ближайшую задачу, которая является наиболее революционной (подчеркнуто Лениным. *Г. З.*) из всех ближайших задач пролетариата какой

бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» [1]).

Это хорошо понимал и Каутский, когда он был еще марксистом и писал в старой «Искре» свою знаменитую статью «Славяне и революция», не раз цитировавшуюся Владимиром Ильичем, — статью, в которой Каутский указывал на то, что именно русской революции, именно нашей стране суждено на время занять мировую авансцену.

«В настоящее же время (в противоположность 1848 г. *Н. Л.*) можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. Германия вступила в ряды революционных наций... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставит снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожа-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. V, «Что делать?», стр. 138.

луй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма России... С царем русские революционеры, быть может, давно справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника — европейского капитала. Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники. Но как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 году славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую счастливую весну для народов» (статья Каутского, «Славяне и революция» в газ. «Искра», 1902 г., № 18, 10 марта) [1]).

Переход марксизма эпохи Маркса к марксизму эпохи Ленина происходил в связи с событиями интернационального характера. Но это не мешает тому, что именно Россия, как это указывали Ленин и Каутский (когда последний был еще марксистом), стала той первой страной, где, в силу объективной революционности обстановки, прежде всего и совершался этот «переход». Именно этим и объясняется тот факт, что в России возник лозунг «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» в ленинском истолковании его.

* * *

В 1925 году Троцкий пытался представить дело таким образом, будто ленинизм (или большевизм) победил потому, что в 1917 г. «идейно перевооружился», т.-е. отбросил, как нечто неверное, свой старый, якобы

[1]) Цитируем по собранию сочинений Н. Ленина, т. XVII, стр. 16.

«ошибочный» лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и перешел к совершенно «новому» лозунгу диктатуры пролетариата, якобы чуждому «историческому большевизму», т.-е. большевизму, как он сложился с 1903 по 1917 гг.

Так ли подходил к этому Ленин? Есть целый ряд основных документов и важнейших статей, написанных Лениным, категорически отвергающих и опровергающих подобные утверждения.

Вспомним, как ставил этот вопрос большевизм в 1905 году. Здесь необходимо привести решающую для затронутого вопроса цитату из «Двух тактик» — главного произведения большевизма эпохи революции 1905 года:

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, — писал Ленин, — есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

«Ее будущее—борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелко-буржуазной демократической республики к социализму.

«Конечно, в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дороги. Наемный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это нисколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противополагаем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различения их, а разве можно отрицать, что в истории отдель-

ные, частные элементы того и другого переворота переплетаются? (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще многого и многого доделать в смысле демократизма?» [1]).

На наш взгляд, это самая глубокая мысль в «Двух тактиках», особенно ценная и замечательная тем, что она была высказана не после опыта двух русских революций, а накануне первой русской революции. Здесь в основном содержится уже вся ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Между этими основными положениями Ленина и его оценкой итогов четырех лет диктатуры (в статье, посвященной 4-летию существования Советской власти) в самые последние годы его жизни существует самая определенная связь [2]).

Это одна непрерывная цепь. Идейная преемственность полная. Никакого «перевооружения» не потребовалось.

Известно, что именно в это время, в 1905 г., шла горячая борьба меньшевизма против ленинизма, который, на основании анализа движущих сил русской революции, выдвинул лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Меньшевизм нападал на нас по следующей линии: он доказывал, что ленинизм якобы подчиняет основные классовые интересы пролетариата скоропреходящим интересам буржуазно-демократического переворота, подменяет классовую позицию пролетариата якобински-демократической позицией. За «Две тактики», подвергшиеся бешеному обстрелу со стороны меньшевиков, Ленин был объявлен (если взять эпитет, употребленный тогда Троцким) «Максимилианом

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. VI. «Две тактики социал-демократии в демократической революции», стр. 359 — 360.

[2]) См. об этом подробнее в главе IV — «Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую».

Лениным» — Робеспьером, кандидатом в диктаторы, в вожди буржуазной (или мелко-буржуазной) демократии.

России предстоит революция буржуазная, говорили меньшевики, значит, посторонись, дай дорогу буржуазии, пролетариат должен быть хвостом либеральной буржуазии.

А Ленин отвечал:

«А ведь именно таких умников, важничающих своей близорукостью, представляют из себя наши новоискровцы [1]). Они как раз ограничиваются рассуждениями о буржуазном характере революции там и тогда, где надо уметь провести разницу между республикански-революционной и монархически-либеральной буржуазной демократией (подчеркнуто нами. *Г. З.*), не говоря уже о разнице между непоследовательным буржуазным и последовательным пролетарским демократизмом».

«... Есть буржуазная демократия — и буржуазная демократия (подчеркнуто нами. *Г. З.*). И земец-монархист, сторонник верхней палаты, «запрашивающий» всеобщее избирательное право, а втайне, под сурдинку, заключающий с царизмом сделку насчет куцой конституции, есть буржуазный демократ. И крестьянин, с оружием в руках идущий против помещиков и чиновников, «наивно-республикански» предлагающий «прогнать царя», есть тоже буржуазный демократ».

« ... Крестьянство включает в себя массу полупролетарских элементов на ряду с мелко-буржуазными. Это делает его тоже неустойчивым, заставляя пролетариат сплотиться в строго-классовую партию. Но неустойчивость крестьянства коренным образом отличается от неустойчивости буржуазии, ибо крестьянство в данный момент заинтересовано не столько в безусловной охране частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли,

[1]) Меньшевики.

одного из главных видов этой собственности. (Подчеркнуто нами. *Г. З.*). Не становясь от этого социалистическим, не переставая быть мелкобуржуазным, крестьянство способно стать полным и радикальнейшим сторонником демократической революции».

«...«Решительная победа революции над царизмом» есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства...

«...Такая победа нисколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но, тем не менее, значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России, и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции».

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» [1]).

* * *

Только после смерти Ленина опубликованы (см. «Ленинский Сборник», II) его письма и замечания на проект партийной программы, написанный в 1902 году Г. В. Плехановым. Это — замечательнейшие документы, рисующие Ленина как теоретика и революционера.

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. VI. «Две тактики», стр. 332, 331—332, 369—370, 335, 336, 371.

Благодаря этим документам, молодой Ленин сразу вырастает в глазах читателя на целую голову.

В этих замечаниях мы читаем:

«Партия революционного класса **только в той форме** и может выразить условную революционность других классов, чтобы изложить перед ними **свое** понимание их бедствий и средств исцеления от их бедствий, чтобы выступить **в своем** объявлении войны капитализму, не только от своего имени, но и от имени всех «бедствующих и нищенствующих» масс. Отсюда уже само собой следует, что кто примет это учение, тот должен будет притти к нам» [1]).

Ленин прекрасно понимал, в 1902 году, что все другие классы — кроме пролетариата — *могут* быть лишь «*условно*» революционны и что *вести* их должен и может только пролетариат.

«Чем больше в практической части нашей программы проявляем мы «доброты» к мелкому производителю (например, к крестьянину), тем «строже» должны быть к этим ненадежным и двуличным социальным элементам в *принципиальной* части программы, ни на иоту не поступаясь **своей** точкой зрения» [2]).

И наконец:

«Желательно привлечь **всех** мелких производителей — конечно. Но мы знаем, что это — особый класс, хотя и связанный с пролетариатом тысячей нитей и переходных ступеней, но все же особый класс.

«Обязательно **сначала** *отгородить* себя от всех, выделить один только, *единственно* и **исключительно** пролетариат, — а **потом** уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает» [3]).

И автора этих строк (писано, не забудем, в 1902 году) меньшевики обвиняли в недостаточной выдержанности *классовой* точки зрения, в том, что он не пролетарский, а всего лишь мещанский (или крестьянский) революционер!! Поистине: с больной головы на здоровую...

---

[1]) «Ленинский Сборник» II, стр. 82.
[2]) Там же, стр. 83.
[3]) Там же, стр. 132.

В меньшевизме в это время особенно ясно можно было различить, если не два крыла, то, по крайней мере, два оттенка мысли, два настроения, две психологии. Одни танцовали от чисто «классовой» печки, другие — от «общенациональной оппозиции». На деле это был *один* лагерь. Первые, как и вторые, *на деле* оставляли пролетариату лишь роль либерального хвоста. Но первые старались — и сначала не без успеха — казаться и слыть «классовиками». То, что притягивало тогда, в 1905 г., к меньшевикам иногда не худших рабочих, это — тот оттенок в меньшевизме, который пытался больше всего критиковать Ленина и большевизм якобы с точки зрения «непримиримой», «чисто классовой» позиции пролетариата. Сущность меньшевизма тогда далеко не была так ясна, как теперь, через 20 лет. Борьба только разгоралась и из литературной области только еще переносилась в область прямой классовой борьбы. У меньшевиков были, разумеется, люди, которые более или менее сознательно использовывали эту «классовую» психологию в интересах мелко-буржуазного социализма; но были и люди, по-своему искренно убежденные в том, что они стоят *слева* от большевиков и якобы защищают подлинные классовые интересы пролетариата. В скобках скажу, что некоторая часть меньшевиков — их лучших людей — с 1905 по 1925 год, т.-е. за 20 лет, переходила к нам именно по мере того, как ей становилась ясною фальшь этой псевдо-классовой позиции меньшевизма.

Основное значение «Двух тактик», это — ключ к пониманию позиции большевиков в эпоху революции 1905 г. И в «Двух тактиках» мы находим уже все главное и к вопросу о «перерастании» буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Две тактики» доказывают, что Ленин умел не только по свежим следам только-что совершившихся событий, не запаздывая, не отставая от них, тут же формулировать самое основное в этих событиях, но умел и задолго *до* начала событий предвидеть их и заранее дать ясную характеристику их классового

содержания. Уже в 1905 году Ленин вполне определенно указывает на то, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства имеет свое прошлое и будущее, и со всей ясностью и полнотой он обрисовывает, в чем именно заключается это прошлое и будущее. Не смешны ли, поэтому, те «критики» большевизма, которые возражали против Ленина с точки зрения, якобы «левой», теории перманентной революции, которые указывали на то, что формула «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» недостаточно революционна и даже повернется против интересов победившего пролетариата, против социализма! [1]).

Переход от лозунга «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» к лозунгу «диктатура пролетариата» (диктатура, предполагающая союз рабочего класса и крестьянства, при руководящей роли первого), — не произошел внезапно, это не был прыжок в неизвестное. Вспомним еще раз, что говорит Ленин о «прошлом и будущем» старого большевистского лозунга. Нельзя понять этот переход, это «перерастание» одного лозунга в другой без понимания одной из основных идей ленинизма — о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Для того, чтобы понять историческую обстановку, в которой происходило это «перерастание», нужно прежде всего понять эпоху, лежащую между первой и второй русскими революциями — эпоху, характери-

[1]) В статье «Наши разногласия» Троцкий писал (см. книгу «1905», перепечатанную в 1922 году): «Если меньшевики, исходя из абстракции «наша революция буржуазна», приходят к идее приспособления всей тактики пролетариата к поведению либеральной буржуазии вплоть до завоевания ею государственной власти, то большевики, исходя из такой же голой абстракции «демократическая, а не социалистическая диктатура», приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть. Правда, разница между ними в этом вопросе весьма значительна: в то время, как анти-революционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, анти-революционные черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы» (Троцкий, «1905», стр. 285).

зовавшуюся бешеным ростом империализма и его противоречий, приведших к первой всемирной империалистической войне, которая стала кануном социалистической революции.

Главные движущие силы обеих революций—и 1905 г. и 1917 г.—одни и те же. Это—пролетариат и крестьянство. Но 1) соотношение *между* этими классами, 2) соотношение сил внутри анти-революционного лагеря и 3) международная обстановка далеко не одинаковы в указанные две эпохи. Отсюда и различие в большевистских лозунгах, представляющих собою конкретизацию *одной и той же идеи на двух различных этапах* исторического развития.

* * *

Остановимся еще подробнее на взглядах Ленина по вопросу о *характере* русской революции. На этот вопрос бросает свет одно из самых основных сочинений Ленина, книга, написанная Владимиром Ильичем в 1907 г. и напечатанная в 1917 г. — «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 годов». Эта книга полнее всего подводит итоги революции 1905 года.

Обратите внимание на следующий центральный тезис у Ленина:

«*Всякая крестьянская революция, направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция*»[1]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Запомним это место. Это — ключ ко многим теоремам ленинизма. Всякая крестьянская революция, направленная против средневековья — *при капиталистическом характере всего общественного хозяйства*,— есть буржуазная революция, но не вся-

[1]) *В. Ленин.* Собр. соч., т. IX, стр. 551.

кая буржуазная революция есть крестьянская революция! Противники ленинизма совершенно не понимали этой мысли и потому не могли понять всего своеобразия русской революции. Мы уже указывали, что в свое время Плеханов, самая выдающаяся голова в «Группе Освобождения Труда», не без успеха доказывал старому народничеству (еще тогда, когда спор переживал свою первоначальную стадию), что Россия пройдет через стадию капитализма, что пролетариат станет в России основной революционной силой, станет гегемоном в революции. Но Плеханов дал маху, когда надо было наполнить реальным содержанием о б щ у ю формулу о буржуазном характере русской революции и общую формулу о гегемонии пролетариата в русской революции. В эти общие формулы жизнь влил именно Ленин.

Приведенный тезис Ленина лишний раз доказывает, как наивны были возражения меньшевиков даже лучшего типа — тех, которые танцовали от «классовой» печки, — когда они, ломясь в открытую дверь, пытались доказывать Ленину, что крестьянская революция не есть еще социалистическая революция. Ленин лучше, чем кто бы то ни было, знал, что такое крестьянская революция. Но в то же время он знал, что, так как в нашей стране на очереди стоит с крайней остротой прежде всего земельный вопрос, т.-е. стучится в дверь крестьянская революция, то из этого при: 1) массовидности нашего крестьянства, 2) удельном весе пролетариата и 3) обстановке международной борьбы рабочего класса — вытекает, что наша первая революция должна стать (и стала) революцией, хотя и не классически-социалистической, но и не буржуазной в обычном смысле этого слова. Ленин конкретнее, чем кто-либо другой, представлял себе действительный ход русской революции. Приведенная мною ленинская формула поэтому полна глубокого теоретического и практического значения.

В той же книге, в главе «Политические и тактические соображения в вопросах аграрной программы» Ленин писал:

«Вышло так, что непродуманное абстрактное понятие буржуазного переворота заслонило (у меньшевиков. *Г. З.*) вопрос о той его разновидности, которой является крестьянская революция. Все это — одни «передряги», а реальна лишь «обычная колея». Трудно рельефнее выразить обывательскую точку зрения и непонимание того, из-за чего, собственно, идет борьба в нашей буржуазной революции»[1]).

Другими словами: вы, меньшевики, спорили по вопросу о буржуазном или социалистическом характере революции «вообще»; но вы не заметили «мелочи»: что у нас крестьянская революция является, правда, разновидностью буржуазной, но такой разновидностью, которая очень отличается от всех других известных нам буржуазных революций.

Ленин поясняет:

«Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты-земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру скажем, частную собственность на землю, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная страна без крестьянства и возможна буржуазная революция в подобной стране без крестьянства. Возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением, и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т.-е. такая, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. IX, стр. 552.

крестьянства в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию...

«Основной источник неверности всей тактической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период русской революции (т.-е. в 1905 — 1907 гг.) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией» [1]).

Крестьянство ни в коем случае не было *до конца* революционным классом, это верно. *До конца* революционным классом был и остается только пролетариат. Но при том классовом переплете, который мы имели в нашей стране до 1917 г., крестьянство в течение долгого времени было революционным классом, или, говоря осторожнее, было более или менее революционным классом и при благоприятных условиях под руководством рабочего класса могло стать (и стало) очень большой революционной силой. И вся задача сводилась к тому, чтобы «условно»-революционную силу, *потенциальную* революционную силу крестьянства превратить в *реальную* революционную силу, идущую за рабочим классом — чего тогда не поняли ни Плеханов, ни Парвус, ни Троцкий, ни Мартов.

«Социалисты-революционеры, как и все сколько-нибудь последовательные народники, — писал Ленин, — не понимают буржуазного характера крестьянской революции и связывают с ней весь свой quasi-социализм. Благоприятный исход крестьянской революции означал бы, по мнению народников, торжество народнического социализма в России. На деле такой исход был бы самым быстрым и самым решительным крахом народнического (крестьянского) социализма» [2]).

Народники, которые критиковали Ленина «слева» (см. об этом главу II — «Мелко-буржуазная критика ленинизма «слева»), воображали, что победа крестьянской революции будет эпохой расцвета народнического, т.-е. мелко-буржуазного социализма.

[1]) Н. *Ленин*. Собр. соч., том IX, стр. 554 — 555.
[2]) Там же, стр. 550 — 551.

А Ленин говорит им еще в 1907 году: ошибаетесь, господа, дело обстоит как раз наоборот: чем сильней будет победа крестьянской революции, тем скорей вылетит в трубу ваш народнический «социализм».

Как пошло дело? Именно так, как предсказывал Ленин.

Чем сильней был размах подлинной земельной революции, подлинного крестьянского движения, шедшего за пролетариатом, тем скорей песенка народнического «социализма», мелко-буржуазного «социализма» или мещанского «социализма» оказалась спетой. И Ленину, который уже в 1907 году сделал такие пророческие заявления, который, как подлинный мастер диалектики, видел о б е стороны мелко-буржуазного народничества (*и* революционную, *и* реакционную), поистине бьют челом его же добром, когда ему «возражают»: как же вы не понимали, что крестьянская революция не есть еще социализм, как вы не подумали, что мы представляем пролетариат, рабочую партию, что наша конечная цель — социализм и, стало-быть, нам не надо «самоограничивать» пролетариат и т. д. и т. п.?

Гениальному марксисту, действительному вождю пролетарской революции, который в е л и п р и в е л свой класс к победе в стране, ставшей узловым пунктом мировой революции, теперь хотят доказать, что верно было не его учение, а то «учение», которое в 1905 г. не видело «пустяка»: революционной роли крестьянства; не понимало «немногого»: что пролетариат в такой стране, какой была старая Россия, является единственным д о к о н ц а революционным классом, но не единственным революционным классом в о о б щ е, что это иначе и быть не могло в той стране, где аграрный вопрос был, по выражению Ленина, вопросом «национальным».

Большевизм сделал все выводы из анализа стоявшей на очереди крестьянской революции. Большевизм знал и помнил, что русская революция может победить лишь в том случае, если гегемоном революции будет пролетариат, если крестьянская революция про-

пзойдет под руководством рабочего класса. Большевизм, как партия пролетариата, знал, что именно коренные интересы революции требуют, чтобы рабочий класс руководил крестьянством. Большевизм разрешил эту задачу и теоретически и практически.

Уже в знаменитых своих статьях о «Временном правительстве» (1905 г.) Ленин писал о необходимости «добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет», чтобы она привела к «полному ниспровержению» «властей предержащих», к полной расчистке авгиевых конюшен самодержавия. «А если это удастся, тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется, в свою очередь, и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий» [1]).

«...От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути» [2]).

«От мещанского реформаторства пролетариат с презрением отстраняется в буржуазной революции: нас интересует свобода для борьбы, а не свобода для мещанского счастья» [3]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

«Вышло именно так, как мы говорили», писал впоследствии Ленин в «Ренегате Каутском»...

* * *

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. VI. «Социал-демократия и временное революционное правительство», стр. 129.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. VI. «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», стр. 449.

[3]) Н. Ленин. Собр. соч., т. IX. «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905 — 1907 гг.», стр. 563.

Маркс и Энгельс в свое время допускали, что быстрая победа социалистической революции на Западе позволит России сократить капиталистический этап ее развития.

В предисловии к русскому изданию «Коммунистического Манифеста», в письме Энгельса к Ткачеву, в недавно опубликованных набросках ответа Маркса на письмо В. И. Засулич [1]) творцы коммунизма высказывали ту мысль, что быстрое свержение абсолютизма в России и одновременная рабочая революция на Западе могли бы сделать из земельной общины в России опорный пункт социалистического развития. (В набросках ответа Вере Засулич Маркс шел даже дальше).

Диалектика истории оказалась сложнее, «хитрее». Вышло так, что не только абсолютизм, но и капитализм потерпел первое решающее поражение как раз в наиболее уязвимом слабом «звене»: в России. Вышло так, что решительная победа запоздавшей буржуазно-демократической революции в отсталой России быстро стала перерастать в победу социалистической революции в России. И уже она, эта победа в отсталой России, властно потянула за второе «звено», стала усиливать нарастание пролетарской революции в более зрелых капиталистических странах, стала ускорять революционную развязку и на Западе и на Востоке.

Россия воздействует на Запад (и, разумеется, также на Восток). Запад в то же время воздействует на Россию. Развитие мировой революции и взаимодействие стран (и материков) друг на друга в процессе этого развития — дело сложное. Общие контуры этого диалектического развития очерчены ленинизмом уже с достаточной ясностью. Связь и взаимодействие победоносной буржуазно-демократической революции в России и более быстрого назревания социалистической революции на Западе ленинизм ясно видел уже в 1905 году. Гарантию от реставрации даже только в буржуазно-демократической революции Ленин видел

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», под ред. Д. Рязанова. Книга первая, стр. 270 — 286.

(речи на Стокгольмском съезде; отчет Ленина петербургским рабочим о Стокгольмском съезде и пр.) в победе социалистической революции на Западе. Возможность быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в России в социалистическую революцию Ленин всегда связывал не только с ростом революционных сил внутри России, но и с ростом социалистической революции на Западе, с «союзом с пролетариями Европы».

ГЛАВА IV.

ПЕРЕРАСТАНИЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ.

Учитывая все своеобразие нашей русской революции, изучая ее классовый переплет во всей его конкретности, Ленин в то же время формулировал, как происходит процесс перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую вообще. Ленин не отделял революцию буржуазно-демократическую, крестьянскую революцию китайской стеной от революции социалистической. Прослеживая процесс перерастания одной в другую, изучая законы этого перерастания, Ленин и в этой области доделывал и расширял работу, начатую Марксом.

От работ 1905—1907 гг. перейдем на время прямо к 1917—1918 гг.—к работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Именно здесь мы видим яснее всего «смычку» между «Двумя тактиками» и основными произведениями Ленина эпохи Октябрьской революции.

Ленин пишет так:

«Пролетариат должен вести буржуазно-демократическую революцию до ее конца (это говорит Ленин в то время, когда он уже около года был председателем Совнаркома. *Г. З.*), не давая себя «связать» реформизмом буржуазии. Классовое соотношение сил при

буржуазной революции большевики формулировали так: пролетариат, присоединяя к себе крестьянство, нейтрализует либеральную буржуазию и разрушает до конца монархию, средневековье, помещичье землевладение.

«В союзе пролетариата с крестьянством вообще и обнаруживается буржуазный характер революции, ибо крестьянство вообще есть мелкие производители, стоящие на почве товарного производства. Далее, добавляли тогда же большевики, пролетариат присоединяет к себе весь полупролетариат (всех эксплоатируемых и трудящихся), нейтрализует среднее крестьянство и ниспровергает буржуазию: в этом состоит социалистическая революция в отличие от буржуазно-демократической» [1].

В 1907 г. Ленин говорил, что всякая крестьянская революция [2]) есть революция буржуазная; а в 1918 г. он уточняет эту формулу и говорит: и в союзе пролетариата с крестьянством вообще (слово «вообще» Ленин подчеркивает, имея в виду крестьянство в целом) обнаруживается буржуазный характер революции, ибо крестьянство «вообще» это — мелкие производители. Именно могучее участие крестьянства, как целого, в нашей революции (без такой поддержки нельзя было бы победить), накладывало до поры до времени определенный отпечаток на революцию, делало, вообще говоря, революцию буржуазно-демократической. И Ленин поясняет, почему это так. Потому, что крестьянин — наш основной союзник в данную стадию движения — стоит на почве товарного производства.

«Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения, — продолжает Ленин.—Сначала вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», стр. 503—504.

[2]) С теми ограничениями, которые вносит сам Ленин (см. предыдущую главу).

с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистическою.

«Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом» (подчеркнуто нами. *Г. З.*) [1]).

«Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии» [2]).

С крестьянством вообще — до конца буржуазно-демократической революции; с беднейшей, пролетарской и полупролетарской частью крестьянства — вперед, к социалистической революции!

Такова была политика ленинизма. И это была единственно правильная марксистская политика.

«Именно большевики строго учли различие буржуазно-демократической революции от социалистической: доводя до конца первую, они открывали дверь для перехода ко второй. Это — единственно революционная и единственно марксистская политика [3]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*)

«Именно большевики, только большевики, только в силу победы пролетарской революции, помогли крестьянству довести буржуазно-демократическую рево-

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», стр. 508.
[2]) Там же, стр. 512.
[3]) Там же, стр. 519.

люцию действительно до конца. И только этим они сделали максимум для облегчения и ускорения перехода к социалистической революции» [1]).

И все же есть еще люди, согласные с Троцким в том, что большевизм, действительно, должен был «перевооружиться», «отказаться» от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, чтобы стать тем, чем он стал. Между тем, не кто иной, как Ленин — подчеркиваю, не ученики, а учитель, — уже после года существования Советской власти, подтвердил правильность данного большевиками еще в 1905 году анализа движущих сил революции и, в частности, освещения вопроса о «перерастании» буржуазно-демократической революции в социалистическую. Мы видим у Ленина совершенно точное описание исторического процесса: он ясно показывает нам, как именно буржуазно-демократическая революция стала перерастать в революцию социалистическую.

В приведенной выдержке Ленина не учтен еще дальнейший этап: НЭП. Ибо это написано до НЭП'а. Во всяком случае, этот новый этап еще более подтвердил в основном то, что сказано у Ленина. НЭП во всяком случае доказал, что «перерастание» буржуазно-демократической революции в социалистическую дело еще более медленное и трудное, чем мы думали.

Основная же проблема, занимающая нас сейчас,— соотношение лозунгов буржуазно-демократической революции и социалистической (одна из важнейших проблем, отделяющих троцкизм от ленинизма) [2]),—освещена в приведенных положениях Ленина полностью и до конца. Ничего здесь не прибавишь, ни одного слова не убавишь. Здесь все сказано с ильичевской скупостью и выпуклостью, сжато и ясно—так, что просится в хрестоматию.

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», стр. 521.

[2]) Напомним, что писал Ленин в 1909 году: «Основная ошибка т. Троцкого—игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической» (Н. Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. I. Статья «Цель борьбы пролетариата в нашей революции», стр. 226.)

Перейдем к другой программной статье Ленина, «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», одной из важнейших для понимания ленинизма. Что говорит Ленин здесь?

«Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране.

«И мы в праве гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже, с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем великая французская революция свыше 125 лет тому назад.

«И анархисты, и мелко-буржуазные демократы (т.-е. меньшевики и эс-эры, как русские представители этого международного социального типа) говорили и говорят невероятно много путаницы по вопросу об отношении буржуазно-демократической революции к социалистической (т.-е. пролетарской). Верность нашего понимания марксизма в этом пункте, нашего учета опыта прежних революций подтвердилась за четыре года полностью. Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необъятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой» [1]).

Итак, четыре года Советской власти позади нас. Создан Коминтерн. Ленин стоит уже во главе всего рабочего класса, поддержанный значительной частью крестьянства. Гражданская война вчерне уже заканчивается. Ясно виден берег, и ясно видно, что рабочему

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII ч. I, стр. 363 — 364.

классу нашей страны досталась серьезная победа. И, однако, обозревая пройденный путь, Ленин, отнюдь не любивший подгонять действительность под надуманные схемы, говорит, что первоочередной задачей революции в России была задача буржуазно-демократической революции. Мы гордимся, говорит он, что проделали буржуазно-демократическую революцию, *как следует*, что очистили авгиевы конюшни старого порядка и начали двигаться к социалистической революции. Он ясно и наглядно показывает нам, *как именно* буржуазно-демократическая революция *начинает перерастать* в социалистическую революцию. «Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую»[1]).

Можно ли, после всего этого, говорить об «идейном перевооружении» большевизма, о сдаче в архив старых его теорий? Ленину и большевизму незачем было идейно «перевооружаться». Не пора ли «перевооружиться» тем, кто не только в 1905 г., накануне первой революции, не только в 1917 г., после первой революции, не только на первом и четвертом году пролетарской революции, но и на восьмом году Советской власти *по-меньшевистски* повторяет зады относительно того, что крестьянство «вообще» не есть пролетариат, что в крестьянстве есть много буржуазного, мелко-буржуазного и т. д...

Чтобы покончить с этой темой, надо обратить внимание еще на одну из последних статей Ленина о нашей революции. Это — чрезвычайно глубокая по содержанию запись из дневника в последние недели жизни Владимира Ильича. Эта статья написана, напоминаю, уже после введения НЭП'а, незадолго до смерти Владимира Ильича. Она посвящена Суханову [2]).

«Им (т.-е. Суханову и К°. *Г. З.*) не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе

[1]) Н. *Ленин*. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», стр. 366.

[2]) Н. *Ленин*. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «О нашей революции», стр. 117 — 120.

стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран вне-европейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западно-европейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным.

«Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он под влиянием безвыходности своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации.

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала и, в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революции» [1]).

Вы до сих пор не понимаете — говорит Ленин Суханову — своеобразия русской революции. Как самый заурядный меньшевик, вы продолжаете думать, что пролетарский переворот непременно должен произойти в порядке очереди непременно в самой промышленной стране, что пролетарскую революцию нельзя совершить там, где нет достаточной всеобщей грамотности и культурности. Вы забываете, гр. Суханов, что про-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «О нашей революции», стр. 118—119.

мышленное развитие, степень культурности и т. д. это — важные факторы революции, но не единственные.

«Для создания социализма, — пишет Ленин, — говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического периода недопустимы или невозможны?

«Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир, или НЭП и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу» [1]).

Да, социализм, прежде всего требует такой предпосылки, как цивилизованность. У нас ее еще нет. Но вот в 1917 году в нашей стране обстановка сложилась так благоприятно, что мы могли сказать: для того, чтобы успешно начать серьезную работу над поднятием культурности нашего народа, для этого давайте сначала прогоним царя, помещиков и капиталистов. Вышло так, что мы действительно царя прогнали, изгнали помещиков и российских капиталистов и теперь, как рабоче-крестьянская власть, принимаемся за создание основной предпосылки для упрочения социалистического строя, за поднятие культурности.

Плохо ли это?

Нет, очень хорошо.

Наши критики до сих пор не понимают основного: что Октябрь победил потому, что мы получили совершенно-небывалое ни в одной стране сочетание 1) аграрной революции плюс 2) кризис империали-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, «О нашей революции», стр. 120.

стической войны. Другими словами, мы имели в своем распоряжении лозунг «мир» плюс лозунг «земля», чего не было ни в одной другой стране, ни у одной другой партии.

Вот почему мы победили.

Если уже в 1905 году эти лозунги способны были потрясти самодержавие, то, когда в обстановке 1917 года к лозунгу «земли» прибавился лозунг «мира» в момент, когда под ружьем стояло около десятка миллионов крестьян,—это решило дело.

Забегая вперед, напомню, что, именно благодаря отсутствию такого сочетания, так затруднилась победа германской революции. Лозунг «Долой войну» громко раздался во всех воюющих странах, т.-е. почти во всей Европе; лозунг «хлеба» тоже широко распространился в 1916—1918 гг. во всех воюющих странах; а лозунг «земли», в таком масштабе, как это было в революции 1917 г. в России, был только у нас. Это был лозунг решающего общенародного значения, поднявший широчайшие революционные слои. Сочетание двух (или даже трех: мира, хлеба, земли) лозунгов, конечно, совершенно верно отражавших тогдашнюю конкретную российскую действительность, и дало нам возможность победить, помогло нам пройти путь от февраля к Октябрю в течение всего каких-нибудь 8—9 месяцев. В феврале революция была еще буржуазной, а Октябрь был уже началом социалистической революции. Февральская революция была беременна Октябрьской; буржуазно-демократическая революция была беременна пролетарской. И случилось даже так, что беременность-то эта продолжалась почти ровно 9 месяцев.

Это и есть то замечательное в русской революции, чего до сих пор не понимает тов. Троцкий. В своем предисловии к «1917» Троцкий пишет:

«Это вовсе не значит, что русская революция могла итти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 года. Этот последний путь вытекал не только (!!) из классовых отноше-

ний, но и из тех временных условий, какие создала война. Благодаря войне, крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде чем пролетариат успел организоваться под своим знаменем, чтобы повести за собою массы деревни, мелко-буржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войною крестьянской армии. Весом этой многомиллионной армии, от которой ведь все непосредственно зависело, мелкобуржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой. Что ход революции мог бы (!!) быть и другим на тех же (?) классовых основах, об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне» [1]).

В этих словах полное непонимание того, что наша революция победила именно благодаря сочетанию двух кризисов: военного и аграрного (разумеется, при наличии, как основы, широкого революционного рабочего движения); что мы победили, благодаря сочетанию двух лозунгов: «долой войну» плюс «земля». А это и есть, другими словами, полное непонимание того, как буржуазно-демократическая революция начинает при известных условиях перерастать в революцию социалистическую [2]).

Классически правильная оценка крестьянства, классически правильная оценка взаимоотношения и взаимозависимости буржуазно-демократической революции с пролетарской; точный и ясный, целиком подтвердившийся учет классовых сил в нашей собственной стране; замечательно ясное понимание связи между революцией русской и международной — это и есть основной инвентарь, железный фонд ленинизма. Из этой программной сокровищницы большевизма будут годами черпать коммунисты всего мира.

В зародыше почти все эти идеи большевизма были и у Маркса. Но с классической ясностью они были

[1]) Л. Троцкий. Сочин., т. III, «1917», ч. I, «Уроки Октября», стр. XIX.
[2]) См. подробнее об этой ошибке Троцкого мою брошюру «Большевизм или троцкизм?».

развиты Лениным накануне первой революции в 1905 г., проверены им и снова подтверждены после двух революций 1917 г. В этом их основная ценность.

Так складывается ленинизм в различные исторические моменты. Ознакомьтесь с важнейшими положениями ленинизма — 1) накануне первой революции; 2) после 1905 года; 3) затем в двух революциях 1917 г.; 4) непосредственно после победы пролетарской революции; 5) затем спустя четыре года после нее, после провозглашения НЭП'а в 1921/22 г. и 6) накануне смерти Ленина в 1923 году. Идейная преемственность полная. Никакого «идейного перевооружения» между 1905, 1917 и 1922 годами не было. Большевизму этого делать не пришлось. «Две тактики» 1905 года органически сливаются с «Пролетарской революцией и ренегатом Каутским» 1918 года. В 1905 г. Ленин был только литератором, которого иные меньшевики еще осмеливались называть «Максимилианом Лениным». В 1918 г. Ленин был уже общепризнанным вождем международной революции и главой Советской России. Литературные произведения Ленина в это время сразу же становились основными документами международного коммунизма. Ленинизм развивается органически — без «перевооружений». Произведения Ленина, начиная от 1904 года и кончая 1922 годом, полны содержания, почерпнутого из эпохи трех русских революций и революционного движения во всем мире. Каждая строка у Ленина может быть иллюстрирована такими яркими образцами классовой борьбы и гражданской войны, которые оставляют далеко позади даже самые блестящие исторические иллюстрации, дававшиеся Марксом и Энгельсом на основании перипетий классовой борьбы в революциях 1848 и 1871 гг. Эти литературные произведения показывают нам ленинизм во весь рост. Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую — вот главное их содержание.

ГЛАВА V.

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПО ЛЕНИНУ.

Теоретики «перманентной» революции грешат прежде всего именно тем, что не понимают сущности перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. С этим связана у них путаница и в другом вопросе — о сущности национальной революции и о перерастании национальной революции в международную.

Есть у нас такие горе-интернационалисты, которые самый эпитет «национальная революция» считают чуть ли не ругательными словами. Как! Мы, революционеры, будем барахтаться в какой-то там национальной революции! Это недостойно Нас (с большой буквы!). Подавай нам «сразу» интернациональную революцию!

Что же такое национальная революция по Ленину?

Национальная революция не есть (или, во всяком случае, не обязательно есть) националистическая, шовинистическая, мещанская революция, любующаяся своей ограниченностью и узколобостью. По Ленину, национальная революция есть революция, захватывающая весь или почти весь народ, всю нацию. В этом смысле Маркс не раз говорил и о пролетарской революции, как о национальной революции. В «Борьбе классов во Франции 1848 — 1850 гг.» Маркс пишет:

«Развитие промышленного пролетариата вообще обусловливается развитием промышленной буржуазии.

Под ее господством он впервые приобретает широкое национальное существование, которое только и может сделать его революцию национальной революцией» [1]).

У Ленина вы найдете на этот счет прекрасные места.

Обратимся к работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (март 1906 г.) [2]), особенно к тому месту из этой статьи, которое определяет, что́ именно Ленин понимает под словами «национальная революция». Ленин берет, как пример, историю со Спиридоновой и Аврамовым (казачий есаул Аврамов истязал Спиридонову, чем вызвал громадное возмущение, результатом которого был самосуд над Аврамовым). Ленин говорит: когда Аврамов истязует Спиридонову, это есть диктатура, но когда народ расправляется с Аврамовым, убивая его на месте, то это тоже есть диктатура. Первое — есть диктатура меньшинства, второе—есть диктатура народа. Меньшевики моментально обиделись: как — «народа»? Где же ваш марксизм? Где же «класс»? Тут показывает ослиные уши тот самый меньшевик, который, как мы уже говорили, танцовал от «классовой» печки, оставаясь на деле подголоском либералов.

Ленин разъясняет:

«Во взятом нами примере мы видим диктатуру именно народа, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Наконец, это есть диктатура именно революционного народа. Почему только революционного, а не всего народа? Потому, что во всем народе, страдающем постоянно и самым жестоким образом от подвигов Аврамовых, есть люди, забитые физически, запуганные, люди, забитые нравственно, например, теорией о непротивлении злу, насилием, или просто забитые не тео-

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. «Исторические работы», стр. 36.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. VII, ч. I, изд. 1922 г., стр. 85 — 150.

рией, а предрассудком, обычаем, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!). Вот почему диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ, нисколько не боящийся, однако, всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно весь народ к участию не только в «управлении» государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства» (подчеркнуто нами. *Г. З.*) [1]).

Мы все помним знаменитую фразу Ленина, сказанную в 1917 г., о том, что каждая кухарка должна научиться управлять государством. Читатель видит, что в сущности то же самое говорил он уже в 1905 г., объясняя меньшевикам, что такое диктатура народа. В этом именно смысле Ленин не раз говорил о национальной революции, как революции, захватывающей весь народ, захватывающей прежде всего широкие слои крестьянства.

Недаром Ленин, в скобках говоря, после декабрьского восстания 1905 г., интересовался, какую роль играли дворники на Красной Пресне. Он видел величайшее знамение времени в том, что и часть дворников участвовала в восстании. В 1917 г. он брал кухарку как символ самых угнетенных, отсталых, забитых слоев народа. В 1905 г. он интересовался дворником. Как! дворники участвовали в постройке баррикад, и вы об этом молчите — это ведь очень, очень не маловажный момент для суждения о массовом движении. Вы рассказываете о том, какие тезисы выносились в этот момент, и как в тезисах спорили, есть ли это революция буржуазно-демократическая, или не буржуазно-демократическая! Но вы забыли сказать

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., том VII, ч. I, изд. 1922 г., стр. 124—125.

мне вещь поважнее—участвовали ли дворники и вообще мелкий люд в постройке баррикад. Если участвовали, то для меня это лишнее доказательство того, что дело идет о подлинной глубинной национальной революции.

Если «Пила и Сысойка» в революции еще так или иначе не участвуют, то это, пожалуй, еще не настоящая, не вполне массовая, народная революция [1]). Да, эти элементы отсталы, не культурны; они внесут в революцию свою отсталость, некультурность, ограниченность кругозора. Все это мы, представители пролетариата, мы, авангард, будем исправлять. Но если «Пила и Сысойка» не участвуют вовсе в движении, если крестьяне, солдаты, если кухарка, дворник, мелкий люд не участвуют так или иначе в движении, то это не есть еще настоящая народная, национальная революция.

При этом — количество переходит в качество: чем бо́льшие массы втянуты в классовую борьбу (выборы в парламент, стачки, всеобщая забастовка, восстание, гражданская война), чем шире, сильнее размах борьбы, тем выше этап классовой борьбы. Для успешного подхода к построению социализма нужна прямо поголовная организация трудящихся.

И с этой точки зрения Ленин подходит к вопросу о Советах. Уже с 1905 — 1906 гг. Ленин начинает создавать учение о Советах [2]). Некоторые профессора

---

[1]) «Один из главных, научных и практически-политических, признаков всякой действительной революции состоит в необыкновенно быстром, крутом, резком увеличении числа «обывателей», переходящих к активному, самостоятельному, действенному участию в политической жизни, в устройстве государства», писал Ленин о февральской (1917 г.) революции.

«Так и Россия. Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десятки лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, проснулись и потянулись к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большей частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посредине между капиталистами и наемными рабочими. Россия наиболее мелко-буржуазная страна из всех европейских стран». (Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. I. «Задачи пролетариата в нашей революции», стр. 41.)

[2]) Ленин, однако, никогда не фетишизировал Советы и умел давать трезвый классовый анализ Советов и в конце 1905 г., и в марте 1917, и после июльских дней 1917, и перед Октябрем и после Октября.

преподают у нас советское право. Это, конечно, хорошо—изучать нынешнее советское право. Но было бы еще лучше, если бы рядом с этим наши профессора сумели рассказать, как Ленин оценивал Советы уже в 1905 году.

Уже в «Победе кадетов» Ленин говорит:

«Ты рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты—наш товарищ. Выбирай своего депутата. Сейчас же, немедленно; выбирай, как считаешь удобным,—мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, совета солдатских депутатов и проч. и т. п. Это власть—открытая для всех»[1]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Да, в 1917 г. Ленин писал о значении Советов поистине вещи бессмертные, настоящие шедевры. А вот приведенные слова были сказаны уже в начале 1906 г., после первого подъема революции 1905 г. Уже тогда Ленину было ясно, что Советы не только «орган восстания», не только даже «орган власти», но и новая форма государства. Советы—лучшая организация, где осуществляется действительная смычка рабочих и крестьян, где сходятся передовики рабочие с представителями самых отсталых «низов». Вот в чем гвоздь. Здесь, в Советах, концентрационный пункт всего того, что рвется в бой, на улицу, в революцию.

Возвращаясь к этой же теме уже после 1917 г., Ленин в полемике против Каутского писал:

«Советы... потому именно представляют из себя неизмеримо более высокую форму и тип демократизма, что, объединяя и втягивая в политику массу рабочих и крестьян, они дают самый близкий к «народу» (в том смысле, в котором Маркс говорил в 1871 году о действительно народной революции), самый чуткий барометр развития и роста полити-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. VII, ч. I, стр. 123.

ческой, классовой зрелости масс (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Советская конституция не писалась по какому-нибудь «плану», не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии. Нет, эта конституция вырастала из хода развития классовой борьбы, по мере созревания классовых противоречий... (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

«Сначала советы объединяли крестьянство в целом. Неразвитость, отсталость, темнота именно беднейших крестьян отдавали руководство в руки кулаков, богатеньких, капиталистов, мелко-буржуазных интеллигентов... (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

«Победившая большевистская революция означала конец колебаний, означала полное разрушение монархии и помещичьего землевладения (до Октябрьской революции оно не было разрушено) [1]). Буржуазная революция была нами (подчеркнуто нами. *Г. З.*). доведена до конца. Крестьянство шло за нами в целом. Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент (подчеркнуто нами. *Г. З*). Советы объединяли крестьянство вообще. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

«Этот процесс развился летом и осенью 1918 г. Чехо-словацкое контр-революционное восстание (подчеркнуто нами. *Г. З.*) разбудило кулаков. По России прошла волна кулацких восстаний. Беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, а из жизни училось непримиримости (подчеркнуто нами. *Г. З.*) своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии» [2]).

И там же Ленин прибавлял, что, если бы большевизм попробовал преждевременно «декретировать»

---

[1]) Подчеркнуто нами. *Г. З.*

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», стр. 509, 510.

гражданскую войну или «введение социализма» в деревне, попробовал обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще, без ряда уступок среднему крестьянину и т. п., — тогда это было бы бланкистским искажением марксизма, тогда это было бы попыткой меньшинства навязать свою волю большинству, тогда это было бы теоретической нелепостью, непониманием того, что общекрестьянская революция есть еще революция буржуазная и что без ряда переходов, переходных ступеней сделать ее социалистическою в отсталой стране нельзя» [1]) (подчернуто нами. *Г. З.*).

Выше уже сказано было, как Ленин интернационализировал взгляд на крестьянство. А теперь напомним, как он интернационализировал свое учение о Советах.

Вот что он писал по этому поводу:

«Эта Советская власть перестала быть русской формой власти пролетариата. Она стала позицией международного пролетариата в его борьбе за власть, она стала вторым шагом (после Парижской Коммуны. *Г. З.*) во всемирном развитии социалистической революции» [2]).

И в другом месте:

«Февральская и Октябрьская революции 1917 г. довели Советы до всестороннего развития в национальном масштабе, затем до их победы в пролетарском социалистическом перевороте. И менее чем через два года обнаружился интернациональный характер Советов, распространение этой формы борьбы и организации на всемирное рабочее движение, историческое призвание Советов быть могильщиком, наследником, преемником буржуазного парламентаризма, буржуазной демократии вообще» [3]).

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», стр. 512.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «О профессиональных союзах», стр. 15.

[3]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», стр. 177.

И в то же время Ленин учил, что Советы могут сыграть решающую роль не только в тех странах, где преобладает пролетариат и где может произойти классическая пролетарская революция, но и в странах с громадным преобладанием крестьянства. Например, на Востоке.

На II всемирном конгрессе Коминтерна Ленин в 1920 г. говорил:

«Понимание роли и значения Советов распространилось теперь и на страны Востока.

«Начало советскому движению положено на всем Востоке, во всей Азии, среди всех колониальных народов.

«То положение, что эксплоатируемый должен восстать против эксплоататора и создать свои Советы, не слишком сложно. Оно после нашего опыта, после двух с половиной лет Советской республики в России, после I конгресса III Интернационала, становится доступным сотням миллионов угнетенных эксплоататорами масс во всем мире» [1]).

Лозунг Советов *для Востока* имеет громадное значение.

Здесь этот лозунг указывает на ту организацию, где соберутся *крестьяне* — в данном случае крестьяне угнетенных колониальных и полуколониальных стран [2]). Это наглядный пример того, как у Ленина *национальная* революция «увязывалась» с лозунгом «*Советы*». Мы знаем, что в Индии, в Китае и других колониальных и полуколониальных странах Ленин ждал (и мы ждем) прежде всего именно *национальной* революции, в ленинском понимании этого слова. И *для этих* революций Ленин дает лозунг — «Советы». В Советах соберутся угнетенные крестьяне, Советы станут органами национальных революций в колониях и полуколониях — тех национальных революций, которые, по Ленину, являются составной частью *мировой* пролетарской революции.

[1]) Н. *Ленин*. Собр. соч., т. XVII. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала, стр. 269.

[2]) См. подробнее о необходимости организации Советов в деревне в резолюции по крестьянскому вопросу, принятой вторым конгрессом. («2-й конгресс Коммунистического Интернационала», стр. 617 — 618.)

Вот в немногих словах то, что Ленин понимал под национальной революцией, под диктатурой народа. Возникает вопрос: а чем же отличается национальная революция по Ленину от «общенациональной оппозиции» по Мартову?

Разумеется, между ленинским пониманием «национальной революции» и «учением» меньшевиков об «общенациональной оппозиции» лежит целая пропасть.

Под общенациональной оппозицией меньшевики в эпоху первой революции понимали объединение всех революционных и оппозиционных слоев народа от рабочего до «либерального» помещика-октябриста — против царя.

Ленин не прочь был использовать даже либерального помещика против царизма. Ленин не отказывался «подталкивать» либералов против царя, пока либералы, в связи с ростом революционной «опасности» (1905 г.), не перешли окончательно в лагерь контрреволюции. Но Ленин вместе с тем всегда понимал, что цензовая оппозиция хочет *использовать рабочих*, хочет заставить пролетариат вытаскивать для буржуазии каштаны из огня. Ленин видел, как уже вскоре после появления на сцену либерализма (особенно после 1905 г., когда рабочие показали свою классовую мощь), буржуазная оппозиция стала готовить сделку с царизмом *против рабочих и крестьян*. Ленин не прочь был до поры до времени использовать как гирьку в борьбе против царизма и либеральный фронт, но он ни на минуту не забывал, что нам нужен революционный блок: союз рабочего класса и крестьянства.

В устах меньшевиков «общенациональная оппозиция» это значило: рабочий, плетись в хвосте за либералами, не смей «отпугивать» либеральную буржуазию, урезывай свои требования до программы «общенациональной оппозиции», равняйся по либералу.

Конечно, младо-турецкий переворот тоже был, можно сказать, «национальной» революцией, так как в известной мере выражал интересы почти всей нации.

Ленин говорил о национальной революции не в этом смысле. Ленин понимал под национальной революцией глубокую, народную революцию, поднимающую крестьянство на «плебейскую» расправу с помещиками. А меньшевики под формулой «общенациональной оппозиции» понимали блок с кадетами и октябристами, равняющийся по либеральному помещику и «оппозиционному» купцу.

* * *

После 1905 г. Ленин продолжает теми же глазами смотреть на национальную революцию в России. Он пишет, например, в 1909 г. в письме к тов. Скворцову (напечатанном в «Пролетарской Революции» за 1924 г., № 5), разъясняя «классическую» постановку вопроса большевизмом:

«Вот этот аграрный вопрос и есть теперь в России национальный вопрос буржуазного развития. Вот чтобы не впасть в ошибочное (механическое) перенесение к нам во многом верного и во всех отношениях крайне ценного немецкого образца, надо ясно себе представить, что национальным вопросом вполне утвердившегося буржуазного развития Германии было объединение и т. п., но не аграрный вопрос, а национальным вопросом окончательного утверждения в России буржуазного развития является именно аграрный (даже уже: крестьянский) вопрос.

«Вот чисто теоретическая основа отличия в применении марксизма к Германии 48—68 (примерно) и к России 1905—19?? годов» [1]).

Или дальше:

«Если мы согласимся в том, что новейшая история России, история 1905—09 годов доказала коренное, первостепенное, национальное (в этом смысле) значение аграрного вопроса в утверждении буржуазной эволюции определенного типа в России, то мы можем итти дальше. Если нет, то нет» [2]).

[1]) «Пролетарская Революция», 1924 г., № 5 (28). «Тов. Ленин о «прусском» и «американском» путях развития (1909 г.)», стр. 178.

[2]) Там же, стр. 179.

Непонимание этого и приводило меньшевиков и полуменьшевиков к контр-революционности в вопросе о роли крестьянства в революции:

«Отсюда,— пишет Ленин о меньшевиках,— их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «Общ. движение»), что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (классическая постановка) противоречит «всему ходу хозяйственного развития» (стр. 661 ме-ковского «Общ. движения»). «Противоречит всему ходу хоз. развития» — это ли не реакционность?» [1])

«Если исходная точка — интересы масс, то гвоздь русской революции — аграрный (земельный) вопрос», писал Ленин в другом месте. «О поражении или победе революции надо заключать не на основании насилий правительства и проявления «реакции» (которая всецело заполняет внимание многих кадетообразных с.-д.), а на основании учета положения массы в борьбе за землю» [2]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

А эта борьба за землю в основном определялась тем, что «у десяти миллионов крестьянских дворов 73 милл. десятин земли; у двадцати восьми тысяч благородных и чумазых лендлордов — 62 милл. десятин. Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю» [3]).

«Революция невозможна без общенационального (и эксплоатируемых и эксплоататоров затрагивающего) кризиса», пишет впоследствии Ленин в «Детской болезни» [4]).

Вместе с тем Ленин тогда же разъяснял, что вопрос о земельной революции в России имеет не

---

[1]) «Пролетарская Революция», 1924 г., № 5 (28). «Тов. Ленин о «прусском» и «американском» путях развития (1909 г.)», стр. 178.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. VIII. «Пролетариат и его союзник в русской революции», стр. 53.

[3]) Н. Ленин. Собр. соч., т. IX. «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 гг.», стр. 448.

[4]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», стр. 172.

только национальное значение, но и международное. Никогда ленинизм не забывал не только того, что русская революция вообще есть часть международной революции; ленинизм не забывал и более частного вопроса: что даже только один аграрный вопрос в России есть не только русский, но международный вопрос.

Ленин писал в «Аграрной программе социал-демократии...» следующее:

«... Не подлежит сомнению, что помещичье хозяйство тысячами нитей связано не только с бюрократией, но и с буржуазией. Конфискация подрывает массу интересов крупной буржуазии, а крестьянская революция ведет, как справедливо указывал Каутский, и к банкротству государства, т.-е. к нарушению интересов не одной русской, а и всей международной буржуазии... А так как товарное производство не объединяет и не централизует крестьянства, а разлагает и разъединяет его, то крестьянская революция в буржуазной стране осуществима только под руководством пролетариата, — обстоятельство, еще более восстановляющее самую могущественную буржуазию всего мира против такой революции» [1]).

А в другом месте:

«Падение самодержавия страшно отзовется на экономической жизни Западной Европы и нанесет тяжелый удар капитализму, особенно во Франции и Германии, вложивших миллиарды в дело укрепления русского самодержавия... Оно увлечет национальности... оно вызовет глубокое возбуждение в пролетариате всего мира» [2]).

Ленин неоднократно развивает ту мысль, что, разумеется, международная буржуазия ни в коем случае не будет сидеть, сложа руки, в тот момент, когда начнется осуществление руководящей роли пролета-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. IX, стр. 549 — 550.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. VI. «Международное значение русской революции», стр. 206.

риата в аграрной революции, т.-е. когда пробьет час земельной революции невиданных еще в мире размеров. И это по той простой причине, что русский помещик связан с русским буржуа, а последний связан с международным капиталистом.

Размах и победа национальной революции — по Ленину — немедленно упирается другим своим концом в международные отношения, т.-е. в вопросы международной революции.

Русская революция, уже и как аграрная только революция, полна международного значения и теснейшим образом связана с судьбами международного революционного развития. Тем большее международное значение получает Октябрьская 1917 г. революция. Этому во всяком случае не приходится учить ленинизм; именно ленинизм в этом вопросе дал не абстрактные формулы, а гениальный анализ, освещающий действительное положение вещей, — не в воображаемой, фантастической, а в конкретно-исторической обстановке. Ленинское учение сильно именно тем, что оно одно указало действительную взаимозависимость русской и международной революции в их динамике.

А как смотрел на национальную революцию тов. Троцкий?

Для тов. Троцкого «национальная» революция есть почти ругательное слово. Под национальной революцией он понимает национальную ограниченность. Я не буду уже брать то, что написано тов. Троцким до революции 1905 г., я возьму то, что было написано им в разгар империалистической войны 1914—1918 гг., когда Троцкий, хотя и медленными шагами, начинал отходить от меньшевизма. У Троцкого есть «программная» статья, которая называется «Военная катастрофа и политические перспективы», написанная в сентябре 1915 г. [1]). В ней он ставит перед собою вопрос о перспективах. «Национальный или интернациональный курс» — так ставит он вопрос.

[1]) Эту статью Троцкий считает верной и теперь. Он относит ее к тем своим статьям, которые он перепечатывает без всяких оговорок.

И Троцкий говорит:

«... Все развитие наших общественных отношений за это десятилетие шло по пути дальнейшего умаления возможной революционной роли мелкой буржуазии и крестьянства(!?!) [1]) и дальнейшего возрастания численности и производственного значения промышленного пролетариата. Если «национальная» революция в 1905 г. не могла быть завершена, то вторичная национальная революция, т.-е. революция, объединяющая «нацию» против старого режима, не может быть историей даже поставлена (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

«Социал-демократия, разумеется, учтет и использует в своей борьбе всякое оппозиционное движение других общественных сил. Но большой, основной вопрос гласит: считаем ли мы, что буржуазные классы России, окончательно раскрывшие свою реакционно-империалистическую природу во внешней политике, способны на революционную роль во внутренней? Ставим ли мы развитие русской революции—а, значит, практически движение русского пролетариата—в зависимость от революционного движения русской интеллигенции, мелкой городской буржуазии и крестьянства (подчеркнуто нами. *Г. З.*)? Или же мы подчиняем движение российского пролетариата задачам и целям движения всего европейского пролетариата?» [2]).

Это—образец анти-ленинской прозы Троцкого.

Еще в конце 1915 года тов. Троцкий продолжает ставить на одну доску: 1) русскую интеллигенцию, 2) мелкую городскую буржуазию и 3) крестьянство! Выходит, что эти факторы более или менее одинаковы; эти три группы будто бы одинаково отходят от революции, теряют способность играть революционную роль. И Троцкий патетически вопрошает Ленина:—Что же, будете вы держать курс на русскую интел-

[1]) Подчеркнуто нами. *Г. З.*

[2]) Л. Троцкий. «Война и революция», т. I, стр. 255—256.

лигенцию, на мелкую городскую буржуазию и крестьянство, которые все больше перестают быть революционными факторами, или вы будете держать курс на международный пролетариат?

В самой постановке вопроса — Ахиллесова пята троцкизма. Это «или» — «или» именно и неверно. Ибо марксизм не может и ставить вопроса: держать курс на известные слои крестьянства своей собственной страны, или на международный пролетариат. Марксист-ленинец говорит: именно потому, что я держу курс на международный пролетариат, именно поэтому я не забуду, что для победы моего дела мне нужно обеспечить себе основного союзника пролетариата в моей стране, и я нахожу этого союзника прежде всего в известных слоях крестьянства. В нашей стране это уже совершенно ясно. Годы революции разъяснили дело. А мы видели, что по Ленину (см. резолюцию II конгресса Коминтерна) вопрос о крестьянстве решается таким же образом и в международном масштабе.

Перед нашими глазами прошли примеры ограниченности парвусизма и троцкизма в 1905 г., затем воспроизведение той же ограниченности в 1915 г. в ходе империалистической войны, когда были уже достаточно ясны все нынешние главные проблемы.

Может ли человек, который стоит на этой точке зрения Троцкого, высказанной в 1915 г., объяснить, что такое февральская революция 1917 года? Конечно, нет! Такой человек потерял ключ к объяснению февраля 1917 г.

Мы уже знаем, что такое февральская революция по Ленину, — это и есть «национальная» буржуазно-демократическая революция, беременная пролетарской революцией. По Ленину объяснение февралю дать можно. А по Троцкому?... Можно ли с точки зрения «перманентной» революции объяснить февраль? Можно придумать сколько угодно мертвых схем, но объяснить по-марксистски, что такое был февраль, «перманентник» не может. Ибо февраль есть «национальная»

буржуазно-демократическая революция, как ее понимал Ленин. По Троцкому же крестьянство, городская мелкая буржуазия и интеллигенция находятся за одной скобкой. В «зависимости» от них (т.-е. и от крестьянства), по Троцкому, нельзя ставить развития русской революции...

Троцкому надо было понять, что крестьянство в такой стране, как наша, является основным союзником пролетариата. Ему надо постараться понять, как это разъяснил нам Ленин, что особенно после первой мировой империалистической войны крестьянство в международном масштабе выделило из себя три группы, составляющие большинство земледельческого населения (еще и еще раз — смотри резолюцию Ленина по аграрному вопросу, принятую вторым конгрессом Коминтерна в 1920 г.), долженствующие стать и становящиеся на наших глазах союзником пролетариата. В сентябре 1915 г. тов. Троцкий в статье «Военная катастрофа и политические перспективы» еще раз показал, что у него нет ключа к пониманию того, как настоящая, народная, национальная революция «перерастает» в интернациональную.

Взгляды Троцкого в этой области опроверг Ленин в статье «О двух линиях революции» (ноябрь 1915 г.).

Анализируя точку зрения Плеханова по вопросу о характере грядущей революции в России, Ленин дает следующую оценку двум линиям революции 1905 г.:

«Опыт русской революции 1905 г. и контр-революционной эпохи после нее говорит нам, что у нас наблюдались две линии революции в смысле борьбы двух классов, пролетариата и либеральной буржуазии, за руководящее влияние на массы...

«Первая линия русской буржуазно-демократической революции, взятая из фактов, а не из «стратегической» болтовни, состояла в том, что решительно боролся пролетариат, нерешительно шло за ним крестьянство. Шли оба эти класса против монархии и против помещиков. Недостаток силы и решительности этих клас-

*

сов вызвал поражение (хотя частичная брешь в самодержавии была все же пробита).

«Второй линией было поведение либеральной буржуазии... «Либеральная» линия русской революции состояла в «успокоении» и раздроблении борьбы масс, ради примирения буржуазии с монархией. И международная обстановка русской революции, и сила русского пролетариата делали такое поведение либералов неизбежным.

«Большевики сознательно помогали пролетариату итти по первой линии, бороться с беззаветной смелостью и вести за собой крестьянство. Меньшевики скатывались постоянно на вторую линию, развращая пролетариат приспособлением его движения к либералам, начиная с приглашения итти в Булыгинскую Думу (август 1904 г.), кончая кадетским министерством 1906 г. и блоком с кадетами против демократии в 1907 г.» [1]).

Итак, по Ленину, в революции 1905 г. было две классовых линии: одна — наша, пролетарская (6 — ков), а другая — меньшевистская, фактически либерально-буржуазная.

Какую же позицию тогда занимал тов. Троцкий? В той же статье Ленин так характеризует ее:

«Эту задачу неправильно решает в «Нашем Слове» Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 г. и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

«Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала; в России невозможна «национальная» революция: «мы живем в эпоху империализма», а «империализм противопо-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 211—212.

ставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации».

«Вот — забавный пример «игры в словечко»: империализм. Если в Россия уже противостоит пролетариат «буржуазной нации», тогда, значит, Россия стоит прямо перед социалистической революцией!! тогда неверен лозунг «конфискации помещичьих земель» (повторяемый Троцким в 1915 г. вслед за Январской конференцией 1912 г.), тогда надо говорить не о «революционном рабочем», а о «рабочем в социалистическом правительстве»!! До каких пределов доходит путаница у Троцкого, видно из его фразы, что решительностью пролетариат увлечет и «непролетарские (!) народные массы» (№ 217) !! Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства!

«Все десятилетие — великое десятилетие 1905—1915 гг. — доказало наличность двух и только двух классовых линий русской революции... Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьянина на революцию!» [1]).

И в то же время Ленин и тут, разумеется, ни на минуту не забывал, что буржуазно-демократическая революция не отделена китайской стеной от социалистической революции, которую надо совершить «в союзе с пролетариями Европы». Тогда же Ленин писал:

«Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, т.-е. за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 213—214.

буржуазной России от военно-феодального «империализма» (=царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно, не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а — для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» [1]).

В ленинской постановке вопроса о «национальной», «народной» революции было больше интернационального, международного, чем у любого из его самых «левых» оппонентов. Всю силу своего мощного анализа Ленин вкладывал в дело оценки соотношения классовых сил внутри России—той страны, где революция предстояла непосредственно. Но в то же время Ленин всегда обсуждал вопросы «национальной» русской революции в свете международного соотношения сил.

«Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский резерв, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе.

«Кто говорит о реставрации, забывая об этом, тот обнаруживает крайнюю узость своих воззрений на русскую революцию. Тот забывает, что Франция конца XVIII века, в эпоху буржуазно-демократической революции была окружена гораздо более отсталыми полуфеодальными странами, которые служили резервом реставрации, а Россия начала XX века, в эпоху своей буржуазно-демократической революции, окружена гораздо более передовыми странами, в которых есть налицо социальная сила, способная стать резервом революции» [2]).

Так говорил Ленин в 1906 году. Эту мысль не раз развивал он в работах, посвященных вопросу

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 214.

[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. IX. «Аграрный вопрос на Стокгольмском Объединительном Съезде», стр. 429. Сравни также IX, стр. 415. «Заключительное слово» на Стокгольмском съезде, 1906 г.

о характере и перспективах русской революции. В его постановке вопроса о «национальной» революции в России никогда не было «узости воззрений».

В основной брошюре 1917 года «Удержат ли большевики государственную власть» (конец сентября 1917 г.) Ленин писал:

«Наша революция непобедима... ибо за нами стоят еще неизмеримо бо́льшие, более развитые, более организованные всемировые силы пролетариата, временно придавленные войной, но не уничтоженные, а, напротив, умноженные ею.» (Подчеркнуто нами. *Г. З.*)[1])

Здесь полная «смычка» со взглядами 1906 года (см. сказанное о разнице в мировой обстановке, в какой совершалась великая французская революция и в какой совершается наша русская революция.)

Взгляды Ленина на «национальную» революцию в России были насквозь интернациональными. Он один знал до конца конкретную до́рогу от великой «национальной» «народной» революции к международной. Он один до конца понял взаимную связь и взаимозависимость одной и другой. Он один до конца понял февраль 1917 года и потому так ясно видел конкретную дорогу к Октябрю 1917 года и через него — к мировому Октябрю.

---

[1]) И. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 250.

ГЛАВА VI.

РАЗМАХ ДВИЖЕНИЯ И АНАЛИЗ ЛЕНИНА (1914—1917 гг.).

Задача пролетарского революционера состоит, разумеется, не в постоянном повторении некиих «вечных истин», а в умении применить основные положения ленинизма к условиям конкретной действительности, в умении наполнить их жизнью. Какую бы эпоху ленинизма мы ни взяли, мы везде увидим замечательные образцы и ленинской диалектики и ленинского практического глазомера, выработанного на основе опыта трех революций. К числу важнейших вопросов практики ленинизма относится прежде всего весьма тонкий, весьма сложный и в определенные моменты решающий вопрос о темпе перерастания демократической революции в пролетарскую.

Что буржуазно-демократическая революция будет перерастать в социалистическую — это ленинизм знал издавна. Весь вопрос заключался в том: когда начнется перерастание, каким темпом оно пойдет, что сделать, чтобы не пропустить момента для необходимого видоизменения нашей тактики, как маневрировать, когда критический перелом начнет приближаться.

Чтобы не сделать ошибок в этой области, нужно было все чутье жизни, все мастерство Владимира Ильича.

Присмотримся же, как в главной большевистской обсерватории Ленин наблюдал этот процесс «пере-

растания» (тут уж, действительно, надо было уметь слышать, «как трава растет»). Познакомимся с несколькими решающими документами на этот счет — в хронологическом порядке.

Рубежом в этой области следует считать начало империалистической войны 1914 г. С этого времени революционное развитие начинает шагать быстрыми шагами. С этого времени ленинизм явно становится мировым явлением.

Первый документ, которым откликнулся большевизм на мировую войну, был манифест Ц.К. («Война и Росс. соц.-дем.»), писанный в Берне Лениным в конце октября 1914 г. Какие лозунги выдвигает этот манифест?

«В России задачами с.-д., в виду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть попрежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного «патриотического» варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма» [1].

В этом же манифесте выдвигался знаменитый лозунг «превращение империалистической войны в гражданскую»—то, что было совершенно ново для того периода. Политические же лозунги большевизма оставались старые — «три кита»: 1) демократическая республика, 2) конфискация помещичьих земель и 3) 8-часовой рабочий день.

Проходит год. Со второй половины 1915 года становится все яснее, что Россия идет навстречу близкой

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 11.

революции. С этого момента нужно особенно тщательно прослеживать важнейшие политические документы ленинизма.

* * *

Перейдем к тезисам октября 1915 г., опубликованным в № 47 редакцией нашего центрального органа «Социал-Демократ». (Редакция последнего состояла в то время из Ленина и Зиновьева.) Они были перепечатаны в сборнике «Против течения» и принадлежат, разумеется, во всем важном Ленину. Эти тезисы были написаны в момент, когда мы ни на минуту уже не сомневались, что Россия находится накануне второй революции. Это было уже после падения Львова, после начала борьбы рабочих в военно-промышленных комитетах с меньшевиками, после того, как о неизбежности революции заговорили такие люди, как Хвостов, известный черносотенец, на которого есть у нас ссылка в этих тезисах.

Как же ставится в них вопрос относительно непосредственных лозунгов нарастающей второй революции? Дело идет в этих тезисах не о характере революции «вообще», а о конкретных лозунгах применительно к той обстановке, которая была перед нами. Ленин ставит вопрос так:

«Лозунг «Учредительного Собрания», как самостоятельный лозунг, неверен, ибо весь вопрос т е п е р ь в том, кто созовет его». (Это не отказ от лозунга Учредительного Собрания вообще, но отказ от него, как от самостоятельного лозунга. *Г. З.*) «Либералы принимали этот лозунг в 1905 г., — продолжает Ленин, — ибо его м о ж н о было толковать в смысле созванного царем и соглашающегося с ним собрания. Правильнее всего лозунги «трех китов» (демократической республики, конфискации помещичьей земли и восьмичасовой рабочий день) с добавлением... призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны...

«Задача пролетариата России—довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник — мелко-буржуазное крестьянство России, для второй — пролетариат других стран»[1]).

Теоретически большевизм знал и раньше, с 1905 г., что диктатура пролетариата и крестьянства имеет «свое прошлое и свое будущее». Теоретически это было ясно и до войны. Но само собой понятно, что империалистическая война (тезисы написаны в октябре 1915 г.) послужила некиим историческим рубежом для всей Европы и в особенности для нашей страны, которая втянулась в войну, не разрешив назревшего аграрного кризиса. Именно благодаря войне, перед большевизмом встал вопрос не о перерастании одной русской революции в другую «вообще» (теоретически он был уже разрешен), а вопрос о времени, о темпе ее перерастания. В этом смысле большевизм стоял в 1915 г. перед совершенно новой ситуацией. Какой же ответ дает он? Устами Ленина большевизм говорит: во-первых, задача пролетариата довести до конца буржуазно-демократическую революцию, а, во-вторых, разжечь социалистическую революцию в Европе. Для первой—союзник мелко-буржуазное крестьянство. Для второй — союзник мировой пролетариат. Не «или—или[2])», а «и—и», Нельзя отрезать одного от другого, нельзя сказать. что на одном блюде мы преподносим одну задачу, а на другом — другую. Вторая задача чрезвычайно приблизилась к первой во времени. Почему? Потому что грянула империалистическая война, которая поставила всю Европу в новое положение, тем более — ту

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII. «Несколько тезисов», стр. 207, 208.
[2]) Альтернатива Троцкого; см. гл. V, стр. 81—82.

страну, которая была беременна буржуазной революцией [1]).

Так был поставлен большевизмом вопрос в октябре 1915 г.

Каков же был взгляд Владимира Ильича на эти тезисы назавтра после февральской революции 1917 г.? Сказал ли он сразу после февраля, что такая постановка вопроса теперь отпадает? Нет! В письме к т. Ганецкому он пишет уже после февральской революции, еще не выбравшись из-за границы:

«Во что бы то ни стало я должен требовать переиздания в Питере — хоть бы под заглавием «Из истории последних лет царизма» — здешнего «Социал-Демократа», брошюры Ленина и Зиновьева о войне и социализме, «Коммуниста» и «Сборника Социал-Демократа». А больше всего и прежде всего тезисов из № 47 «Социал-Демократа» (от 13/X 1915). Эти тезисы теперь архи-важны (подчеркнуто нами. *Г. З.*)!

«Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за $1^1/_2$ года до революции (подчеркнуто нами! *Г. З.*)!

«Эти тезисы замечательно, буквально подтверждены революцией» [2]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

---

[1]) Отметим еще один существенный пункт тезисов о допустимости участия социал-демократов во временном революционном правительстве.

«Участие с.-д. во временном революционном правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией мы считаем попрежнему допустимым, но только не с революционерами-шовинистами» (Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 208).

Тут интересна терминология, да и вся постановка вопроса. Ленин говорил: участвовать во временном правительстве с мелкой буржуазией мы попрежнему согласны, но только не с революционерами - *шовинистами*. Можно, пожалуй, спросить, с какой же другой мелкой буржуазией, — ведь она почти вся была шовинистическая. Определенного ответа в 1915 г. большевизм не давал, но в 1917 г., после октября, он дал его: левые эс-эры на определенный промежуток времени были революционерами не-шовинистами, или не совсем шовинистами — по крайней мере, до Брестского мира. Их не было еще тогда — в 1915 г., когда писались тезисы, но Ленин уже предвидел нарождение такого крыла мелкой буржуазии, которое при известной обстановке может, хотя-бы и с колебаниями, выступить против шовинизма.

[2]) Ленин. «Письмо к Ганецкому». «Ленинский Сборник» II, стр. 370.

Итак, после февральской революции Ленин находит, что эти тезисы от октября 1915 г., ставившие задачей доведение до конца буржуазно-демократической революции с тем, чтобы разжечь социалистическую революцию на Западе, не только верны, но и архи-важны и целиком подтверждены революцией.

Продолжим анализ важнейших заявлений большевизма за последующие годы. Мы входим в такой период, когда желательно прослеживать важнейшие документы ленинизма по возможности изо дня в день, так как в эту пору и один день является не малым сроком: события бегут семимильными шагами, революция каждую минуту ставит нас перед новой ситуацией.

Следующий документ, известный нам, это набросок тезисов от 17 марта 1917 года, который называется в печати «Первоначальным наброском тезисов Ленина и Зиновьева». Конечно, и тут все важное принадлежит В. И. Ленину. 17 марта 1917 года в Цюрихе, на квартире у Владимира Ильича, после многократных обдумываний и совещаний, уже на основании целого ряда сведений из России Ленин так формулирует стоящую перед большевиками задачу:

«Революционный пролетариат не может, поэтому, рассматривать революции 1/14/III иначе, как своей первой, далеко еще не полной, победы на своем великом пути, не может не ставить себе задачи продолжать борьбу за завоевание демократической республики и социализма» [1]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Итак, 17 марта очередная задача формулируется Лениным как борьба за демократическую республику и социализм. «Демократическая республика» — т.-е. демократический парламент, учредилка! Для молодого революционера в наши дни эта мысль является, быть может, нестерпимой. Но это так, это писалось 17 марта 1917 г. Это писал Ленин.

---

[1]) «Ленинский Сборник» II, стр. 322.

Следующий документ — это ленинские «Письма издалека», писанные в марте 1917 г. в Швейцарии. Ленин пишет:

«Наша революция буржуазная, — п о э т о м у рабочие должны поддерживать буржуазию, — говорят никуда не годные политики из лагеря ликвидаторов.

«Н а ш а революция буржуазная, — говорим мы, марксисты, — п о э т о м у рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на с в о и силы, на с в о ю организацию, на с в о е объединение, на с в о е вооружение»[1]).

Итак, наша революция буржуазная. Вывод ленинизма из этого тот, что пролетариат, тем не менее, претендует на руководящую роль в этой революции и не отдает руководящей роли буржуазии. И Ленин рядом с требованием создания рабочей милиции, вооружения рабочих и т. п. выдвигает для начала внешне умеренное предложение насчет немедленных перевыборов городских дум. (Многим покажется странным, почему именно «городских дум», но тут явно была у Владимира Ильича ассоциация с Парижской Коммуной.) Итак: революция — буржуазная. Ее надо довести «до конца». Начать надо — с завоевания опорных пунктов не только в Советах, но и в муниципалитетах.

Следующий очень важный документ тогдашнего времени — «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». Уезжая, Ленин пишет швейцарским товарищам письмо, явно предназначенное для всего Интернационала. Швейцарские рабочие подвернулись здесь, как адресат, случайно. Само швейцарское движение не велико. Но Ленин жил там, вел там кружки рабочих, и через их голову он хотел сказать свое прощальное слово всему Интернационалу. В этом документе, имеющем первостепенное значение, Ленин говорит:

«Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Н е п о с р е д с т в е н н о

[1]) И. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 11.

в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г. может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней» [1]).

Владимир Ильич любит повторять это образное словечко «ступенька».

«Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который, в известном смысле, начнет ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего главного, самого надежного сотрудника, европейского и американского социалистического пролетариата» [2]).

Этот документ обращен уже не к России только, но и к международному пролетариату. А когда Владимир Ильич говорил к международному пролетариату, он всегда считал, что здесь особенно нужно взвешивать каждое слово. Не надо внушать несбыточных надежд, надо быть трезвым, точным и т. д. Обращаясь к этой аудитории перед отъездом в Россию, Ленин говорит: Россия — страна отсталая. Непосредственно начавши буржуазно-демократическую революцию, мы можем только превратить русскую революцию в «ступеньку» к пролетарской революции в Европе. Окончательно завершить нашу революцию сами мы не можем. Мы первые начали революцию, но победоносно завершить сами мы ее не можем. Впоследствии Ленин много раз заявлял, что русским было легче начать, а европейскому пролетариату легче продолжить и кончить [3]).

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 407.

[2]) Там же, стр. 408.

[3]) «Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать; у нас же неизмеримо легче начать, но будет

Нашей национальной буржуазно-демократической революции мы, благодаря удельному весу российского пролетариата, благодаря стечению целого ряда благоприятных обстоятельств, можем придать такой размах, чтобы она стала прологом или «ступенькой» к революции международной. Не больше, но и не меньше. Такова оценка Ленина перед отъездом в Россию. Запомним это.

Следующий документ, это — реферат, читанный Лениным в Цюрихе, одно время считавшийся потерянным [1]). В нем Ленин говорит следующее:

«...Исключительное сочетание условий позволило в 1917 г. соединить против царизма воедино все удары самых разнородных общественных сил.

«Во-первых: англо-французский финансовый капитал, попирающий и грабящий весь мир. Он был в 1905 г. против революции, он помог царизму задушить революцию (миллиардный заем 1906 г.!). Теперь он принял деятельное участие в революции, организовал заговор Гучкова, Милюкова и высших военных кругов для смещения Николая II.

«С точки зрения мировой политики и международного финансового капитала правительство Гучкова—Милюкова является простым приказчиком банкирской фирмы: Англия — Франция, оружием для продолжения империалистической бойни.

«Во-вторых: военные поражения царской монархии основательно истребили старый командующий состав и заменили его свежим, молодым, преимущественно буржуазным, кадром.

«В-третьих: вся русская буржуазия, — которая с 1905 по 1914 гг. и особенно с 1914 по 1917 гг. чрезвычайно быстро сорганизовалась, — объединилась

труднее продолжать; в Европе — наоборот: там будет гораздо легче продолжать уже начавшуюся революцию. Это объективное положение создало то обстоятельство, что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом истории». (Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. VII съд. РКП. Доклад по вопросу о Брестском мире, стр. 128.)

[1]) Тов. Платтену удалось его разыскать по отчету, помещенному в швейцарском партийном органе левого крыла «Народное Право», от 18—31 марта 1917 г.: «Ленин о русской революции».

с дворянством для борьбы против прогнившего царизма, стремясь обогатиться путем грабежа Армении, Константинополя, Галиции и т. д.

«Наконец, в-четвертых — и это самое главное: к этим империалистическим силам присоединилось глубокое и неудержимое пролетарское движение революционного характера за мир, за хлеб, за свободу. У рабочего класса не было ничего общего с империалистической буржуазией, он вел за собою большинство армии, которая ведь состоит из рабочих и крестьян!» [1])

Это тоже крайне интересные заявления. Еще в конце 1915 г. Троцкий поучает: не рассчитывайте ни на городскую интеллигенцию, ни на мелкую буржуазию городов, ни на крестьянство. А Ленин в марте 1917 г., уже после совершившейся февральской революции, говорит: а вышло так, что не только крестьянство, не только мелкая буржуазия городов и не только интеллигенция, но даже Гучков и Милюков фактически содействовали свержению царизма — и не только Гучков и Милюков, но даже и англо-французский финансовый капитал выступил против царизма — конечно, по своим соображениям. Вышло так, что не только крестьянство поднялось, не только солдаты двинулись против царя, не только мелкая буржуазия городов «колебнулась» в сторону революции, но и крупная буржуазия и даже англо-французский финансовый капитал, сплошь империалистический, на момент отошли от царизма, попытавшись спастись на других путях. Это и есть национальная революция в ленинской постановке вопроса. Другими словами, Ленин в этом реферате расценивает русскую революцию как национальную буржуазно-демократическую революцию, захватившую глубиннейшие пласты массы и совершенно изолировавшую царизм — буржуазно-демократическая революция совершенно особого типа, открывшая дорогу революции

[1]) Фрид Платтен. «Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917». «Московский Рабочий». 1925 г. Стр. 76. Приводимый текст явно является ленинским оригиналом, а не переводом с перевода.

социалистической, сама диалектически [1]) перераставшая в революцию социалистическую.

Владимир Ильич продолжает:

«Какой тактики должен держаться пролетариат? Мы находимся в переходном моменте от первого этапа революции ко второму, от восстания против царизма к восстанию против буржуазии, против империалистической войны,—в переходном моменте к Конвенту, который сможет развиться из Учредительного Собрания (курсив наш. *Г. З.*), если правительство действительно сдержит свое обещание и созовет его.

«Особенно важная задача теперешнего момента состоит в организации пролетариата. Но не в той шаблонной форме организации, которой довольствуются предатели социализма, социал-патриоты, оппортунисты всех стран, а в революционной организации. Эта организация должна, во-первых, быть всеобщей, во-вторых, она должна воплощать в себе военные и государственные задачи.

«Маркс, на основании опыта Коммуны 71 г., учит нас тому, что «рабочий класс не может просто завладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить своим собственным целям» [2]). Пролетариат должен и может сломать эту машину (армию, полицию, бюрократию). Это—то, что оппортунисты отрицают или стараются затушевать. Это важнейший практический урок Парижской Коммуны и русской революции 1905 г.» [3])

Эта последняя строчка особенно важна, потому что она показывает, как конкретно мыслил себе Ленин революцию в этот момент. Он брал по аналогии Парижскую Коммуну и великую французскую революцию. По аналогии от Парижской Коммуны Ленин подходил к идее Советов, которую он начал развивать уже в 1905—06 г. По аналогии с великой француз-

---

[1]) Ср. главу XVI «Ленинизм и диалектика».

[2]) К. Маркс. «Гражданская война во Франции», пер. под ред. Ленина. Изд. ВЦИК'а. М. 1919, стр. 41.

[3]) Фриц Платтен. «Ленин из эмиграции в Россию», стр. 79—80.

ской революцией, с ее лучшей стороной, он подходил к Конвенту, рассчитывая на то, что конвент у нас родится из Учредительного Собрания. Ленин ясно видел эти подвижные грани намечающегося великого движения. Уже в самом начале февральской революции Ленин мыслит перерастание от буржуазно-демократической революции к социалистической не только в теоретических формулах, а облекает это «перерастание» плотью и кровью государственных учреждений революции: Конвент, рожденный из Учредительного Собрания, который послужит этапом к созданию нового типа рабочего государства Советов [1]).

Следующий документ, в хронологическом порядке, это знаменитые тезисы Ленина от 4 апреля 1917 г., на второй день после его приезда в Ленинград. Я живо вспоминаю обстановку. Как происходило дело? Мы приехали из-за границы и застали конец большевистского совещания, созванного в связи с первой всероссийской конференцией Советов. Товарищи ждали приезда Ленина и собрали оставшуюся часть большевистского совещания. Здесь были еще и такие люди, как Войтинский, Авилов, Базаров и некоторые другие, которые

[1]) Эта постановка вопроса мимоходом подводит нас к тому спору, который был недавно в связи с «Уроками Октября» об Учредилке. У тов. Троцкого была попытка взять мою фразу о «комбинированном типе Советов и Учредилки» (сентябрь—октябрь 1917 г.) и доказать, что уже сама эта идея комбинированного типа является «гильфердинговщиной», что это «меньшевизм» и т. п. Между тем, так мыслил и Ленин в марте 1917 г. Здесь нет ничего похожего на меньшевизм, здесь есть только конкретизация большевистской тактики.

По поводу тех же мыслей, которые Троцкий признал «гильфердинговскими», Владимир Ильич писал: «Неужели трудно понять, что при власти в руках Советов Учредительное Собрание обеспечено и его успех обеспечен? Это тысячи раз говорили большевики. Никто ни разу не пытался опровергнуть этого. Такой «комбинированный тип» все признавали» (т. XIV, ч. II, стр. 275). В августо-октябрьский период 1917 г. в нашей большевистской газете «Рабочий Путь» этому вопросу (Учредительное Собрание и Советы) уделяется большое внимание и как раз в той постановке, какая была указана выше Лениным.

Теперь, после опыта нашей Октябрьской революции, разумеется, не трудно видеть, что Учр. Собрание при сложившемся соотношении сил могло играть только реакционную роль, что соединить его с Советами было невозможно. А в начале революции, когда «перерастание» демократической революции в социалистическую только еще намечалось, такой «комбинированный тип» допускал Ленин. Да и Троцкий до начала 1918 года не отрицал возможности для Учр. Собрания сыграть революционную роль.

*

одной ногой стояли уже в меньшевистском лагере. Они считали себя большевиками и присутствовали на нашей конференции. Именно на этом необычном совещании Ленин изложил в первый раз свои тезисы. В это время происходило в Таврическом дворце в большом зале громадное собрание так называемой Объединительной конференции с.-д. «всех направлений». Там ждали, что скажут большевики, при чем Авиловы, Войтинские и К° были за то, чтобы мы перешли из маленького зала в большой и просто растворились в общей массе с.-д. «всех направлений», т.-е. чтобы мы стали жертвой «объединительного угара».

Ленин на маленьком совещании большевиков огласил свои тезисы. Часть совещания ахнула от неожиданности: лозунг «власть Советам», перемена названия партии — это показалось некоторым товарищам «чересчур». После этого доклада в узкой среде большевиков встал практический вопрос: что же делать с заседанием в Таврическом дворце? Ленин говорил, что лучше пока туда не ходить, что надо подождать, поговорить о прочитанных тезисах в нашем ЦК Партии. Но время было такое, что несколько дней (или даже часов) потратить на предварительное обсуждение в ЦК было невозможно; революция не давала и нескольких минут. Владимиру Ильичу пришлось итти в зал и говорить. Если эти тезисы были неожиданны для части большевиков, то трудно себе даже представить теперь, какое впечатление произвели они в этом обширном и разнородном совещании, где председательствовал Церетели. Тезисы Ленина разорвались как бомба. Плеханов сказал в «Единстве», что тезисы Ленина это — «грезофарс», что Ленин с какой-то другой планеты свалился и т. д.

Посмотрим, однако, к чему сводились эти тезисы Владимира Ильича. В них Ленин говорил следующее:

«...Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху.

«Устранение полиции, армии, чиновничества.

«Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

«В аграрной программе перенесение центра тяжести на Совет Батрацких Депутатов.

«Конфискация всех помещичьих земель.

«Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными Советами Батрацких и Крестьянских Депутатов. Выделение Советов Депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 десятин до 300, по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем Батрацких Депутатов и на общественный счет.

«Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

«Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов» [1]).

Вот в существенных частях тот документ, который был назван Плехановым «грезо-фарсом» и который вызвал самые ярые нападки в меньшевистской среде.

В этих тезисах Ленин идет уже дальше, чем в предыдущих выступлениях. «Не парламентарная республика, а республика Советов» — заявляет Владимир Ильич. Ведь и революция шагнула вперед. Но еще и в этом документе Владимиром Ильичом сказано категорически, что перед нами задача не непосредственного введения социализма, а переход тотчас лишь к контролю со стороны Советов Рабочих и Солдатских Депутатов над хозяйством, над производством, над банками. И Ленин подчеркивает, что к контролю во время войны вынуждены прибегать, переходить даже некоторые буржуазные государства, к этому привела-де война и т. д.

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. I. «О задачах пролетариата в данной революции», стр. 18—19.

Конечно, Ленин прекрасно отдавал себе отчет в том, что мирными средствами нельзя добиться осуществления этих лозунгов; он давал свои «умеренные» формулировки в таком виде из «педагогических» соображений, чтобы *начать*, чтобы *открыть двери*, чтобы *заставить* Советы «ангажироваться», — чтобы рабочие массы *начали* раскачиваться и собираться под большевистским флагом.

После оглашения этих тезисов Ленина начинается полемика между Лениным, с одной стороны, и Каменевым с другой,— полемика, смысл которой теперь извращают. Это была не полемика коммуниста с социал-демократом. Это была полемика в большевистской среде. Каменев был, разумеется, глубоко неправ, прав был Ленин. Но полемика эта велась открыто с полного согласия Ленина, с согласия всего ЦК, как полемика в пределах большевизма, полемика о том, *как демократическая революция перерастает в социалистическую*. Вот о чем шел спор. Разногласия были серьезными, глубокими. В момент великой революции, когда атмосфера накалена, спор этот приобрел, конечно, громадное политическое значение, но отнюдь не то, которое ему сейчас придают, когда говорят, будто у нас тогда было целое «правое» крыло партии и т. д.

В «Проекте платформы пролетарской партии» («Задачи пролетариата в нашей революции») Ленин писал (10 апреля 1917 г.):

«Классовый источник этого двоевластия и классовое значение его состоит в том, что русская революция марта 1917 г. не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и *дошла вплотную* до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно такой диктатурой (т.-е. властью, опирающейся не на закон, а на непосредственную силу вооруженных масс населения) и именно указанных классов являются Петроградский и другие, местные, Советы Рабочих и Солдатских Депутатов...

«Двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства» [1]).

И там же:

«Доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма, — вот что характеризует современную политику масс в России, вот что выросло с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелко-буржуазной из всех европейских стран...

«Недостаточная численность пролетариата в России, недостаточная сознательность и организованность его — вот другая сторона той же медали» [2]).

И здесь же, переходя к положительной программе, Ленин пишет:

«Партия пролетариата никоим образом не может задаваться целью «введения» социализма в стране мелкого крестьянства, пока подавляющее большинство населения не пришло к сознанию необходимости социалистической революции.

«Но только буржуазные софисты, прячущиеся за «почти-марксистские» словечки, могут выводить из этой истины оправдание такой политики, которая бы оттягивала немедленные революционные меры, вполне назревшие практически, осуществленные зачастую во время войны рядом буржуазных государств, настоятельно необходимые для борьбы с надвигающимся полным экономическим расстройством и голодом.

«Такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление немедленного контроля за ними Советов Рабочих Депутатов и т. п., отнюдь не будучи «введением» социализма, должны быть безусловно

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. I. «Задачи пролетариата в нашей революции», стр. 40 — 41.

[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 42.

отстаиваемы и, по мере возможности, революционным путем осуществляемы»[1]).

Следующий документ — это ленинские «Письма о тактике» (написанные уже в Ленинграде), особенно то место в них, где Ленин, с одной стороны, разъяснял неправоту Каменева, а, с другой стороны, тут же выступал против «перманентной» революции Троцкого.

Обращаясь к Каменеву, Ленин говорит:

— «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни».

«Кто ставит вопрос о «законченности» буржуазной революции по-старому, тот приносит в жертву живой марксизм мертвой букве.

«По-старому выходит: за господством буржуазии может и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура.

«А в живой жизни уже вышло иначе: получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное, переплетение того и другого. Существует рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, добровольно отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее»[2]).

Вот постановка вопроса Лениным: ты неправ, т. Каменев, когда апеллируешь к старому большевизму; старый лозунг большевизма о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства был правилен, теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую правильна, а сейчас спор идет не о теории, а о темпе и своеобразии уже наметившегося в данной обстановке перерастания. Вышло так, что налицо и диктатура буржуазии (Львов — Гучков) и демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, которая уже осуществлена, но которая сама себя «ограничила», сама

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. I. «Задачи пролетариата в нашей революции», стр. 51 — 52.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 29 — 30.

себя обратила на время в придаток к крупной буржуазии. Почему? Да потому, что мы имеем «добросовестных оборонцев» крестьян и часть рабочих, которые добросовестно думают, что они только обороняют свою страну. Вышел «переплет», в котором надо уметь разбираться. Получилась рядом с буржуазным правительством демократическая диктатура, которая должна перерасти и перерастет в социалистическую. Но надо же учитывать своеобразие обстановки; должно пройти некоторое время, чтобы «добросовестные оборонцы»-крестьяне, сейчас еще политически слепые, полные иллюзий, прозрели, и политически созрели для того, чтобы перешагнуть через меньшевиков и эс-эров. Задача, стало-быть, в том, чтобы облегчить «добросовестным оборонцам» изжить их иллюзии. Этого можно достигнуть только непримиримой большевистской постановкой вопроса и терпеливой пропагандой, а не тем, чтобы проповедывать «контроль» над буржуазным временным правительством. Этого своеобразия ты не понимаешь, — говорит Ленин Каменеву.

И тут же Ленин выступает против полуменьшевистской теории «перманентной революции» Троцкого.

«Не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную,— неизжившую еще крестьянского движения—революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической?

«Если бы я сказал: «без царя, а правительство рабочее», — эта опасность мне бы грозила. Но я сказал не это, я сказал иное. Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) не может быть помимо Советов Рабочих, Батрацких, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Львова только к этим Советам, а в них как раз преобладает крестьянство, преобладают солдаты, преобладает мелкая буржуазия, выражаясь научным, марксистским термином, употребляя не житейскую, не обыва-

тельскую, не профессиональную, а классовую характеристику (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

«Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелко-буржуазное движение, от всякой игры в «захват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я прямо указал на опыт Парижской Коммуны» [1]).

Это — замечательное место. Ленин поставил вопрос с изумительной конкретностью. Разъяснив Каменеву его ошибку насчет своеобразия «добросовестного оборончества», которое ищет няньку в лице Милюкова и Гучкова, Владимир Ильич с полной точностью объясняет, чем его лозунг отличается от лозунга «пермапентной» революции. Я не перепрыгиваю через крестьянство, я застраховал себя от этого. Мой лозунг «вся власть Советам», а не «долой царя, а правительство рабочее». А кто в советах? В советах (особенно в тогдашних советах при не-демобилизованной армии) три четверти — представители крестьян. Кто не помнит тогдашний Петроградский Совет, где мы, большевики, в начале революции едва могли открыть рот? Там сидели в громадном большинстве солдаты — «добросовестные оборонцы», которые вначале и слышать не хотели о подлинном интернационализме. Ленин знал, что советы (тогдашние советы) мелко-буржуазные, что через этот факт не перепрыгнешь. Но Владимир Ильич знал также, что эти советы скоро будут против войны, что они пойдут за пролетарским авангардом.

Ленин знал уже в 1905 г., что такое Советы. Уже в 1906 г. («Победа кадетов») Ленин звал самого отсталого рабочего и крестьянина: пожалуйте в Советы! Советы, это — та организация, где крестьянин скорей всего сбросит шоры и пойдет за передовым рабочим. В 1917 г. Ленин умеет поставить вопрос о Советах — применительно к условиям, созданным войной, — в част-

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. I. «Письма о тактике», стр. 32.

ности, применительно к «добросовестному оборончеству».

Всего этого не хочет понять тов. Троцкий, когда он в своем предисловии к «1917» говорит: если бы не война, то все было бы по иному, не было бы десяти миллионов вооруженных крестьян, были бы подлинно-пролетарские советы и т. д.

Мы спросим тов. Троцкого: ну, а рабочие, как были настроены они с февраля, примерно, по май — июнь 1917 г.? Ну хорошо, война была «случайностью», десять миллионов вооруженных солдат-крестьян — тоже «случайность». Ну, а рабочие? Даже наиболее передовые питерские рабочие, как были настроены они с февраля по июнь 1917 г.? Как был настроен авангард русских рабочих — столичные пролетарии, которые тогда решали дело? Разве они не были настроены оборончески, по крайней мере, в очень большой своей части, а в начале — в своем большинстве? Разве в этот период русский рабочий класс не «самоограничил» себя, не отдался добровольно под власть буржуазного временного правительства? Что же, это тоже было «случайно»?

Не только крестьяне, но и большая часть рабочих тогда тоже были типичными «добросовестными оборонцами». Блестящую характеристику подобным настроениям Ленин дал на партийной апрельской конференции:

«Когда я говорил о «добросовестной» революционно-оборонческой массе, то я имел в виду не моральную категорию, а классовое определение. Класс, представленный в Сов. Раб. и Солд. Деп., в грабительской войне не заинтересован. В Европе — не то. Там народ угнетают, пацифистов самых оппортунистических травят нередко больше, чем нас, правдистов. У нас же Совет Раб. и Солд. Деп. не насилием, а доверием масс проводит свою революционно-оборонческую позицию. Европа — это сплошная военная тюрьма. Капитал там правит жестоко. По всей Европе буржуазию надо свергать, но не убеждать. В России солдаты

вооружены: они сами дали себя мирно обмануть, соглашаясь, якобы, только «защищаться» от Вильгельма. Там, в Европе, нет «добросовестного» революционного оборончества, как в России, где власть народ отдал буржуазии по темноте, косности, по привычке терпеть палку, по традиции. Стеклов, Чхеидзе — на словах вожди, а на деле хвосты буржуазии, невзирая на их добродетели, знание марксизма и проч., политически они мертвы. У нас власть в руках солдат, которые настроены оборончески. Объективное классовое положение капиталистов одно. Они воюют для себя. Солдаты — это пролетарии и крестьяне. Это другое. Есть у них интересы завоевать Константинополь? Нет, их классовые интересы против войны. Вот почему их можно просветить, переубедить. Гвоздь политической ситуации сию минуту — уметь разъяснить истину массам. Нельзя считать, что мы «опираемся» на революционную массу и пр. — нельзя, пока мы не разъясним солдатам или несознательным массам значение лозунга «долой войну» [1]).

Мы видели в ту пору классическую иллюстрацию того, как русская деревня своими настроениями частенько заражала наших рабочих, ибо многие рабочие, особенно рабочие Москвы, особенно рабочие, попавшие в Питер за время войны, сами на половину крестьяне. Эта пора показала с поразительной ясностью, как в такой стране, как наша, волна оборончества, идущая из деревни — волна мелко-буржуазных иллюзий и «пацифизма», крестьянская, полутолстовская, каратаевская волна — через питерский и московский гарнизоны, через солдат, т.-е. через молодую часть деревни, захлестывала города и одно время захлестывала даже такой авангард пролетариата, как питерский. Сам пролетариат, не говоря уже о крестьянстве, нуждался тогда, по крайней мере, в нескольких месяцах «обучения» и подготовки. В пекле революции пролетариат, правда, созревал быстро, и такие события, как

[1]) «Петрогр. Общегор. и Всероссийск. конфер. РС-ДРП (б.) в апреле 1917 г.» ГИЗ. 1925 г. «Из доклада тов. Ленина», стр. 9.

июльские дни, быстро двигали его вперед. Не случайно, что в первый раз мы, большевики, получили большинство в рабочей секции Петроградского Совета только в июле, в самом начале июльских дней, — да и то еще очень слабое большинство. И притом — только в рабочей секции. Солдаты же все еще были в большей своей части против нас.

Таковы были настроения рабочих в те месяцы. Можно ли было с рабочими, которые были так настроены, даже тогда, когда они скинули свинцовую крышку царизма, проводить другую политику, чем ту, которую вел Ленин? Конечно, нельзя было. В этом этапе революции мы видим особенно ясную и сочную историческую иллюстрацию правоты ленинизма в коренном вопросе о пролетариате и крестьянстве.

* * *

В высшей степени важный момент в развитии большевистской тактики, это апрель 1917 г. — апрельская конференция нашей партии, смысла которой, в скобках сказать, тоже совершенно не понял тов. Троцкий.

На этой конференции, сыгравшей роль первого съезда партии после падения царизма, впервые собрался почти весь штаб партии, вернувшийся из ссылки, каторги и эмиграции. Апрельская конференция собралась тогда, когда уже намечалось первое коалиционное правительство с меньшевиками и эс-эрами, когда на улицах Питера происходили первые демонстрации против Милюкова, когда оборончество начало таять и сменяться в массах полубольшевистскими настроениями. Между прочим, и на этой конференции Ленин мимоходом выступает решительно против теории «перманентной» революции. Ленин еще раз категорически повторяет:

«Вот если бы мы сказали: «без царя, а диктатура пролетариата» — ну, это был бы скачок через мелкую буржуазию. Но мы говорим: помогай революции через

Совет Р. и С. Д. Сбиваться на реформизм нельзя. Мы ведем борьбу не с тем, чтобы быть побежденными, а чтобы выйти победителями, в крайнем случае, рассчитываем на успех частичный. Если мы потерпим поражение, то достигнем частичного успеха. Это будут реформы. Реформы — это вспомогательное средство для классовой борьбы» [1]).

Троцкий изображает апрельскую конференцию как решительный, безоглядный курс на разрыв с «историческим» большевизмом, как съезд, где разыгралась невесть какая борьба двух платформ — одна за демократическую, другая за социалистическую революцию, — борьба «правого» и «левого» крыла, и где левое крыло под руководством Ленина лишь после отчаянной борьбы взяло верх и повело решительную линию против правого крыла. Все это чрезвычайно преувеличено. Тов. Троцкий на этой конференции не был, так как не был еще тогда членом нашей партии. Он мог многого не знать. Но тогда надо было ознакомиться с фактами.— Политика апрельской конференции ничего общего не имеет с скорострельной «левой» политикой, приписываемой ей Троцким. Напротив, это была конференция, где Ленин более всего зондировал, выстукивал, выслушивал ситуацию крайне осторожно и бережно и, по нынешним масштабам, крайне «умеренно» формулировал всю программу партии в этот начальный период революции. Все усилия Ленина были направлены на то, чтобы — взявши, конечно, решительную линию на социалистическую революцию—не переборщить в темпе. На этой конференции часть «левых» (группа товарищей из тогдашнего П. К. и часть «левых» москвичей) упрекала Ленина именно за медлительность. Ему говорили: в стране происходит великая революция, а вы предлагаете разъяснять обстановку добросовестным оборонцам и еще раз разъяснять; разве мы общество пропагандистов?

---

[1]) «Петрогр. Общегор. и Всеросс. конф. РС-ДРП (б.) в апреле 1917 г.» «Из заключит. слова тов. Ленина», стр. 76.

А Ленин отвечал и «левым» и «правым»: теперь именно такое время, когда нужно разъяснять и еще разъяснять. В этом теперь гвоздь всех вопросов. Через это не перепрыгнешь. Мы действительно не общество пропагандистов, а революционная партия. Но революция подошла теперь к такому рубежу, когда прежде, чем двинуться дальше, нужно разъяснить авангарду характер войны, значение советов, объяснить двоевластие, русскую лублановщину (т.-е. церетелевщину) и т. д.

Питер тогда кипел котлом. На всех улицах — непрерывные многолюдные митинги. Сплошной улей. Имя Ленина склоняли во всех падежах. Помню, раз мы пришли с Лениным на одну квартиру, чтобы на пару часов укрыться от погромной демонстрации перед помещением «Правды», а там женщина-работница, снимая с Ленина пальто, говорит с этаким глубоким чувством: эх, попадись мне этот Ленин, я бы перегрызла ему горло. Помню, как этот инцидент дал Ленину повод не только для того, чтобы посмеяться, но и для того, чтобы задуматься над тем, насколько массы еще не понимают большевиков.

И Ленин увещевает партию: спокойствие! терпение! выдержка! дадимте перевариться этому котлу! сумеемте терпеливо разъяснить работнице и крестьянке, которые нынче готовы еще перегрызть нам глотку, что такое большевизм. Пусть они отведают меньшевистское и эс-эровское блюдо. Пусть увидят на практике, что такое меньшевистское правительство, что такое двоевластие, пусть посмотрят, как меньшевики и эс-эры будут продолжать войну, — тогда они скоро поймут, чего хотят большевики.

Апрельская конференция не была прыжком с шестого этажа, как изображает тов. Троцкий. Достаточно внимательно прочитать главные постановления [1]), при-

[1]) Теперь вышли уже и протоколы этой конференции. Усиленно рекомендуем их вниманию читателей. Кстати, главные резолюции были приняты почти единогласно. В частности, «правые» — Каменев, Рыков, Ногин — голосовали за них.

нятые апрельской конференцией по предложению Ленина:

«Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, — говорится в главной резолюции апрельской конференции, — не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования (подчеркнуто нами *Г. З.*).

«Но было бы величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии, выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса, или необходимость ограничивать свою деятельность рамками приемлемого для мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму.

«Таким шагом является, во-первых, национализация земли. Такая мера, непосредственно не выходящая из рамок буржуазного строя, была бы в то же время сильным ударом частной собственности на средства производства и постольку усилила бы влияние социалистического пролетариата на полупролетариев деревни.

«Такими мерами является далее установление государственного контроля за всеми банками, с объединением их в единый центральный банк, а равно за страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами капиталистов (например, синдикатом сахарозаводчиков, продуглем, продаметом и т. д.) с постепенным переходом к более справедливому, прогрессивному обложению доходов и имуществ. Такие меры экономически вполне назрели, технически безусловно осуществимы немедленно, политически могут встретить поддержку подавляющего большинства крестьян, выигрывающего от этих преобразований во всех отношениях» [1]).

---

[1]) «РКП (б.) в резолюциях ее съездов и конференций». Издание 2-е. Резолюция Всеросс. Конфер. РС-ДРП (б.). Апр. 1917 г., стр. 130 — 131.

Программа апрельской конференции есть программа перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Относительно такого важного программного пункта, как национализация земли, Ленин говорит: «При таком положении дела и национализация земли в аграрной программе неизбежно приобретает иную постановку. Именно: национализация земли есть не только «последнее слово буржуазной революции, но и шаг к социализму».

Программа апрельской конференции, таким образом, сводится в аграрной области к национализации земли (что большевизм защищал еще в 1905 г.), в области финансов и промышленности—к слиянию банков в один, под контролем Совета Рабочих Депутатов, к контролю над синдикатом сахарозаводчиков и т. п. Контроль над синдикатом сахарозаводчиков! Постепенный переход к более справедливому обложению доходов!— разве это такая уж «левая» программа?

Программа по внешности весьма умеренная.

Почему?

Потому что Владимир Ильич выдвигает лишь меры, которые назрели практически и которые политически могли бы встретить поддержку большинства рабочих и крестьян. Ленин старался формулировать программу так, чтобы она была принята не только рабочими, но и крестьянской тяжелой пехотой, которая в данной стадии революции была еще оборонческой и носила на руках Керенского.

Новая революция победит, если в ней примет участие подавляющее большинство народа: это твердо знал Ленин. Вот почему перед апрельской конференцией он ставил задачу—сформулировать такую экономическую программу, которая могла бы поднять на ноги широчайшие массы рабочих и крестьян. Массы идут на революцию, когда попрежнему дальше жить нельзя. Можно ли в апреле 1917 г. бросить в массы лозунг непосредственной борьбы за социализм? Нет, еще нельзя было (хотя в общей агитации мы, конечно, провозглашали: «да здравствует социалистическая

революция!»). Вот почему партия в апреле 1917 г., вместо «экспроприация капиталистов» говорила «контроль над производством», «переход к более справедливому, умеренному обложению доходов», «национализация земли» рядом с лозунгами «мира, хлеба, свободы»: такие лозунги были доступны для широчайших масс, вокруг них можно было мобилизовать массы, объединить и двинуть их в бой.

Меньшевики в это время готовы были какие угодно «левые» резолюции писать. Вспомните тогдашнего министра труда, меньшевика Скобелева: на первых порах он требует от капиталистов никак не меньше, чем 100% прибыли, иначе говоря, грозится экспроприировать заводчиков и фабрикантов. А что в ответ на это говорил Ленин?

— Вы требуете 100% прибыли? Наша партия гораздо скромнее. Она требует в своей резолюции меньшего, именно: «только» установления контроля за банками и «постепенного» (слушайте, слушайте, большевики за «постепенность» — это говорит Ленин! — *Г. З.*) перехода к более справедливому прогрессивному обложению доходов и имуществ.

Наша партия выглядит чуть ли не «умереннее» меньшевика Скобелева. Скобелев раздает неумеренные и даже безмерные обещания. Но зато он «только» поддерживает буржуазное временное правительство, «только» не принимает тех условий, при которых единственно и возможно принудить буржуазию посторониться и дать дорогу рабочим и крестьянам.

Не бросая звонких левых фраз и «страшных» угроз, большевики выставляли такие «умеренные» требования, которые на деле вели революцию вперед, т.-е. вели к социализму. Через все статьи и речи Ленина этого периода красной нитью проходит эта мысль: нужно вести работу настойчивого разъяснения массам не только через книжки и газеты, а разъяснять так, чтобы на самых близких вопросах экономики увлекать за собой все более широкие слои трудящихся.

Вообще говоря, если присмотреться к тому, как нарастали требования, как формулировала лозунги партия большевиков за весь период февральской революции, то мы увидим крайнюю осторожность и поистине «разумную постепенность». Разумеется, Ленин вполне принимал в расчет быстрый темп революции, но Ленин был не только смелым революционером, но и осторожнейшим организатором и воспитателем масс.

Похожа ли апрельская конференция на ту, какой пытался изобразить эту конференцию тов. Троцкий? Нисколько! Вы чувствуете внимательнейший и осторожнейший подход, вы видите тщательнейший вдумчивый зондаж, вы видите, как Ленин и вся партия на апрельской конференции выковывают большевистскую тактику и против уклона вправо, и против «левых» фраз теоретиков «перманентной революции». Ленинское маневрирование, осторожность, «педагогика» обусловливаются тем, что Ленин помнит не только необходимость увлечь за партией весь передовой класс — пролетариат, — но помнит и переходы от пролетариата к крестьянству, к мелкой буржуазии. Понять надо это. Тогда не писалось бы арабских сказок об апрельской конференции. Большая часть товарищей, бывших на этой конференции, еще жива. Они помнят, как было дело; существуют протоколы, есть постановления. Конференция была похожа на Ленина, а вовсе не на Троцкого. Она принимала осторожную, зондирующую программу, — зондирующую рабочего-массовика и рядового крестьянина по линии того, как они будут выглядеть завтра, когда сбросят розовые меньшевистские очки, когда освободятся от иллюзий «добросовестного оборончества» и пойдут рука об руку с передовыми рабочими, с теми рабочими, которые уже стали выздоравливать от оборонческой болезни не по дням, а по часам, становясь большевиками.

Апрельская конференция была исходным пунктом всей большевистской работы в начале революции. Но дело не только в ней. Дело в том, что все ее резолюции были органически связаны со всем тем, что

*

Ленин издавна говорил о движущих силах революции, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и т. п. Это связано с тем, что Ленин говорил в 1914 и 1915 гг. Манифест ЦК в 1914 году, тезисы ред. «С.-Д.» (1915 г.), начало февральской революции 1917 г., первоначальный набросок резолюции Ленина и Зиновьева, письмо к Ганецкому, письмо к швейцарским товарищам, «Письма издалека», тезисы 4 апреля, письма о тактике и апрельская конференция — это одна исторически-последовательная цепь, где одно звено крепко спаяно с другим.

Вот подлинная история развития большевистской партии в эти решающие моменты.

* * *

С сентября 1917 г. мы вступаем в полосу, когда громадное значение имеет уже каждый день. Крайне важно понять, как следил за темпом Владимир Ильич в это время, как держал он руку на пульсе движения. Каждый из нас помнит призывные, решающие, окончательные, «октябрьские» выступления Ленина этого периода. Но — не следует забывать и его статью «О компромиссах», написанную в сентябре 1917 г., после того, как в Петроградском Совете мы одержали победу над меньшевиками, прогнали Чхеидзе и Керенского с председательствования. Ленин, обращаясь к меньшевикам и эс-эрам, пишет:

«Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям и мы должны, мне кажется, сделать это.

«Компромиссом является, с нашей стороны, возврат к до-июльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эс-эров и меньшевиков.

«Теперь, и только теперь, может быть, всего в течение нескольких дней или па 1 — 2 недели, такое

правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить с гигантской вероятностью мирное движение вперед всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма.

«Только во имя этого мирного развития революции, — возможности крайне редкой в истории и крайне ценной, возможности исключительно редкой, — только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, итти на такой компромисс.

«Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможное для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собою разумеющимся и не новым для эс-эров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыв Учредительного Собрания, без новых оттяжек или даже в более короткий срок» [1]).

Таким образом, Ленин выдвигает переход власти к Советам («правительство из эс-эров и меньшевиков»), к тем Советам, где мы еще могли оказаться в меньшинстве, с условием, что меньшевики и эс-эры созовут Учредительное Собрание, предоставят нам свободу агитации, а мы поборемся внутри Советов. Статья «О компромиссах» не явилась чем-то неожиданным, она не свалилась с неба. В ней были, разумеется, и элементы чистого маневра по отношению к врагу, но в целом это та же цепь развития. Ленин неоднократно развивал и до этого мысль о том, что наша партия могла бы внутри Советов мирно бороться за большинство и что иллюзии мелкой буржуазии могли

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. II, стр. 98 — 99.

бы в этом случае тоже изживаться мирно — в том случае, если власть мирно перейдет к Советам (в которых мы до корниловского выступления были в явном меньшинстве). Статья была попыткой демонстративно, наглядным способом, разъяснить той части народа, которая еще доверяла меньшевикам и эс-эрам: вот путь, который мы предлагаем; становитесь на эту дорогу, тогда дело, может быть, обойдется без гражданской войны. Мы боролись еще тогда за прочное большинство в Советах, мы боролись, разумеется, за политическую власть для себя. Ленин и в статье «О компромиссах» отказывается, от имени нашей партии, от вхождения в «советское» правительство в коалиции с эс-эрами и меньшевиками. Но если теперь у нас совершенно нет никаких сомнений в том, что прочная диктатура пролетариата невозможна без руководящей роли одной Коммунистической партии, то тогда путь к этому, во всяком случае, был далеко не так еще ясен. Моя лично ошибка была в том, что линию статьи «О компромиссах», годную только для данного конкретного момента, я провел на несколько дней дальше того, что было возможно. События развивались головокружительно быстро. И я тут не уследил: сидя в подполье, сделал громадную ошибку [1]). Но речь идет сейчас не об ошибках того или другого большевика, а о развитии большевизма в целом. Статья «О компромиссах» целиком вытекает из обрисованной выше общей линии большевизма.

Затем, последний документ из этой области — статья Ленина о программе-минимум, написанная в начале октября 1917 г.

«Мы не знаем, — пишет Владимир Ильич, — победим ли мы завтра или немного позже. (Я лично склонен думать, что завтра, — пишу это 6 октября 1917 г., — и что можем опоздать со взятием власти, но и завтра все же есть завтра, а не сегодня.) Мы не знаем, как

---

[1]) См. об этом подробнее в первой главе моей брошюры «Ленинизм или троцкизм?».

скоро после нашей победы придет революция на Западе. Мы не знаем, не будет ли еще временных периодов реакции и победы контр-революции после нашей победы, — невозможного в этом ничего нет, и потому мы построим, когда победим, «тройную линию окопов» против такой возможности.

«Мы всего этого не знаем и знать не можем. Никто этого знать не может. А потому и смешно выкидывать программу-минимум, которая необходима, пока мы еще живем в рамках буржуазного строя, пока мы еще этих рамок не разрушили, основного для перехода к социализму не осуществили, врага (буржуазию) не разбили и, разбив, не уничтожили. Все это будет, и будет, может быть, гораздо скорее, чем многим кажется (я лично думаю, что это должно начаться завтра), но этого еще нет...

«Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати»...

«...Это было бы пустой похвальбой, ибо сначала надо завоевать власть, а мы еще ее не завоевали. Сначала надо осуществить на деле переходные меры к социализму, довести нашу революцию до победы всемирной социалистической революции, а потом уже, «едучи с рати», можно и должно выкинуть вон программу-минимум, как ненужную больше» [1]).

Итак, еще за несколько дней до Октябрьской революции Ленин стоял за сохранение программы-минимум. Больше того — Ленин отстаивал уже после победы Октября, на VII съезде в марте 1918 г., на том съезде, где решали вопрос о Брестском мире, возможность использования буржуазного парламентаризма в том случае, если нас отбросят назад. А от такой возможности Ленин не зарекался [2]).

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II. «К пересмотру партийной программы», стр. 167, 166.

[2]) «Думать, что нас не откинут назад, — утопия... Мы говорим, что при всяком откидывании назад, — если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, — не отказываясь от использования буржуазного парламентаризма, мы будем итти к тому, что опытом завоевано,—к Советской власти». (Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 156.)

Все это не помешало ему поставить ребром вопрос о восстании именно в октябре и дать «бешеный» и абсолютно заслуженный отпор тем, кто поколебался в эту минуту. К числу важнейших писаний Владимира Ильича этого времени принадлежат, конечно, статьи «Кризис назрел» и его «Письма к товарищам», где он беспощадно критикует ошибки, которые были сделаны и нами и которые были тогда крайне опасны.

Таков ленинизм в эпоху между февралем и октябрем 1917 г. Теоретические основы ленинизма — все те же. Научный вклад в сокровищницу марксизма, сделанный Лениным, остается данным раз навсегда. Но не менее важною является та часть ленинизма, где грани подвижны, где дело идет о темпе событий, где надо схватить острым взглядом и чутким ухом события на лету. Что буржуазно-демократическая революция может перерасти у нас в социалистическую — большевики знали давно. Но как быстро происходит перерастание февральской 1917 года революции в социалистическую, как оценить дело в марте 1917 г., в июле, в сентябре 1917 г. — эти вопросы были решающими на определенный промежуток времени. «Потерять темп» в такое время — громадное несчастье.

Ни один из документов, которые мы выше процитировали, которые составляют основу деятельности Ленина за это время, которые являются важнейшими страницами большевизма — не может быть объяснен с точки зрения той «философии истории», какую дает тов. Троцкий, утверждающий, будто Ленин «идейно перевооружил» большевизм и сам «перевооружился» перед Октябрем. Куда же девать тогда работы, написанные Лениным в 1904—1906 гг., куда девать «Две тактики» и пр., где вся теория «перерастания» намечена уже ясно?

Теоретическая линия ленинизма с 1905 по 1923 гг. в основном одна и та же. Она развивается вполне органично, последовательно и стройно. В «прикладной» [1])

[1]) Прикладной мы называем ее, разумеется, лишь условно.

же части ленинизма (сроки, темп, оценки «текущего момента») грани, естественно, подвижны. «Прикладной» ленинизм в период февраля—октября 1917 г., безошибочный и мастерской учет «текущего момента» за этот бурный период, есть лучшая проверка всей теории Ленина — проверка в действии. Кто тут потерял темп, прозевал одну ступеньку, тот легко может покатиться вниз, если сейчас же не исправит своей ошибки. Но в этом виноват уже не ленинизм, а данный ленинец...

Подводя итог сказанному, можно характеризовать развитие большевизма так: большевизм, это — борьба с социал-демократией за рабочих, с буржуазией (в том числе с эс-эрами) за крестьянство.

* * *

Мы пытаемся дать характеристику сущности большевизма в самых различных формулировках, чтобы осветить вопрос со всех сторон.

Борьба за рабочий класс, наш класс, основной класс, конечно, основа всего большевизма. Ибо большевистская партия — рабочая партия. Здесь больших пояснений не требуется. Но — вот борьба за крестьянство?

Борьба с буржуазией (в том числе с эс-эрами) за крестьянство. История большевизма от февраля до октября прекрасно укладывается в эту формулу.

Разве Гучков, Милюков и князь Львов не представители империалистической буржуазии? А Керенский не их пособник? Они стояли у власти и хотели дальше вести войну; крестьянин же в то время шел за ними.

Помню свое выступление перед первым съездом фронтовиков. Выступал Гучков, а потом я. Гучкова встретили лучше, чем меня, но зато меня провожали лучше, чем его. Я разъяснял им популярно, почему не надо воевать. Сорокалетние «пацифисты» говорили: нам сорок лет, мы желаем в деревню, а не воевать.

Интернационалисты должны были использовать и эту усталость от войны. А передовику-фронтовику мы объясняли — прежде всего через рабочих — перспективу мировой революции. Что это такое? Это и есть борьба с буржуазией за крестьянство.

Такую борьбу большевизм предпринимает теперь по завету Ленина в интернациональном масштабе, а в национальном масштабе он вел эту борьбу, начиная уже с 1903 г., в особенности же с февраля по октябрь 1917 г. Мы вели борьбу с буржуазией и эс-эрами за крестьянство, в то же время ведя борьбу с социал-демократией за ту часть рабочих, которая шла за меньшевиками. Формула «борьба с буржуазией за крестьянство» — для парвусистов и троцкистов, естественно, книга за семью печатями. Этого не понимали и не могли понять те, кто не стоял на почве большевизма с 1905 г.

В книге тов. Сафарова «Основы ленинизма» есть глава «Борьба между империализмом и пролетариатом за крестьянство и угнетенные нации». Одно это заглавие доказывает, что Сафаров — большевик. А те, кто проповедует «перевооруженный» большевизм, такой постановки вопроса дать не смогут. Борьба с буржуазией, с империализмом за крестьянство — этому учил Ленин задолго до империалистической войны; большевизм с особенной ясностью понял это после империалистической войны и с еще большей ясностью понял это между февралем и октябрем. Октябрь легко победил потому, что налицо было сочетание кризиса империалистической войны с аграрным кризисом — чего не было в других странах. И империалистическая война, и аграрный кризис, каждый порознь, это — динамит громадной разрывной силы; каждый из таких факторов порознь мог бы взорвать старый царский режим. А мы получили, вместо одного динамитного патрона,— два, притом оба громадной разрывной силы; режим же, который должен был бы быть взорван, — слабый, деморализованный, дискредитированный по сравнению с буржуазными странами Европы. В результате этого

мы быстрее других стран шагнули сразу от демократической к социалистической революции.

Ленин был велик не только тем, что развил и обогатил учение Маркса, но и тем, что он, как гениальный мастер классовой борьбы, с такой ясностью видел происходящее перерастание одной революции в другую и умел, следя за всеми сложнейшими изгибами и поворотами революции, улавливая темп ее нарастания, во-время давать практические директивы и лозунги, увеличивая, расширяя и углубляя их в соответствии с восходящей линией революции.

Общетеоретическая линия ленинизма одна и та же — начиная с «Друзей народа» и кончая «Лучше меньше, да лучше». Это одна и та же непрерывная, прямая и твердая линия. Были, разумеется, отдельные практические ошибки, были «петельки», ответвлявшиеся на миг от прямой линии развития ленинизма. Была, например, переоценка «текущего момента» в 1906 году (ожидавшееся Лениным восстание крестьян по окончании полевых работ). Была, с другой стороны, известная недооценка крестьянского движения в 1902—1904 гг. (требование «отрезков»). Но поправка «на темп» вносилась Лениным очень быстро. «Петелька» ликвидировалась, и общая нить логически развивалась все дальше и дальше, вперед и вперед.

На примере с «отрезками» стоит остановиться подробнее.

В 1903 г. Ленин на II съезде нашей партии защищал возвращение отрезков [1]). Он равнялся тогда по крестьянскому движению, которое в 1903 году было

---

[1]) Ленин так определяет, что такое отрезки (Собр. соч., т. IX. «К деревенской бедноте», стр. 361): «Помещичья земля находится рядом с крестьянской. У крестьян при освобождении их отрезали необходимые для них земли, отрезали выпас, выгон, отрезали лес, отрезали водопой... Хочешь—не хочешь, а приходится к помещику итти, просить дать пропуск скоту к воде или дать выпас и т. п. А помещик своего хозяйства не ведет и денег, может быть, никаких не имеет, а только тем и живет, что кабалит крестьян. Крестьяне на него за отрезные земли работают без денег, пашут своими лошадьми его землю, убирают его хлеб и его луга, молотят на него, даже в некоторых местах возят на барскую землю свой, крестьянский

еще сравнительно слабым. Когда же крестьянское движение стало расти и расширяться, когда в него стала втягиваться крестьянская масса, даже зажиточная верхушка деревни, препятствием для капиталистического развития которой являлись помещичьи латифундии; когда крестьянское движение разлилось широкой волной; когда началось движение во флоте и в армии (а флот и армия — крестьянские по своему составу), — тогда Ленин быстро увидел, что требование возвращения отрезков слишком узко и потому стало ошибочно. «Дверь», через которую он хотел увлечь все крестьянство, слишком узка. Значит, нужна более широкая программа. И в 1905 году на Таммерфорсской конференции (и раньше на III съезде в мае 1905 г.). Владимир Ильич сам настаивает на изменении старой аграрной программы, на исправлении своей ошибки [1]). Выросло крестьянское движение — «отрезки» сдаются в архив. Теперь нашего полку прибыло, крестьянство пробудилось, — дадим ему более широкую программу. Иди вперед...

Таков Ленин всегда. Обще-теоретическая линия за 25—30 лет от «Друзей Народа» до «Лучше меньше, да лучше» — в основном одна и та же. А «маневро-

---

навоз, носят на барский двор и полотна, и яйца, и живность всякую. Совсем как при крепостном праве».

Вот эти-то отрезки аграрная программа требовала вернуть крестьянам, чтобы тем ликвидировать всякие крепостнические остатки, мешающие развитию буржуазных отношений в деревне.

[1]) О своей ошибке Ленин позже писал (Собр. соч., т. IX. «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 гг.», стр. 503): «Источником... ошибки было то, что, верно определяя направление развития, мы неверно определили момент развития. Мы предположили, что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились и в помещичьем хозяйстве (минус кабальные «отрезки» — отсюда требование отрезков), сложились и в крестьянском хозяйстве, которое казалось выделившим крепкую крестьянскую буржуазию и неспособным поэтому к «крестьянской аграрной революции». Не «боязнь» крестьянской аграрной революции породила ошибочную программу, а переоценка степени капиталистического развития в русском земледелии. Остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью, капиталистическое хозяйство на надельной и на помещичьей земле вполне созревшим и окрепшим явлением».

Переоценка степени капиталистического развития в русском земледелии значит недооценка элементов крепостничества в нем, значит недооценка возможностей революционно-демократического движения в крестьянстве.

способность» большевизма растет вместе с ростом движения. Вот полоса оборончества пошла вниз. Сознательность рабочих пошла вверх. Рабочие все больше с нами. Начинай осторожно, чтобы не оторваться от арьергарда. Веди массу постепенно, но верно вперед.

От октября 1915 г. по октябрь 1917 г. всего два года. Как быстро нарастает за эти два года гамма требований со стороны большевизма, — быстро, но вместе с тем осторожно, постепенно, умело.

Нам пришлось уже отметить в печати: основное, что можно сказать о Ленине, это — то, что 10 января 1905 г. он уже «не тот», каким был 8 января. Потому что посредине было 9 января. Через день после февральской революции он «не тот», каким был за день до нее; 26 октября 1917 г. он «не тот», что 24 октября. И, вместе с тем, Ленин всегда остается равным себе самому — в гениальной чуткости, в размахе, в твердой уверенности, что именно он и его партия ведут свой класс вперед. Машина руководства плавно и уверенно идет в его стальных руках. Это он, во главе рабочего класса, проложил нам дорогу к победе пролетарской революции в стране с крестьянским большинством. Это он сумел так щедро обогатить теорию марксизма. Это он провел рабочий класс через три революции. Это он определил основы взаимоотношений классов в нашей стране в период НЭП'а. Это он дал миру теорию и тактику международной пролетарской революции.

ГЛАВА VII.

МАРКС И «ПЕРМАНЕНТНАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ.

Известно, что термин «перманентная» революция заимствован Парвусом и Троцким у Маркса. В нескольких работах Маркса («Гражданская война во Франции», «Обращение к Союзу Коммунистов» в 1850 г.) мы неоднократно встречаем этот термин.

На примере парвусистов мы увидим ниже, что перед нами классический образец того, как иногда в одни и те же слова можно вложить совершенно различное содержание.

Что вкладывал Маркс в понятие «непрерывная революция»? Дабы понять это, нужно прежде всего перенестись в ту обстановку, когда Маркс писал те из своих произведений, в которых встречается данный термин. Произведения эти посвящены, главным образом, подытоживанию опыта великой французской революции и ряда революций 1848 года. Если вдуматься в то, что писал Маркс — отчасти и Энгельс — в те времена, то станет совершенно ясно, что они вкладывали в этот термин следующее: во-первых, они хотели с помощью этой формулы описать то, что в тех же, а также и в других произведениях ими не раз называлось «восходящей» линией революции, в отличие от «нисходящей» линии революции; во-вторых, совершенно ясно, что, употребляя понятие «непрерывная революция», Маркс и Энгельс близко подходили к тому, что у Ленина впоследствии полу-

чило более отчетливое выражение в формуле «перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую».

Это становится вполне ясным, если вдуматься в один из важнейших документов по истории марксизма — «Обращение Маркса к Союзу Коммунистов» в 1850 г. В этом документе, если хотите, содержится в концентрированном виде вся тактика революционного марксизма, а тем самым в значительной мере и тактическая часть ленинизма. В этом документе сделана попытка по свежим следам неостывших событий, непосредственно после ряда движений 1848—49 гг. проследить взаимоотношения революционного пролетариата и мелкой буржуазии и наметить тактику первого по отношению ко второй. Если в 1847 — 48 г. и в начале 1849 г. Маркс и Энгельс одной рукой строили международную организацию пролетариата, писали «Коммунистический Манифест», а другой редактировали «Новую Рейнскую Газету»; если в это время творцы научного социализма считали возможным прямо входить в организации революционной буржуазной демократии, в ее боевые дружины и т. п. — то в 1850 г., когда заканчивается известный цикл общественного развития, Маркс, подводя итоги закончившемуся периоду и извлекая уроки из него, намечает уже несколько иную тактику по отношению к мелкой буржуазии, все больше отслаивающейся от молодого класса, выходящего на историческую арену,— от пролетариата.

Уже в «Борьбе классов во Франции» Маркс, подытоживая опыт революционного движения 48 — 50 гг., писал:

«Пролетариат,... все больше группируется вокруг революционного социализма, коммунизма, который сама буржуазия окрестила именем Бланки. Этот социализм есть не что иное, как перманентная революция классовая диктатура пролетариата (подчеркнуто нами. *Г. З.*), как необходимая переходная ступень к отмене всяких классовых различий, отмене всех производ-

ственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений» [1]).

Здесь Маркс употребляет термин «непрерывная революция» как формулу, почти совпадающую с понятием социализма вообще или с понятием революционной борьбы за социализм.

Но заглянем в «Обращение Центрального Комитета Союза Коммунистов» (1850 год). Здесь мы имеем уже гораздо большее приближение к тому, что мы сказали выше: непрерывная революция совпадает здесь: 1) с восходящей линией революции вообще и 2) с перерастанием буржуазно-демократической революции в социалистическую [2]). Следующие строки из этого документа подтвердят высказанную мысль:

«В то время как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наша задача заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран пре-

[1]) Взято у Рязанова: «Очерки по истории марксизма», стр. 479 — 480.

[2]) «Маркс и Энгельс, — писал в 1905 году Ленин, — в 1850 году не различали демократической и социалистической диктатуры, или, вернее, вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм близким... Маркс и Энгельс в 1850 г. считали социализм близким и потому не дооценивали демократических завоеваний, которые казались им вполне прочными, в виду несомненной победы мелко-буржуазной демократической партии... Если бы Маркс и Энгельс понимали неизбежность сравнительно продолжительного господства демократического строя, то они тем больше значения придавали бы демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» (Н. Ленин. «Собр. соч., т. VI. «О временном революционном правительстве», стр. 214, 215).

«Когда разразилась февральская революция, все мы в своих представлениях об условиях и ходе революционных движений находились под властью прежнего исторического опыта, особенно опыта Франции. Как

кратится, и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества» [1]).

Итак, необходимо сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы один за другим не будут устранены, сначала — феодальная аристократия, затем — крупная буржуазия, затем и мелкая буржуазия. И притом не в одной только, а во всех странах. Мы видим, что «непрерывная революция» под пером Маркса в другой формулировке получает то же самое значение, что и революция, развивающаяся по восходящей линии, — революция, которая начинает, так сказать, с малого, затем приобретает все больше и больше сил, поднимается все на новые и новые ступени, устраняет сначала буржуазию, а затем и мелко-буржуазное государство.

В этом же документе Маркс более точно характеризует и тактику, которую молодой пролетариат должен вести по отношению к мелкой буржуазии. Он делает это в следующей, в высшей степени ясной и наглядной форме:

«Они (т.-е. коммунисты. *Г. З.*) должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые во всяком случае будут выступать не революционно, а лишь как реформисты; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность. Так, например, если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, рабочие должны требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики, как

раз она господствовала над всей европейской историей с 1789 года... История показала, что мы и все, мыслившие подобно нам, были неправы. Она ясно показала, что тогдашний уровень экономического развития на континенте далеко еще не достаточен для того, чтобы устранить капиталистический способ производства». Так писал Ф. Энгельс в 1895 г. во «Введении» к историческим работам Маркса.

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, «Исторические работы». ГИЗ, стр. 501.

собственность реакционеров, были конфискованы без всякого вознаграждения. Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал при этом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства. Следовательно, требования рабочих всюду должны будут сообразовываться с уступками и мероприятиями демократов» [1].

Здесь та же мысль Маркса о «перманентной революции» выражена тактически: если революция будет итти по линии восходящей, т.-е. если буржуазно-демократическая революция будет перерастать в социалистическую, — то тактика рабочих, возглавляемых коммунистами, должна быть именно такова, как она охарактеризована Марксом в приведенных выше словах. Совершенно кратко эта мысль формулирована Марксом так:

«Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она борется вместе с нею против той фракции, к низвержению которой она стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда она сама хочет упрочиться» [2].

В этих замечаниях, набросанных Марксом по свежим следам событий 1848—50 гг., в зародыше содержится, повторяем, вся тактика революционного марксизма, а постольку в значительной мере и тактическая часть ленинизма.

Интересно будет сопоставить сказанное с ходом мыслей у Энгельса в его письме к Бернштейну от 27 августа 1883 г., опубликованном недавно в «Архиве К. Маркса и Энгельса» под редакцией Д. Рязанова.

«У нас, — пишет Энгельс применительно к Германии, — первым непосредственным результатом револю-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, «Исторические работы». ГИЗ, стр. 507.
[2] Там же, стр. 500.

ции по форме точно также может и должно быть не что иное, как буржуазная республика. Но здесь это будет только короткий переходный момент, так как мы, к счастью, не имеем чисто республиканской буржуазной партии. Буржуазная республика, может быть, с прогрессивной партией во главе, сперва послужит нам, чтобы завоевать большие массы рабочих для революционного социализма. Это будет проделано в год или два и поведет к разрушению и самоуничтожению всех, кроме нас, еще возможных промежуточных партий, и только тогда мы можем взяться с успехом за дело.

«Большая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе революцию как нечто такое, что может быть закончено за ночь. На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс развития масс с ускоренным темпом движения. Всякая революция, которая была закончена за ночь, устраняла только уже заранее безнадежную реакцию (1830), или же вела прямо к противоположному в сравнении с тем, к чему стремились ее участники (1848 г. во Франции)» [1]).

С одной стороны, Энгельс говорит, что буржуазная республика в Германии продержалась бы только один-два года, что за это время рабочие могли бы уже накопить силы для перехода к социализму. Это — отзвук старых оценок, которые оказались неверными: Маркс и Энгельс, как известно, ошибались именно в вопросе о сроках. Зато, с другой стороны, в заключительной части мы видим уже вполне зрелую постановку вопроса: всякая глубокая революция представляет собою длящийся многие годы процесс и притом процесс развития самих масс с ускоренным темпом движения. Эта последняя формула очень близко подходит к ряду формул, которые давал Ленин не раз после Октябрьской революции, когда указывал, что «переваривание опыта революции есть в значительной мере сама рево-

[1]) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Ред. Д. Рязанова. Книга первая. ГИЗ. Москва, 1924. «Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну», стр. 349.

люция», что процесс перерождения масс в революции длится долгие годы.

Этих мест достаточно для того, чтобы подтвердить выставленные нами в начале главы два тезиса.

Первый: — формула «перманентной революции» у Маркса означала больше всего подытоживание опыта великой французской революции и революций 1848 г.; эта формула часто означала для Маркса то же, что он имел в виду, говоря о развитии революции по восходящей линии.

Второй: — в этой формулировке Маркс близок не к Парвусу — Троцкому, а как раз к толкованию марксизма Лениным — к мысли, неоднократно высказывавшейся Лениным, — о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Описание и анализ процесса отделения рабочего класса от мелко-буржуазной демократии есть в основе идея (впоследствии развитая Лениным) о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Это отступление было необходимо для того, чтобы мы могли подойти к вопросу о том, какое же понимание вкладывали в «теорию» перманентной революции Нарвус и Троцкий.

ГЛАВА VIII.

«ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ПО ПАРВУСУ и ТРОЦКОМУ.

Из верных историко-философских обобщений Маркса Парвус и Троцкий сделали совершенно неверные выводы в области конкретной оценки движущих сил русской революции.

А так как вопрос о движущих силах русской революции был (и остается) теснейшим образом связанным с вопросом о движущих силах международной революции, то ясно, что и в этой области Парвус и Троцкий неминуемо совершали столь же крупные ошибки.

Надо твердо помнить: спор идет не только и не столько об истории. Среди товарищей иногда распространено такое представление, что вот-де все доказывают неправоту Троцкого до 1917 г., а между тем Троцкий после 1917 г. политически совершенно переродился. Зачем же возвращаться к старой, ставшей уже достоянием истории полосе?

В действительности это не так. Спор идет не только и не столько об истории. Само собой понятно, что революция 1917 г. оказала громадное влияние на каждого из ее участников, в том числе и на тов. Троцкого. Но как раз в данном-то пункте тов. Троцкий продолжает и поныне держаться того мнения, что он был прав против Ленина. Не далее, как в «Новом курсе» (1924 г.), он выступил с ясным заявлением на этот счет. Тогда же, на XIII партийном съезде, мы

возразили на это, что, по нашему мнению, «в этом произведении Троцкого нет ни грана большевизма». Это наше выступление пытались изобразить как полемическое преувеличение. Думается, что теперь, после учета последней дискуссии об «Уроках Октября», все должны будут понять, что здесь не было преувеличения.

В «Новом курсе» тов. Троцкий писал:

«Что касается теории «перманентной революции», то я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что писал по этому поводу в 1904—5—6 гг. и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивавшихся мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма, чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени...

«...Идея перманентной революции полностью и целиком совпадает с основной стратегической линией большевизма. Этого можно было не видеть 18—15 лет тому назад. Но этого нельзя не понять и не признать теперь, когда общие формулы наполнились полнокровным историческим содержанием... [1]). Через теорию «перманентной революции» был прямой путь к ленинизму, в частности, к апрельским тезисам 1917 г.» [2]).

Итак, уже в 1923 г., в разгар дискуссии, касавшейся жгучих вопросов партийного мировоззрения, тов. Троцкий совершенно открыто, перед всем миром заявил, что он не видит абсолютно никаких оснований отрекаться от того, что было им сказано в 1904—05 г. по вопросу о перманентной революции.

Недавно в печати фигурировало заявление тов. Троцкого о том, что можно быть неправым в вопросе об оценке фракций большевиков и меньшевиков в прошлом, в то же время оставаясь правым против большевиков в вопросе о движущих силах революции.

---

[1]) Это утверждение плохо вяжется с письмом тов. Троцкого к пленуму ЦК и ЦКК от 15 января 1925 г., в котором он говорит, что «если мне вообще случалось после Октября возвращаться по частным поводам к формуле «перманентной революции», то только в порядке истпарта (подчеркнуто нами. *Г. З.*), т.-е. обращения к прошлому, а не в порядке выяснения нынешних политических задач».

[2]) Л. Троцкий. «Новый курс». М. 1924, г., стр. 50—52.

В хорошо известном письме тов. Троцкого к тов. Ольминскому от 6 декабря 1921 г. эта мысль подчеркивается особенно резко:

«Считаю, что моя оценка движущих сил революции (подчеркнуто нами. *Г. З.*) была безусловно правильна, выводы же, какие я из нее делал в отношении обеих фракций, были безусловно неправильны» [1]).

Но можно ли, в самом деле, быть правым против большевиков в оценке движущих сил революции, оставаясь на почве большевизма?

Можно ли быть неправым в отношении борьбы двух фракций и остаться правым в вопросе о движущих силах революции? — По-нашему, нельзя!

Несколько ниже в том же письме тов. Троцкий утверждает, что

«только благодаря тому, что большевизму удалось создать эту революционно-сколоченную организацию, оказался возможным столь быстрый поворот от революционно-демократической позиции к революционно-социалистической» [2]).

Не вяжется одно с другим. При чем тут «организация»? Так как большевикам удалось сколотить хорошую организацию, то... им легко было повернуть от фальшивой позиции к правильной!! Мы, конечно, сторонники хорошо сколоченной организации. Однако, если в вопросе о движущих силах революции иметь принципиально неправильную точку зрения, то тут никакая организация не поможет. Ибо прежде всего потребуется «организация» своих мозгов.

И, наконец, еще одно заявление:

«Я мог бы без труда разбить мои полемические статьи против меньшевиков и большевиков на две категории: одни — посвященные анализу внутренних сил революции, ее перспективам (теоретический польский орган Розы Люксембург, «Neue Zeit») и другие —

---

[1]) «Ленин о Троцком [из истории РКП (б)]». ГИЗ. 1925 г., стр. 4.
[2]) Там же, стр. 4.

посвященные оценке фракций русских социал-демократов, их борьбе и проч. Статьи первой категории я и сейчас мог бы дать без поправок (подчеркнуто нами. *Г. З.*), так как они вполне (!) и целиком (!!) совпадают с позицией нашей партии, начиная (!!!) с 17 г.» [1]).

Итак, мыслимо ли такое положение, когда можно быть неправым в вопросе о борьбе двух фракций большевиков и меньшевиков — и в то же время быть правым в главном, в основном: в вопросе об оценке движущих сил революции? Из сказанного выше вытекает, что такая позиция невозможна, ибо в ней кроется неразрешимое противоречие.

В предшествующих главах мы попытались достаточно наглядно отметить, что учение о движущих силах революции именно и есть один из центральных вопросов большевизма. Из-за этого-то главным образом и шел спор между большевизмом и меньшевизмом. Что сказали бы мы о человеке, который заявил бы: я согласен с Дарвиным во всем — кроме... теории происхождения видов?

Что сказали бы мы о человеке, который сказал бы: я, может быть, кое в чем ошибался в оценке фракционной борьбы между лассальянцами и эйзенахцами [2]), но зато Маркс ошибался... в теории классовой борьбы?

В обоих примерах заключается такое же вопиющее противоречие, как в приведенных заявлениях тов. Троцкого о том, что он был неправ в своем отношении к большевикам и меньшевикам, но оказался правым в вопросе о движущих силах русской революции.

Учение о движущих силах революции есть для ленинизма то же, что теория происхождения видов для дарвинизма или теория классовой борьбы для марксизма.

[1]) «Ленин о Троцком» [из истории РКП (б)]». «Новая Москва». 1925 г., стр. 4.

[2]) Лассальянцы и эйзенахцы (съезд — в городе Эйзенахе) — две бывших фракции германской с.-д. Во главе одной стояли Лассаль и Швейцер. Во главе второй—Вильгельм Либкнехт и Август Бебель. Вторая стояла ближе к марксизму. У первой были уклоны меньшевистского типа — в сторону «соглашения» с монархией и т. п.

С известным правом можно сказать так: большевизм, в основном, есть учение Ленина о движущих силах революции сначала русской, а затем и мировой — и притом учение оправдавшееся. Меньшевизм, в основном, есть учение Аксельрода и Мартова о движущих силах русской революции, — только неоправдавшееся, неверное, неправильное, целиком скатившееся к точке зрения буржуазной демократии. И, наконец, «троцкизм» (или «парвусизм») в основном — есть учение Парвуса и Троцкого о движущих силах революции, — не оправдавшееся и застрявшее между большевизмом и меньшевизмом, учение «несуразно-левое» (Ленин) по форме, полу-меньшевистское по существу.

Отличие второго от третьего (учения Аксельрода—Мартова от теории Троцкого и Парвуса) заключается в том, что меньшевизм, будучи неправильным, в свое время все же привлекал на свою сторону значительные слои рабочих, между тем как троцкизм, будучи тоже неверной теорией, никогда не привлекал сколько-нибудь широких слоев рабочих на свою сторону.

Вопрос о движущих силах революции не десятостепенный, не второстепенный, а первостепенный, основной вопрос. Здесь водораздел между большевизмом, меньшевизмом и троцкизмом.

* * *

Перейдем теперь к характеристике самой «теории перманентной революции» тов. Троцкого.

Где именно была она изложена наиболее точно? Наиболее важные литературные источники следующие: предисловие Парвуса к книжке Троцкого «До 9 января» (1905 г.), ряд статей в газете «Начало» (1905 г.), некоторые статьи, вошедшие в недавно переизданные сборники Троцкого «Наша революция», «1905», и затем соответствующие части в книгах самого Парвуса [1]), в которых он пытался подытожить

[1]) «Россия и революция», «Социализм и социальная революция», «Социал-демократия и парламентаризм», «Роль профсоюзов и социал-демократии в социальной революции» и др.

одновременно и опыт русской революции, и начавшееся революционное оживление в Германии.

Что касается газеты «Начало», то она, будучи очень хлесткой и «несуразно-левой» по форме, в теоретической области сказала очень мало своего. Никто всерьез ее не принимал, и даже меньшевики, подшучивая над ней, острили: «ну, «Начало» помчало!». Полезнее остановиться на более «солидных» теоретических источниках. Важнейшим из них является предисловие Парвуса к брошюре тов. Троцкого, написанное в 1905 году. В нем Парвус поставил вопрос значительно тоньше, нежели в позднейших произведениях и самого Парвуса и Троцкого. Но основная ошибка всех сторонников «перманентной революции» содержится уже и в этой работе Парвуса. Она заключается в неверной оценке движущих сил русской революции, в неправильном освещении соотношения классов в России, в явно неправильных выводах относительно исторической родословной русского рабочего класса. — Вот что пишет Парвус (документ этот редкий, в русской легальной печати, кажется, не существует — мы дадим поэтому обширные выписки):

«Политический радикализм в Западной Европе, как известно, опирался преимущественно на мелкую буржуазию. Это были ремесленники и вообще вся та часть буржуазии, которая была подхвачена индустриальным развитием, но в то же время оттерта классом капиталистов. Не надо забывать, что ремесленники в Западной Европе создали города, что города при их политическом господстве достигли значительного расцвета, что мастера наложили свою печать на несколько столетий европейской культуры. Правда, ко времени введения парламентарного режима могущество мастеров давно было стерто, но политическое значение имел уже самый факт существования многочисленных городов и численное господство в них среднего сословия, оспариваемое лишь развивающимся пролетариатом. По мере того как эти общественные силы растворялись в классовых противоречиях капитализма, перед демократическими

партиями вставала задача: либо пристать к рабочим и стать социалистическими, либо пристать к капиталистической буржуазии и стать реакционными. В России, в докапиталистический период, города развивались более по китайскому, чем по европейскому образцу. Это были административные центры, носившие чисто чиновничий характер, без малейшего политического значения, а в экономическом отношении — торговые базары для окружающей их помещичьей и крестьянской среды. Развитие их было еще очень незначительно, когда оно было приостановлено капиталистическим процессом, который стал создавать большие города на свой образец, т.-е. фабричные города и центры мировой торговли. В результате получилось то, что в России есть капиталистическая буржуазия, но нет буржуазии промежуточной, из которой возродилась и на которой держалась политическая демократия Западной Европы (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Средние слои современной капиталистической буржуазии в России, как во всей Европе, состоят из так называемых либеральных профессий: врачей, адвокатов, литераторов etc., и из общественных слоев, стоящих вне производственных отношений, а затем из технического и торгового персонала капиталистической индустрии и коммерции и примыкающих к ним отраслей промышленности, вроде страховых обществ, банков и т. п. Эти разношерстные элементы не могут иметь своей классовой программы, в силу чего их политические симпатии и антипатии беспрерывно колеблются между революционностью пролетариата и капиталистическим консерватизмом. В России к ним еще нужно прибавить элемент разночинцев — классовые и сословные отбросы дореформенной России, которых еще не успел поглотить капиталистический процесс развития.

«На этом городском населении, не прошедшем исторической школы средних веков Западной Европы, без экономической связи, без традиций в прошлом и без

идеала в будущем, приходится основываться политическому радикализму в России. Не удивительно, что он ищет еще других основ» [1]).

Вот это и есть центральное социологическое обобщение Парвуса, которое не раз повторялось и развивалось впоследствии Троцким. Всякий, кто читал социологические наброски Троцкого, долженствующие обосновать теорию перманентной революции, убедится, что Троцкий в основном только повторяет Парвуса.

Троцкий не раз вспоминал с благодарностью о Парвусе, как о своем учителе. Вот, например, выдержка из статьи тов. Троцкого в «Нашем Слове» от 1915 г.:

«Вместе с Парвусом мы отстаивали в «Начале» ту мысль, что русская революция является прологом социально-революционной эпохи в развитии Европы; что русская революция не может быть «доведена до конца» ни сотрудничеством пролетариата с либеральной буржуазией, ни его союзом с революционным крестьянством; что она может победить лишь как составная часть революции европейского пролетариата. И сейчас менее, чем когда бы то ни было, я вижу оснований отказываться от этого диагноза и этого прогноза, львиная доля в которых принадлежала Парвусу. «Субъективные» гимназисты могут хихикать над понятием перманентной революции, смысл которой им был так же темен, как неясен им смысл нынешней катастрофы, в которой они барахтаются с видом независимости.

«Вместе с Парвусом мы поставили первую рабочую газету на русской почве — «Русскую Газету» в Петербурге, и у него мы учились трудному искусству простые мысли выражать простыми словами. При непосредственном содействии Парвуса мы в самую глухую эпоху революции поставили в Вене рабочую газету «Правда». Вместе с Парвусом мы отказывались видеть в двух фракциях русской социал-демократии непримиримые течения социалистической теории или практики

[1]) Н. Троцкий. «До 9 января». Женева, 1905 г. Предисловие Парвуса, стр. V — VI.

и вместе с ним мы отказались причислять себя к большевизму или меньшевизму. И сейчас, после всего идейного и политического опыта партии, я менее, чем когда бы то ни было, вижу оснований отказываться от этой более чем десятилетней традиции» [1]).

Итак, не подлежит ни малейшему сомнению, что «львиная доля» участия в создании теории перманентной революции, согласно заявлению самого тов. Троцкого, принадлежала Парвусу.

Прежде чем приступить к разбору самого вышеприведенного утверждения Парвуса, необходимо еще раз вспомнить то, что мы говорили выше о «перманентной революции» по Марксу. У Маркса—обобщение опыта ряда революций на Западе и намечение общей восходящей линии пролетарских революций в разрезе на десятки и десятки лет. У Маркса в зародыше — теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, впоследствии развитая Лениным. У Парвуса же и, как увидим ниже, у Троцкого дело идет о другом: об оценке движущих сил революции в России — оценке, притом глубоко неправильной. Вместо того чтобы на основе точного анализа говорить о конкретном учете классовых сил данной страны, Парвус и Троцкий дали нам неверный анализ движущих сил в России и прикрыли свой неверный полуменьшевистский анализ Марксовой формулой, имеющей общее историко-философское значение.

Рассмотрим же вопрос о том, насколько правилен был конкретный анализ движущих сил русской революции, намеченный Парвусом и вслед за ним повторенный и «развитый» тов. Троцким. По Парвусу, городское население России не прошло истории средних веков Западной Европы; оно — без традиций в прошлом, без идеалов в будущем. В России, несмотря на наличие капиталистической буржуазии, нет будто

[1]) «Наше Слово». № 15 от 14 февраля 1915 г.

бы промежуточной буржуазии, и политическому радикализму придется искать иной основы.

Да, совершенно верно, что в России ремесло не имело за собою той истории, какую оно имело в Западной Европе. Совершенно верно, что у нас отсутствует многое из типичных черт развития средневековья и что это не могло не отразиться на соотношении классов в нашей стране. Это хорошо разъяснил в ином разрезе Ленин в «Развитии капитализма» и в других своих работах.

Ну, а что же вытекает из того более или менее верно указанного факта, что ремесленники не имеют за собою в нашей стране такой длинной истории, какую они имели в Западной Европе? Да только то, что наш рабочий по своей родословной гораздо ближе к крестьянину, чем это можно сказать о западно-европейском рабочем. Как раз потому, что у нас не было такого долголетнего развития ремесла, какое мы видим в средние века на Западе,— именно поэтому и вышло так, что наш рабочий класс ближе к крестьянству. Нашего русского рабочего от крестьянина отделяет меньше поколений и ступеней. Его социальная генеалогия, таким образом, отличается от западно-европейской тем, что русский рабочий тесней связан с крестьянскими и полукрестьянскими массами.

Вот что отсюда вытекает.

Но на этом-то как раз и построена в значительной мере тактика большевизма. А между тем троцкизм ухитрился сделать выводы прямо противоположные.

Парвус и Троцкий искали своеобразия в генеалогии русского рабочего класса. Они правы, что эта генеалогия своеобразна и отличается от генеалогии западно-европейского рабочего класса. Но в какую сторону отличается?—В ту сторону, что русский рабочий «течет» более непосредственно из крестьянской среды, что у нас в 90-х гг. был целый большой слой рабочих-крестьян, что русский рабочий тысячею нитей связан с крестьянством, связан больше, чем рабочий в любой

другой стране. Все это как раз потому, что развитие наше шло не так, как в Западной Европе.

Фундаментом всей «теории» перманентной революции явился **неправильный вывод** из того факта, что родословная нашего и западно-европейского пролетариата различна. Немудрено, что этот фундамент оказался не солиден, что он оказался построенным на песке. Вот почему вся «теоретическая» постройка троцкизма рухнула, едва только начали определяться перспективы грядущей революции и роль крестьянства в ней.

Этой близости нашего рабочего к крестьянству нашим «перманентникам» и не дано понять. А, стало быть, им не дано верно оценить роль крестьянства в русской революции.

В том же предисловии Парвус пишет:

«Классовая борьба русского пролетариата ясно определилась еще при абсолютизме. То, что помешало развитию мелко-буржуазной демократии, послужило на пользу классовой сознательности пролетариата в России: слабое развитие ремесленной формы производства. Он сразу оказался сконцентрированным на фабриках. Экономическое господство сразу предстало перед ним в своей самой совершенной форме капиталиста, чуждого производству, а государственная власть в своей самой концентрированной форме самодержавия, опирающегося исключительно на военную силу» [1]).

Здесь опять-таки более или менее правильно указано на своеобразное развитие ремесла у нас, на то, почему у нас рабочий сразу оказался сконцентрированным на больших фабриках. Но вторую, самую важную, сторону Парвус упустил из виду — то, что хотя рабочие и были быстро сосредоточены на больших фабриках, но свою кровную связь с крестьянством далеко не потеряли. У нас в центральной России, в нашей же Москве, 25 — 30 лет тому назад были созданы громаднейшие фабрики, куда сразу же попали большие пласты вчерашних крестьян. Очутившись в обстановке

[1]) Н. Троцкий. «До 9 января». Предисловие Парвуса, стр. IX.

крупной централизованной промышленности, они стали проникаться пролетарской психологией. Но органическую связь с деревней рабочий не терял. Все своеобразие русского рабочего именно в том и состоит, что, в отличие от рабочих западно-европейских, зачастую выходящих из ремесленников, он тесным образом связан с крестьянством. Крестьянин, отцы и деды которого мечтали о земле и ненавидели помещика, был поставлен у фабричного станка. Из него и выработался революционер, соединивший в себе стойкость и энергию городского пролетария со стихийностью и нутряным бунтарством крестьянина, изголодавшегося по земле.

Более или менее правильно Парвус указывает тут факты, но ухитряется и здесь сделать вывод, ни в какой мере не соответствующий фактам. В России есть капиталистическая буржуазия, но нет буржуазии промежуточной! Верно ли это? Сказать так значит не понимать роли крестьянства в целом и зажиточных его прослоек в особенности: сказать так значит в сущности игнорировать крестьянство. Для «перманентников» крестьянство, действительно, не существует в революции. А если оно и удостаивается чести быть занесенным в безжизненную схему «перманентной революции», то разве для того, чтобы внести элемент «политического варварства», бесхарактерности и «политической анархии».

«Демократические элементы, — пишет Парвус там же,—останутся при рабочих. Но мы уже сказали раньше, что они в России очень слабы. Крестьяне все большими массами будут вовлечены в движение. Но они только в состоянии увеличить политическую анархию в стране и таким образом ослабить правительство, они не могут составить сомкнутой революционной армии»[1]).

Примерно так же, вслед за Парвусом, ставил вопрос и тов. Троцкий.

«Если отсутствие сложившихся буржуазно-индивидуалистических традиций и анти-пролетарских предрас-

[1]) Н. Троцкий. «До 9 января». Предисловие Парвуса, стр. X.

судков у крестьянства и интеллигенции и поможет пролетариату стать у власти, то, с другой стороны, нужно принять во внимание, что это отсутствие предрассудков опирается не на политическое сознание, а на политическое варварство, на социальную неоформленность, примитивность, бесхарактерность. А все это такие свойства и черты, которые никоим образом не могут создать надежного базиса для последовательной активной политики пролетариата!.. Таким образом, чем определеннее и решительнее будет становиться политика пролетариата у власти, тем уже будет под ним базис, тем зыбче будет почва под его ногами (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Все это крайне вероятно, даже неизбежно...» [1]).

Таким образом, по Троцкому выходит, что особенно после завоевания власти пролетариат будет одинок. Выходит, что в лучшем случае крестьянство может оказаться лишь случайным и ненадежным попутчиком пролетарской революции.

Итак, если крестьянин сыграет некоторую роль в революционном движении, то какую? В лучшем случае это будет увеличение «политической анархии» в стране. Само словечко «анархия» в данном сочетании чрезвычайно типичное полуменьшевистское словечко. Крестьянин в революции годится, видите ли, только для того, чтобы увеличивать элемент анархии! Парвусу и невдомек, что сам рабочий-то у нас зачастую рабочий-крестьянин, как это отметил Ленин еще в 1894 г. в «Друзьях народа».

Ленин в статье «Социал-демократия и временное революционное правительство» (март 1905 г.), беспощадно критикуя брошюру Мартынова «Две диктатуры», попутно останавливается на этой коренной ошибке Парвуса и Троцкого.

Да не посетует на нас читатель за длинную цитату: в ней изумительно выпукло поставлен был вопрос

[1]) Н. Троцкий, «Наша революция», стр. 254—255.

о роли крестьянства в грядущей революции и об отношении к нему пролетариата.

«Неверны... положения Парвуса, что «революционное временное правительство в России будет правительством рабочей демократии», что «если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим», что социал-демократическое временное правительство «будет целостное правительство с социал-демократическим большинством». Этого не может быть, если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуре. Этого не может быть потому, что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяйчиков, т.-е. с массой мелкобуржуазной городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии. Было бы крайне вредно делать себе на этот счет какие бы то ни было иллюзии.

«Если Троцкий пишет теперь (к сожалению, рядом с Парвусом), что «свящ. Гапон мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места», то это только увлечение фразой. Если бы в России не было места второму Гапону, то у нас не было бы места и для действительно «великой», до конца доходящей, демократической революции. Чтобы стать великой, чтобы напомнить 1789 — 1793, а не 1848 — 50-е годы, и превзойти их, она должна поднять к активной жизни,

к героическим усилиям, к «основательному историческому творчеству» гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости. Она уже поднимает, она поднимет их, — это дело облегчает своим судорожным сопротивлением само правительство,—но, разумеется, о продуманном политическом сознании, о социал-демократическом сознании этих масс и их многочисленных «самобытных» народных и даже мужицких вожаков не может быть и речи. Они не могут теперь же, не проделав ряда революционных испытаний, стать социал-демократами не только в силу темноты (революция просвещает, повторяем, со сказочной быстротой), а потому, что их классовое положение не есть пролетарское, потому что объективная логика исторического развития ставит перед нами в настоящую минуту задачи совсем не социалистического, а демократического переворота.

«И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отметая от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других, внося классовую определенность и сознательность в головокружительный вихрь событий, идя неуклонно и смело вперед, не страшась революционно-демократической диктатуры, а страстно желая ее, борясь за республику и полную республиканскую свободу, за серьезные экономические реформы, чтобы создать себе действительно широкую и действительно достойную XX века арену борьбы за социализм» [1]).

Таким образом, активное вовлечение широких мелкобуржуазных масс (особенно крестьянства) в грядущую революцию Ленин рассматривал не как «сужение базиса» революции (Троцкий) и не как «политическую анархию» (Парвус), а как «объективную логику исторического развития», в данный момент (1905 г.) конкретно ставящую себе задачу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. VI, стр. 132—133.

А как определяет сам Парвус суть своего расхождения с Лениным?

В своей книге «Россия и революция» Парвус говорит следующее:

«В чем же мы с Лениным расходимся? В том расходимся, что для него революция дело момента, который можно упустить (извольте видеть, для Ленина революция — дело момента, который можно упустить!!! *Г. З.*), а для меня это неотвратимый исторический процесс. Он (Ленин. *Г. З.*) думает, что революционное восстание создает революцию, а я полагаю, что революция делает восстание победоносным. Он ищет союзников со стороны для революционного восстания, потому что не доверяет революционной энергии пролетариата,— а я ввожу рабочих в политическую борьбу и ставлю их в политические отношения к другим партиям, чтобы проявить их революционную энергию» [1]).

А в другом месте:

«Государственная Дума в том виде, как она теперь узаконена правительством, это — беспрерывная революция» [2]).

Эти две цитаты характерны. Что касается последней, тут просто игра словами. Первая цитата свидетельствует о том, что автор прикрывает свой полуменьшевизм революционной фразой. Автор явно не понимает у Ленина самого основного. «Ленин ищет союзников со стороны (!) для революционного восстания» — в этом для Парвуса весь смысл ленинской тактики. Ленин действительно искал союзника для основного класса, для пролетариата, и находил его, — но находил не в боковом кармане своей жилетки, а в глубоко-правильном анализе соотношения классов в нашей стране.

Такова «теоретическая» основа парвусизма и троцкизма. Эта «теоретическая» основа и перечеканивалась в дальнейшем на политические лозунги, как, напр., лозунг: «без царя, а правительство рабочее». Лозунг

[1]) Парвус, «Россия и революция», стр. 166.
[2]) Там же, стр. 223.

этот звучит теперь — после того, как в союзе с крестьянством через 15 лет мы завоевали советскую власть, — весьма благовидно. Без царя! — это хорошо. Правительство рабочее — еще лучше. Но если припомнить, что этот лозунг выдвинут был в 1905 г., то всякий большевик согласится, что тогда этот лозунг целиком «перепрыгивал» через крестьянство.

12 лет спустя, в 1917 г., после империалистической войны, всколыхнувшей весь мир, после февральской революции, большевики выдвинули лозунг рабоче-крестьянского правительства. И в 1925 г., на восьмом году диктатуры пролетариата, мы повторяем этот лозунг Ленина. А «перманентники» в 1905 г. хотели нам навязать лозунг «долой царя, а правительство рабочее». А где же крестьянство? Не колет ли здесь глаза факт полного непонимания и игнорирования роли крестьянства в такой стране, как Россия? Если это не есть «перепрыгивание» через крестьянство, то что же это такое? А ведь этот лозунг последовательно вытекал из всей «теории» Парвуса и Троцкого. Если бы было верно, что у нас нет мелкой буржуазии, если бы было верно, что у нас пет корней для «политического радикализма», если бы в вопросе о крестьянстве прав был Парвус, то отсюда действительно вытекал бы отказ от большевистской тактики. Но в том-то и дело, что предпосылка неверна.

Так из совершенно неправильной оценки конкретной классовой обстановки в России, при увлечении общей, абстрактной схемой, у «перманентников» неизбежно развилась «теория», игнорирующая крестьянство, как союзника пролетариата в революционной борьбе...

* * *

Насколько эта теоретическая постановка вопроса оказалась чудовищно-неверной и схематически-надуманной, можно судить по урокам февральской революции 1917 г.

Недаром в 1915 году Ленин со всей решительностью вновь обрушивается на «оригинальную» теорию Троцкого и на то, что «Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства!» [1])

Свой в корне неверный взгляд на роль крестьянства в России Троцкий логически «увязывал» со столь же неверной постановкой вопроса о соотношении между русской революцией и революцией международной и о движущих силах международной революции вообще.

В своей самой «левой» книге «Наша революция» тов. Троцкий так ставил этот вопрос:

«...Но как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса в хозяйственных условиях России? Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру (курсив Троцкого). В этом нельзя сомневаться ни одной минуты» [2]).

Ошибка Троцкого не в том, что он считал русскую революцию частью международной революции, что окончательную победу социализма в нашей стране он связывал с победой международной революции. Это — азбука. Ошибка Троцкого в том, что он не знал (и не знает) пути к победе ни русской, ни международной революции. Беда Троцкого в том, что при

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 213 — 214.

[2]) Н. Троцкий, «Наша революция». 1906 г. Изд. Глаголева, стр. 277—278. На этой цитате мы подробно останавливались во время дискуссии в ст. «Большевизм или троцкизм?».

его «тактике» мы могли бы загубить и русскую революцию и замедлить тем самым международную революцию.

Что значит «государственная поддержка европейского пролетариата»? Чтобы иметь возможность оказать «государственную поддержку» русской революции, европейскому пролетариату пришлось бы сначала... завоевать власть в Европе. Но ведь об этом, конечно, не могло быть и речи в 1905 г. и вообще до войны 1914—18 гг. А Троцкий «перманентную» революцию проповедывал именно в 1905 г.

Что же из этого вытекает? Да то, что Троцкий либо серьезно сам не верил ни в какую перманентную революцию в 1905 г. и говорил все это для красоты слога, либо что он проповедывал в 1905 г. «перманентную» революцию лишь с «условием», чтобы европейский пролетариат оказал нам «государственную поддержку», т.-е. Троцкий «откладывал» рабочую революцию в России до победы пролетарской революции в Европе. В этом последнем случае Троцкий выступает представителем самой шаблонной социал-демократической точки зрения: сначала пусть революцию сделают «они», а потом уже «мы» сделаем «сразу» рабочую революцию. Фактический блок Троцкого с меньшевиками в это именно время подтверждает именно вторую альтернативу.

Троцкий в те времена много писал о том, что победоносная русская революция возможна только как часть победоносной международной революции, ибо западно-европейский капитал поддерживает-де царизм займами и т. п. Зерно истины здесь было, и постольку Троцкий повторял лишь то, что говорили большевики. Но Троцкий слишком абстрактно понял эту связь русской революции с международной, слишком схематизировал эту связь, слишком механично ставил вопрос. И это именно приводило его к словесно-«левой», но совершенно абстрактной линии в безвоздушном пространстве, сочетаемой на деле с поддержкой меньшевиков.

О «государственной поддержке» со стороны европейского пролетариата в 1905 г. не могло быть и речи.

Этой государственной поддержки у нас нет еще, к сожалению, и в 1924 г. На 8-й год пролетарской диктатуры в нашей стране мы получаем еще из Англии, например, не «государственную поддержку» со стороны английского пролетариата, а... ноты Болдуина и Чемберлена. «Левая» на словах теория тов. Троцкого так легко мирилась с поддержкой на практике в течение 15 лет самого махрового меньшевизма именно потому, что эта теория была «левой» лишь на словах. Ларчик открывается очень просто.

Конкретного пути революции в нашей стране тов. Троцкий не понимал. Действительного значения крестьянства в нашей революции он не понимает и теперь.

Парвус и Троцкий считали, что, если в той или другой мере пролетариат еще сможет использовать крестьянство до завоевания власти, то уж, во всяком случае, не завтра после завоевания власти крестьянство будет первой и основной трудностью пролетарской революции, крупнейшей помехой дальнейшего развития революции.

«Именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду, — пишет тов. Троцкий в 1922 г., — придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства (подчеркнуто нами. *Г. З.*), при содействии которых он пришел к власти» [1]).

Вопрос о том, какую роль должно было сыграть крестьянство до завоевания власти, есть глубокой важности вопрос; он имеет теперь только историческое значение для СССР, но очень злободневное значение для всего Коминтерна. Вопрос же о том, какую

[1]) Л. Троцкий. «1905». Предисловие к первому изданию, стр. 4.

роль крестьянство должно играть и будет играть после завоевания политической власти пролетариатом — этот вопрос как раз злободневен для СССР сейчас (ибо власть нами уже завоевана) и не столь злободневен пока для пролетариата остальных стран.

В своих тезисах по аграрному вопросу, принятых 2-м конгрессом Коминтерна, Ленин указывал, что взгляд на крестьянство, как на «сплошную реакционную массу», «держится в силу упорного предрассудка (связанного со всеми буржуазно-демократическими и парламентскими предрассудками), непонимания той истины, которая вполне доказана теоретическим марксизмом и подтверждена опытом пролетарской революции в России, именно: что, за исключением сельских рабочих, которые уже теперь стоят на стороне революции, разрозненное, забитое, придавленное, осужденное во всех, даже наиболее передовых странах на полуварварские условия жизни, сельское население вышеназванных трех категорий (речь идет о сельско-хозяйственном пролетариате, парцельных, трудящихся частью на своей земле, частью на отхожих промыслах крестьянах и малоземельных собственниках, не прибегающих к найму чужой рабочей силы.— *Г. З.*), будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, только тогда сможет решительно поддержать революционный пролетариат, когда политическая власть будет последним завоевана, лишь после того, как осуществится окончательная его расправа с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь после того, как эти задавленные слои сельского пролетариата увидят на практике, что у них имеется организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства их, для указания им верного пути» [1]).

При этом само собой разумеется, что не всегда и не везде крестьянство будет играть одинаковую роль. Общее учение Ленина о роли крестьянства

[1]) «2-й Конгресс Коммунистического Интернационала», стр. 610.

в революции марксисты должны уметь применять в зависимости от условий места и времени.

Таким образом, одной из важнейших составных частей учения Ленина в вопросе о роли крестьянства в пролетарской революции является утверждение, что забитые и задавленные крестьяне с особой силой способны поддержать пролетарскую революцию как раз после завоевания власти, как раз после того, как они увидят, что у них есть твердый защитник, как раз после решительной расправы с помещиками и т. д.

Здесь опять и опять коренным образом расходятся пути троцкизма и ленинизма. Освещение этой проблемы далеко от «истпартовской» постановки вопроса; оно абсолютно злободневно. Именно сейчас вся партия в целом вплотную подошла к проблеме отношения рабочего класса к крестьянству. И вот тут-то эти перспективы рисуются совершенно различно. По Ленину выходит, что после завоевания власти, после расправы с помещиками мы получили максимальный шанс, чтобы потянуть за собою широчайшие массы крестьянства. По Парвусу и по Троцкому — наоборот. Неправильная оценка роли крестьянства перед завоеванием власти толкнула Парвуса и Троцкого на столь же неправильную позицию в вопросе о том, как быть с крестьянством после завоевания власти.

Вот какова теория перманентной революции «по Троцкому и Парвусу». Они берут верную общую марксову формулу, вкладывают в нее неверную оценку движущих сил революции в конкретной стране (в России), делают политически ошибочные выводы относительно роли крестьянства до завоевания власти, и затем предлагают нам прямо-таки вопиюще-неправильные выводы относительно роли крестьянства после завоевания политической власти пролетариатом.

Любопытно отметить, что Троцкий в письме к тов. Ольминскому, опубликованному в 1924 году последним, пытается доказать, что Владимир Ильич, соли-

дарнзируясь с брошюрой Каутского «Движущие силы революции» в своем предисловии к ней, тем самым будто бы пришел к теории перманентной революции, иначе говоря — к Парвусу и Троцкому.

Вот что писал тов. Троцкий:

«Я считал, что разногласия между обеими фракциями (меньшевиков и большевиков. *Г. З.*) не так глубоки и надеялся... что самый ход революции приведет обе фракции к позиции перманентной революции и завоевания власти рабочим классом, что отчасти и произошло в 1905 году (Предисловие тов. Ленина к статье Каутского о движущих силах русской революции и вся линия газеты «Начало»)» [1]).

Таким образом, тов. Троцкий изображает Ленина как бы «стыдливым» или «бессознательным» перманентником. Есть ли в этом хоть капля истины? Нет, это чистейшее извращение. В своей брошюре «Движущие силы и перспективы русской революции» Каутский подошел к Ленину, а не наоборот. И именно это подчеркивал Ленин в своем предисловии к брошюре Каутского.

Вот что писал Ленин:

«Буржуазная революция, совершаемая пролетариатом и крестьянством (подчеркнуто нами. *Г. З.*), вопреки неустойчивости буржуазии, — это коренное положение большевистской тактики всецело подтверждено Каутским».

Где тут перманентная революция?

Как известно, брошюра Каутского была им написана в ответ на анкету Плеханова об «общем характере русской революции: буржуазная она или социал-демократическая? Как же оценивает Ленин ответ Каутского?

«Каутский, в сущности, — говорит Ленин, — ответил на плехановские вопросы тем, что отбросил плехановскую постановку вопроса!.. Это — старый шаблон, говорит Каутский. Нельзя так ставить вопроса,

[1]) «Ленин о Троцком». Предисловие М. Ольминского, стр. 4.

это не по-марксистски. Революция в России не буржуазная, ибо буржуазия не принадлежит к движущим силам теперешнего революционного движения России. И революция в России — не социалистическая, ибо она никоим образом не может привести пролетариата к единственному господству или диктатуре... Но победой теперешней революции не может быть победа только пролетариата без помощи других классов. Какой же класс является, в силу объективных условий теперешней революции, союзником пролетариата? Крестьянство: «прочная общность интересов на все время революционной борьбы существует только между пролетариатом и крестьянством» [1]).

Где же тут, повторяем, теория перманентной революции, которая «перепрыгивает» через крестьянство, которая не видит «прочной общности» пролетариата и крестьянства, которая, наоборот, указывает, что победившему пролетариату придется «на первых же порах своего господства совершить глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии... но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти» [2]).

Насколько брошюра Каутского не имела ничего общего с парвусизмом (и троцкизмом), можно судить по следующей мысли Каутского, высказанной им в брошюре:

«На общности интересов промышленного пролетариата и крестьянства зиждется революционная сила русской социал-демократии и возможность ее победы, но она же ставит и пределы использованию этой победы...» (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Иначе говоря, Каутский допускал «самоограничение» пролетариата, возглавляющего крестьянскую революцию. А теория перманентной революции именно

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. VIII. Предисловие к брошюре К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции», стр. 82—83.
[2]) Л. Троцкий. «1905». Предисловие, стр. 4.

против этого энергичнейшим образом возражала, выставляя на вид свою р-р-революционность в сравнении с ведущей к «самоограничению» революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства.

«...Как победоносная партия, — развивал свою мысль Каутский, — она (социал-демократия) при проведении своей программы не может пойти дальше, чем позволяют интересы поддерживающего пролетариат класса» [1]).

«Это значит, — пишет по этому поводу Ленин, — не социалистическая диктатура пролетариата, а демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Иными словами, Каутский формулировал давнюю основную посылку всей тактики революционных с.-д. в отличие от оппортунистов и от «увлекающихся». Под «увлекающимися» Ленин, ясное дело, разумел парвусистов.

После всего сказанного «доброкачественность» приведенного заявления тов. Троцкого в его известном письме к тов. Ольминскому обнаруживается полностью.

После «теории» перманентной революции следует упомянуть и о практике, вытекшей из нее. Сам Парвус, основоположник этой теории, кончил очень плохо: остался в рядах германской социал-демократии и скатился до самого отъявленного социал-патриотизма — хотя в свое время знал лучшие дни, воевал против Бернштейна, сотрудничал в старой «Искре» и т. п. Но он идет в счет лишь постольку, поскольку дело касается давних лет, когда его звезда была в зените. Парвус представлял, повидимому, как раз тип того революционера, который не может перенести поражения, хотя бы такого, какое мы пережили в 1905 году, — а это было поражение из числа тех, что важней иных побед. С 1906 года намечается линяние Парвуса: он возвращается в лоно правого крыла германской социал-демократии, а в России — поддерживает меньшевизм.

Практика троцкизма достаточно охарактеризована следующими строками, написанными Лениным:

---

[1]) К. Каутский. «Ответ Г. В. Плеханову». СПБ, 1907, стр. 30—31.

«Он (Троцкий. *Г. З.*) был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 г. опять отошел; в конце 1906 г. защищал избирательные соглашения с кадетами (т.-е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 года на Лондонском съезде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть «скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений». Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой и поэтому объявляет себя стоящим выше обеих фракций». (Тушинские перелеты. *Г. З.*)

«Троцкий в теории ни в чем не согласен с ликвидаторами и отзовистами, а на практике во всем согласен с голосовцами и впередовцами» [1]) (т.-е. сторонниками либерального влияния на рабочий класс).

* * *

В заключение сформулируем в форме нескольких тезисов основные ошибки «теории» перманентной революции.

1. Позаимствовавши терминологию у Маркса, авторы теории «пермапентной революции» неудачно пытаются применить ее в своей неверной оценке движущих сил революции в конкретной стране, в России, и вкладывают при этом в слова Маркса совершенно другое содержание, не поняв соотношения классов в нашей стране.

2. Правильно отметив тот факт, что рабочий класс складывался в России не совсем так, как в Западной Европе (в частности — вопрос о ремесленниках), авторы теории перманентной революции сделали неправильные выводы, не учтя того, что у российского рабочего класса генеалогическая связь с крестьянством особенно тесная.

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. II. «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», стр. 307 — 308.

3. Не поняв роли крестьянства и значения аграрной революции в такой стране, как Россия, «перманентники» в лучшем случае обрекали свою «теорию» на бесплодие, в худшем случае неизбежно отдавали ее на службу меньшевизму.

4. Отсюда у «перманентников» коренное непонимание действительных движущих сил русской революции.

5. Они обнаружили абсолютно неверный взгляд на то, что такое национальная (народная) революция по Ленину. Отсюда — метафизическое противопоставление: курс «не» на национальную революцию в России, «а» на международную.

6. Отсюда — непонимание характера февральской революции в нашей стране и вся цепь ошибок в оценке движущих сил от февраля к Октябрю; не поняв роли крестьянства и всего социального переплета того периода, нельзя найти ключ к объяснению причин и характера февральской революции.

7. Не поняв роли крестьянства в России, «перескакивая» через крестьянство в крестьянской стране, троцкизм тем более не мог понять роли крестьянства в международной революции (то, что очень важно для ленинизма).

8. В силу этого же мы видим у Троцкого отсутствие должного понимания вопроса об угнетенных нациях, почти полное молчание по этому вопросу во всех его сочинениях до 1917 года. Отсюда же — непонимание борьбы между буржуазией и пролетариатом за крестьянство и угнетенные нации. Вопрос об угнетенных нациях в значительной мере есть тот же вопрос о крестьянстве, так как эти нации в большинстве состоят из крестьян.

9. Теоретически это означает непонимание перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

10. Параллельно с этим неверная идея единства с меньшевиками во что бы то ни стало — идея, которая в учении троцкизма играла не малую роль (так называемое примиренчество). В теории — «непрерывная рево-

люция», на практике — непрерывная проповедь единства с контр-революционным крылом социал-демократии.

11. Практически это приводило к тому, что «течение» Парвуса и Троцкого в годы революции и споров о характере ее (1904 — 1906 гг.) сближалось с рядами мелко-буржуазных «критиков» большевизма «слева», а в решающее десятилетие борьбы за вторую революцию (1907 — 1917 гг.) троцкизм уже прямо поддерживал — и организационно, и политически — меньшевиков-ликвидаторов.

12. Та же линия в эпоху империалистической войны (против раскола с.-д. из-за желания мирно завоевать с.-д. «аппарат»).

13. В конце концов, троцкизм был (и в значительной мере остается) только «левым» нюансом в «европейском» (т.-е. оппортунистическом) псевдо-марксизме, коренным образом враждебном большевизму.

14. Поэтому теперь теория перманентной революции мешает большевизации всех партий в Коминтерне, в том числе и РКП, поскольку и наша партия тоже еще нуждается в большевизации.

Вопрос стоит так: *или* теория перманентной революции, *или* большевизация партий. Постановка вопроса о большевизации партий *через* теорию «перманентной» революции для ленинизма совершенно неприемлема и немыслима. Нельзя большевизировать немецкую, французскую, какую угодно компартию, если ей не объяснить коренных ошибок теории перманентной революции, если не заставить ее вдуматься в действительное соотношение между буржуазно-демократической революцией и социалистической, если не объяснить роли крестьянства перед завоеванием власти и после завоевания ее.

Итог: теория Парвуса и Троцкого о «перманентной революции» может претендовать на что угодно, только не на тождество (или близость) с ленинизмом.

ГЛАВА IX.

КОЕ-ЧТО К ВОПРОСУ О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ РЕВОЛЮЦИИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА.

Оценка «теории» перманентной революции была бы неполной, если бы мы не проверили ее на опыте революционных событий не только в России, но и в Германии и Польше.

Авторы названной теории пытались применять ее во всех этих трех странах. Россия, Польша, Германия образуют в этом отношении как бы треугольник. Необходимо хотя бы в кратких чертах посмотреть, как преломилась в каждой из этих трех стран теория перманентной революции. Роза Люксембург действовала и в Польше, и в Германии, и отчасти в России; некоторые ошибки она разделяла с Троцким; Парвус действовал и в России, и в Германии, и он целиком разделял ошибки Троцкого и даже был их вдохновителем; Троцкий сотрудничал с польской социал-демократией, в течение некоторого времени вел почти во всем общую с ней линию.

Вопрос о крестьянстве стоял в центре разногласий — не в одинаковой мере остро, конечно,— и в русской революции, и в польском движении, и отчасти даже в германской революции. К чему приводят отступления от большевизма в вопросе о крестьянстве — яснее всего видно, если взять *лучших* людей, представляющих эти не-большевистские нюансы — в том числе и Розу Люксембург.

Начнем с Польши. Здесь основное заключается в том, что польские марксисты в 1925 году вынуждены в своей тактике вернуться как бы на 20 лет назад, примерно к 1903 — 05 годам, как раз в тех вопросах, в которых они разошлись с Лениным перед первой русской революцией.

Польские социал-демократы, руководимые Розой Люксембург и Тышко, впервые резко разошлись с Лениным, уйдя со второго съезда партии (1903 г.). Расхождение произошло, главным образом, в национальном вопросе. Ленин уже тогда отстаивал свою точку зрения на национальный вопрос (самоопределение как право на отделение, на образование самостоятельного государства; и в то же время — строжайший интернационализм в рядах пролетариата) [1]). А Роза Люксембург и ее сторонники из польской с.-д. считали, что ленинская постановка национального вопроса мелкобуржуазна, и были настолько непримиримы, что даже ушли из-за этого со съезда. Это первое коренное расхождение по национальному вопросу в основе было связано, конечно, с вопросом о крестьянстве. На Лондонском съезде партии (1907 г.) польские с.-д. возвратились [2]) в нашу партию (РС-ДРП). В Лондоне Роза Люксембург выступает уже рука-об-руку с Лениным против меньшевиков по вопросу о контрреволюционности русской буржуазии, о блоках с кадетами и т. п. По этой линии борьбы она плечом к плечу сражалась вместе с Лениным против Плеханова. Но разногласия по вопросу о крестьянстве оставались. Поскольку дело шло о том, чтобы отвоевать партию у меньшевиков, это было сделано совместными силами большевиков, польских и латышских с.-д. Но именно потому, что сделать это пришлось блоком разных групп,

[1]) Ленин и позднее многократно возвращался к национальному вопросу. Особо следует отметить его работы за период империалистической войны: «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме» (посвящена критике статьи П. Киевского — Ю. Л. Пятакова), «Итоги дискуссии о самоопределении», «О брошюре Юниуса» (Р. Люксембург). См. Ленин. Собр. соч., т. XIII.

[2]) Возвращение было предрешено на Стокгольмском съезде (1906 г.), но совершилось полностью в 1907 году.

теоретическая ясность в решениях Лондонского съезда пострадала. Мы напрасно будем искать во всех резолюциях Лондонского съезда вполне законченных большевистских формулировок. Резолюции эти были большевистскими лишь «в общем и целом».

С 1908 года начинает оформляться ликвидаторство. Меньшевизм перерождается в полное отречение от революции, в «либеральную рабочую политику» — в ликвидаторство. В декабре 1908 года состоялась в Париже крайне важная всероссийская партийная конференция — последняя конференция вместе с меньшевиками. В борьбе против ликвидаторства польские с.-д. являются нашими союзниками, являются составной частью большевистского блока.

На этой конференции заново ставится вопрос: куда идет дальнейшее развитие России, куда идем мы как партия? Ответ меньшевиков прост и ясен: революция кончилась, конституционная монархия победила, мы идем к ликвидации нелегальной партии; столыпинский путь одержал победу, революция сверху свершилась, дальше — открывается период мирных частичных реформ. Такова была сердцевина тогдашнего меньшевизма, при чем те меньшевики - ликвидаторы, которые находились в России, говорили об этом прямо, а Мартов и К°, сидя за границей, — обиняком.

Большевики имели еще в своей среде группу «отзовистов», которых Ленин называл «меньшевиками наизнанку». И вот большевизм, имея еще в своей среде отзовистов, не покончивши еще с ними, должен был указать партии дорогу в самую тяжелую полосу контрреволюции.

Декабрьская (1908 г.) конференция приняла написанную Лениным в высшей степени важную резолюцию — об оценке первого этапа столыпинщины и о неизбежности второй революции в России.

«Старое крепостническое самодержавие разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лжеконституционными формами. Открыто закреплен и признан

государственным переворотом 3 июня и учреждением III Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии. Став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы, самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала. Их мелкие раздоры используются для поддержания абсолютизма, который вместе с этими классами ведет бешеную контр-революционную борьбу с обнаружившими свою силу в недавней массовой борьбе социалистическим пролетариатом и демократическим крестьянством...

«...В общем и целом несомненно, что объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными. Продолжающийся экономический кризис, безработица и голодовка показывают, что новейшая политика самодержавия не может обеспечить условий капиталистического развития России. Эта политика неизбежно ведет к углублению политической борьбы различных классов. Основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно» [1]).

В центре дебатов на конференции стал вопрос о характере будущей революции. Меньшевики совершенно не верили уже ни в какую революцию, но старались «стравить» большевиков с поляками по этому вопросу, зная прекрасно, что у нас нет полной солидарности, что у Ленина с Розой Люксембург имеются разногласия в национальном и крестьянском вопросе. Тем самым мы, большевики, были поставлены в затруднительное положение. Мы зависели от голосов польских с.-д. (без них не имели большинства), и в силу этого нам нужно было непременно найти общую

[1]) «РКП в резолюциях ее съездов и конференций (1898 — 1921 гг.)». Издание 2-е, стр. 72 — 73.

формулу, на которой можно было бы сойтись. Старая ленинская формула гласила: демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Польские с.-д. заявили: мы не принимаем такой формулы; это неверная постановка вопроса; это, как сказали бы теперь, «крестьянский уклон», мелко-буржуазность и проч. После долгих споров мы сошлись на формуле, придуманной польскими с.-д.: «диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство». Большевики вынуждены были голосовать за эту формулу для того, чтобы, объединившись с поляками, получить хотя слабое большинство против меньшевиков. Формула была принята.

Сейчас же после этого Мартов выступает со статьей «За что бороться?», где он пытается вновь растравить спор между Лениным и Розой Люксембург, с одной стороны, запутать в спор Троцкого, с другой стороны,— чтобы получить в Троцком союзника себе. За что бороться? — спрашивает Мартов. Раньше большевики говорили-де ясно: за диктатуру пролетариата и крестьянства. А теперь большевики вместе с польскими с.-д. говорят, что нужно бороться за диктатуру пролетариата, «опирающегося» на крестьянство. Где же подлинный большевизм? Что это значит? Объясните нам и т. д.

Ссылаясь на тот пункт резолюции, где говорится, что «целью... попрежнему является свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционное крестьянство и совершающим буржуазно-демократический переворот», Мартов «негодовал» по поводу того, что передовая центрального органа во втором номере тогдашнего Ц. О. «Социал-Демократа» (написанная Лениным) неправильно трактует это место как «завоевание политической власти пролетариатом и революционным крестьянством».

Мартов пишет: «Коренное различие между двумя формулами уже давно с полной ясностью показал тов. Троцкий (см., напр., в его книге «Наша рево-

люция», стр. 253). «Из сказанного ясно, как мы смотрим на идею «диктатуры пролетариата и крестьянства». Суть не в том, считаем ли мы ее принципиально допустимой, «хотим» ли мы, или «не хотим» такой формы политической кооперации. Но мы считаем ее неосуществимой — по крайней мере, в прямом и непосредственном смысле. В самом деле. Такого рода коалиция предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо — что крестьянство создает самостоятельную могучую партию. Ни то, ни другое, как мы старались показать, невозможно». И далее (стр. 250): «весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство? Одно дело, когда в рабочем, по составу своего большинства, правительстве участвуют представители демократических слоев народа,— другое дело, когда в определенном буржуазно-демократическом правительстве участвуют в качестве более или менее почетных заложников представители пролетариата».

«Для того, чтобы пролетариат овладел властью, опираясь на крестьянское движение, нужны совсем иные политические предпосылки, чем для того, чтобы он овладел ею совместно с крестьянством. Троцкий справедливо говорит (там же, стр. 253): «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму!» Для того же, чтобы крестьянство совместно с пролетариатом захватило власть в борьбе со всеми буржуазными классами, оно должно обладать очень значительной степенью сознательности, должно подняться до сознательного антагонизма с буржуазией в целом».

И Мартов заключает: «отвержение формулы «диктатура пролетариата и крестьянства» представляет важный шаг по пути освобождения русской социал-демократической мысли из народнического пле-

нения. Потратив не мало усилий на критику этой формулы, мы и впрямь можем считать, что получили от конференции нечто в роде векселя на ее устранение из партийного обихода. И мы надеемся, что у товарищей, принадлежащих ко всем течениям партийной мысли, найдется достаточно уважения к теоретической истине, чтобы они отвергли всякую попытку свести борьбу идей к спору о словах, всякую попытку прикрыть эволюцию мировоззрения крючкотворским толкованием формул» [1]).

Тогда выступает Ленин и дает следующее объяснение. Он говорит: формула «диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство» — действительно неудачна. Опираться может слабый на сильного. По-русски это звучит так, будто хромой человек опирается на клюку. Ясно, что принятая по настоянию польских с.-д. формула и терминологически неправильна и политически не совсем верна. Наша большевистская формула по существу прежняя (диктатура пролетариата и крестьянства), но мы действуем в рамках одной партии с польскими с.-д., которые нам во многом близки. Мы сделали им стилистическую уступку для того, чтобы вместе с ними получить большинство против тех, кто вообще не хочет никакой диктатуры—ни «опирающейся», ни какой-либо другой.

Отвечая Мартову, аргументировавшему доводами Троцкого свое несогласие с формулой «диктатура пролетариата и крестьянства», Ленин указывает, что основная ошибка Троцкого — игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе этой революции в революцию социалистическую. Из этой основной ошибки вытекают те частные ошибки, которые Мартов повторяет, приводя пару цитат с сочувствием и одобрением.

Анализируя ошибки Троцкого о невозможности «коалиции» пролетариата и крестьянства в революционном движении и об условиях допустимости уча-

[1]) «Социал-Демократ», № 3, от 9/22 марта 1909 г.

стия социал-демократов в том или ином революционном правительстве, Ленин особо подчеркивает, как неверное, положение Троцкого, кажущееся Мартову «справедливым», о том, что «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Пролетариат не может ни рассчитывать на несознательность и предрассудки крестьянства, как рассчитывают на них и опираются на них владыки буржуазного режима, — ни предполагать сохранение в революционный период хотя бы обычной несознательности и пассивности крестьянства»:

«Мысль, что революционная диктатура пролетариата и крестьянства есть народническое пленение социал-демократов, вызывает лишь улыбку, — пишет Ленин. — В народническом пленении рассуждающие так quasi-марксисты должны бы были обвинить в первую голову Каутского (напомним, что Каутский тогда был еще марксистом. *Г. З.*), Маркса и Энгельса. Во всех великих буржуазных революциях решающую победу мог одерживать только пролетариат (более или менее развитой) в союзе с крестьянством, и таково же условие победы буржуазной революции в России. Опыт 1905—07 гг. каждым крупным поворотом событий давал практическое подтверждение этой истины, ибо на деле все решительные выступления, и «боевые» и парламентские, были именно «совместными действиями» пролетариата и крестьянства.

«Наша партия твердо стоит на той точке зрения, что роль пролетариата есть роль вождя в буржуазно-демократической революции, что для доведения ее до конца необходимы совместные действия пролетариата и крестьянства, что без завоевания политической власти революционными классами не может быть победы» [1]).

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. I. «Цель борьбы пролетариата в нашей революции», стр. 233—234.

Этот спор заслуживает того, чтобы на нем остановиться: само собою понятно, что уступки польским с.-д. тут сделаны были не только стилистические, немного мы уступали, увы, также неясности в головах хороших польских революционеров, но плохих еще тогда большевиков. Много есть и сейчас в нашей партии бывших польских коммунистов, перешедших к нам в 1917 г., которые до сих пор не могут понять, как можно считать их в прошлом не-ленинцами: ведь они были такими же стойкими, такими же прекрасными революционерами, как и большевики, они шли на каторгу и т. п.; так неужели же они не были тогда ленинцами? Верно, они были прекрасными революционерами, но ленинцами они еще не были. Уступки им на конференции 1908 г. пришлось делать как раз в вопросе о крестьянстве. У них господствовала еще большая неясность. «Опереться на крестьянство» — это они еще допускают, но «союз пролетариата и крестьянства» — ни за что! Разве это не путаница?..

Крайне важно проследить, как разыгрывалось дело дальше; это даст нам возможность попутно лучше понять кое-что из «теории» перманентной революции.

В то время Троцкий был постоянным сотрудником теоретического органа польской социал-демократии «Пшеглонд»; он был его постоянным сотрудником — хотя в это же время польские с.-д. больше склонялись к блоку с большевиками, а Троцкий — к меньшевикам. Вот письмо Троцкого, написанное в Германии от 28 марта 1909 г. и адресованное тов. Тышко, тогдашнему редактору польской газеты [1]). Троцкий пишет:

«Резолюцию вашего (польского) съезда в связи с резолюциями партийной (декабрь 1908 г.) конференции я подвергну критике в № 4 или 5 «С.-Д.» С буржуазной «диктатурой пролетариата» — этим новым словом, внесенным тт. поляками в партийный инвентарь — нужно свести решительные счеты. Ваша по-

[1]) Товарищи польские коммунисты предоставили нам для настоящей работы свой богатый архив. Мы используем из него несколько очень характерных, нигде еще не опубликованных, политических писем Троцкого.

правка к большевистской формуле имеет чисто стилистический характер — в этом Ленин безусловно прав. Но я отнюдь не склонен за такую дешевую цену уступать Ленину марксизм».

Тут уже начинает выясняться расположение фигур. Поляки пытаются занять позицию между Лениным и Троцким. Мартов, зная это, начинает с троцкистского «звена». Троцкий, в свою очередь, дергает польское «звено», дабы оно потянуло за собой нашу большевистскую цепь. Троцкий поддразнивает поляков: вы-де уступили слишком много Ленину, но я (Троцкий) не согласен за дешевую цену уступить Ленину марксизм.

Вот еще письмо тов. Троцкого к польским с.-д. от 28 мая 1909 года. Троцкий пишет:

«Статью Ленина прочитал в русском переводе (точнее, оригинале) в «Пролетарии». Immer dasselbe (всегда одно и то же) он (т.-е. Ленин) правильно схватывает основную политическую идею (что страшно важно), но 1) обставляет ее невероятно аляповатыми аргументами, в которых марксизм отражается так, как Афродита в тульском самоваре (!!!); 2) свою правильную политическую идею он противопоставляет сегодняшней политической реальности, как команду, — вместо того, чтобы притти к ней через развитие этой политической реальности. Его формулировка «коалиционной диктатуры пролетариата и крестьянства» мне абсолютно чужда».

В третьем письме от 29 июня 1909 г. Троцкий пишет польским социал-демократам:

«По затронутому в вашем письме вопросу о коалиции пролетариата и крестьянства я здесь высказываться не буду, чтобы не заставлять вас дважды читать одно и то же: раз — в письме, другой раз в статье. Но по вопросу о партийной политике я хочу здесь сказать несколько слов. Ваше отношение к большевикам имеет слишком «идеологический», или — если позволите — слишком «административный» характер. Вы смотрите на них под углом зрения съезда и ЦК. В этой

перспективе они представляют собой просто сумму радикальных резолюций и радикальных лозунгов. Но ведь это еще не политика, а только ее бумажный хвост. Большевики были и остаются консервативным элементом партии. Они всегда стремились консервировать ее отсталость и из страха перед оппортунистическими «шатаниями» восставали против партийного развития. Вы это увидите на любом вопросе: профессиональное движение, Совет Депутатов, Дума... Сейчас, в период революционного отлива, когда партия распадается и рассыпается в своем верхнем интеллигентском этаже, большевики, консервируя отсталость партии, консервируют партию, как таковую. И это их несомненная историческая заслуга, которая зачтется им. Эта положительная роль их в эпоху реакционного разброда тесно связана с их отрицательными сторонами: формализмом мышления, прокурорской придирчивостью и полицейским недоверием к историческому развитию, групповым эгоизмом и консерватизмом» [1].

Вы видите: здесь и «полицейское недоверие к историческому развитию», и «групповой эгоизм», и «консерватизм», и «прокурорская придирчивость», и т. д. и т. д. Все это — на четырех строках в интимном письме к польским «союзникам». Одним словом: ежели бы не «девичий стыд», что иного словца и сказать не велит, то тов. Троцкий не так бы еще обругал ленинизм.

Вот каково отношение к большевизму тов. Троцкого в 1908—1909 гг. А тот факт, что он мог так писать полякам, показывает, что хотя бы частью они были с ним тогда солидарны.

В тот момент даже такие выдающиеся революционеры, как Роза Люксембург, были настолько заражены «европейским» псевдо-марксизмом, что заставляли Ленина делать им в важнейших вопросах «стилистические» уступки, которые на деле были не только

[1] Подлинники всех процитированных писем хранятся в архиве польских коммунистов.

стилистическими уступками. В вопросе о крестьянстве и Паннекук, и Гортер, и Роланд-Хольст, и в свое время Радек стояли на позиции польских с.-д. На этом примере наглядно видно, насколько далеко Ленин видел вперед не только относительно России, но и всего Интернационала. Этот же пример показывает, насколько малейшие уступки «теории» перманентной революции лишали даже очень выдающихся революционеров возможности увидеть в надлежащем свете такие коренные вопросы, как крестьянский и национальный. Благодаря этим двум «маленьким» ошибкам — в национальном и крестьянском вопросах — польские марксисты на целый период времени ослабили свое влияние в польском крестьянстве (да и среди рабочих) в пользу пепэсовцев (польские правые с.-р.-националисты). Социальный переплет в Польше таков, что пролетариат при помощи беднейшего крестьянства м о г бы там составить большинство и мог бы осуществить, особенно в момент революции 1917 г., диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Если это не осуществилось, так отчасти и потому, что польские с.-д., а затем и польская коммунистическая партия не поняли ленинского отношения к крестьянству и национальному вопросу и считали, что лозунг «диктатура пролетариата и крестьянства» есть грехопадение, «самоограничение» пролетариата и т. п.

Разве могли бы мы в России победить эс-эров, если бы в вопросе о крестьянстве мы стояли на точке зрения Розы Люксембург, а не на точке зрения Ленина?

Некоторые польские коммунисты до сих пор боятся сказать полностью и до конца то, что надо сказать в Польше по национальному вопросу, так как это кажется им отклонением от интернационализма, изменой пролетарской точке зрения. А между тем правильное решение национального вопроса есть органическая составная часть ленинизма. Польские марксисты вовремя не поставили по-ленински национальный и аграрный вопросы и этим отчасти осудили польский пролетариат на лишний десяток лет капиталистического ига.

Это несомненный факт, и лучшие из польских марксистов сами признают это. Они вынуждены теперь приниматься за борьбу до известной степени «с начала». Им приходится теперь заново продвигаться в массы с ленинской оценкой крестьянского и национального вопросов. И все это только потому, что в свое время они не разглядели коренных ошибок троцкизма, который они сами в течение некоторого времени защищали.

* * *

Чтобы покончить с коренной ошибкой Розы Люксембург в вопросе о крестьянстве, приведем еще пару выдержек из нее же. Сидя в 1918 г. в тюрьме, она написала книжку, посвященную русской революции. В этой книжке она продолжала высказывать очень неправильные взгляды по крестьянскому вопросу. Как известно, Роза, вышедши из тюрьмы, сама отказалась от печатания этой книжки, убедившись, что Ленин—по крайней мере, для России—прав. После смерти Розы книжка была напечатана в 1922 году Павлом Леви — когда-то ее близким другом, ставшим в 1921 году ренегатом.

Подлость Павла Леви состоит в том, что, злоупотребивши доверием Розы, он использовал рукопись, которую сама она не хотела печатать, — использовал против коммунистов, когда он отошел от них и когда сама Роза не могла уже возвысить голос. Но с ошибкой Розы по существу вопроса все же полезно познакомиться. Она писала в этой книге:

«Ленинская аграрная реформа создала социализму новый могучий народный слой врагов, сопротивление которого будет много опаснее и упорнее, чем сопротивление дворян-землевладельцев» [1]).

Даже такой ясный ум, как Роза Люксембург, человек, до конца преданный пролетарской революции, мог еще в 1918 г., через год после нашей Октябрьской

[1]) Rosa Luxemburg. «Die russische Revolution». Herausgegeben und eingeleitet von Paul Levi 1922 . S. 87.

революции, написать такую вещь! Она не напечатала этой вещи, убедившись на три четверти в своей ошибке и колеблясь на одну четверть. Но ошибка остается ошибкой.

Прошло несколько бурных месяцев германской революции. Краткий, но важный политический опыт январского (1919 г.) восстания спартаковцев, видимо, заставил Розу задуматься над вопросом о крестьянстве по-новому.

После подавления спартаковского восстания Роза написала статью: «Порядок господствует в Берлине» («Die Ordnung herrscht in Berlin») — свою последнюю статью, ставшую ее лебединой песней. Роза пытается отдать себе отчет в том, почему же спартаковское движение погибло, почему же германский рабочий класс обречен был на поражение. По свежим горячим следам рабочего восстания она пишет замечательно сильную и страстную статью, которую и сейчас трудно читать без волнения. В этой статье Роза говорит:

«Больным местом революционной борьбы в этот момент было следующее: политическая незрелость солдатской массы, позволившей своим офицерам злоупотреблять собою в противонародных контр-революционных целях, уже одна свидетельствовала о невозможности длительной победы революции в этой схватке. С другой стороны, эта самая незрелость солдат была только симптомом общей незрелости германской революции. Деревня, из которой происходит большой процент солдат, как и прежде, едва только затронута революцией»[1]).

Вдумайтесь в эти строки Розы Люксембург, написанные за несколько часов до ее трагической смерти. В 1918 г. в тюрьме она в вопросе о крестьянстве находится еще под гипнозом старых «европейских» с.-д. взглядов. В стенах тюрьмы она отдает обильную дань этому старому. Она чувствует, что в России происходит что-то великое, она преклоняется перед

[1]) Clara Zetkin und Rosa Luxemburg. «Stellung der russischen Revolution». S.115—116.

величием русской революции, полна дружбы к Ленину лично и к нашей партии, и все же она говорит: то, что делаете вы там в крестьянском вопросе, это величайшая ошибка, создающая новый могучий слой врагов, сопротивление которого будет много опасней и упорней сопротивления помещичьего класса. Но стоило ей выйти из тюрьмы на улицу, стоило ей глотнуть свежего воздуха подлинной революции, стоило ей посмотреть не через призму тезисов, не через очки «европейского» псевдо-марксизма, а через живое пролетарское движение в Германии со всеми его сильными и слабыми сторонами, и ее оценка начинает меняться. Она уже видит причину гибели спартаковского движения в значительной степени в том, что солдаты были из деревни, что бо́льшая часть армии из крестьян, а деревня-то едва только затронута революцией. И это говорится о германской деревне, которая в смысле революционных возможностей имеет, конечно, гораздо меньше шансов, чем Россия или Польша. Германская деревня мало похожа на нашу. Но Роза Люксембург, очевидно, начинает видеть и там эти возможности, искать их, думать о том, как бы добиться того, чтобы германская деревня не была «едва только затронута революцией».

Мы видим, таким образом, как даже лучшие из умов европейского марксизма,—а Роза была лучшим из этих умов,—иногда еще останавливались на пороге того основного вопроса, где начинается ленинизм. Это обстоятельство, в скобках сказать, мешало им правильно взглянуть и на историческую миссию III Интернационала. Роза Люксембург и Тышко не хотели немедленного образования III Интернационала даже в 1919 году. Теоретические ошибки зачастую приводили к коренным практически-политическим ошибкам. А ведь это были лучшие люди, какими вообще располагал европейский рабочий класс! Они слышали от Маркса, что у крестьян есть мелко-буржуазные предрассудки, но они забыли то, чего никогда не забывал Ленин, что у крестьянина, конечно, есть предрассудок,

но есть и рассудок. «Европейские» марксисты видели у крестьян только предрассудки и не видели, где и при каких условиях крестьянин может стать союзником пролетариата — в особенности после империалистической войны, которая так сильно встряхнула глубочайшие слои крестьянства и многое переделала на другой лад.

Подлинное усвоение ленинизма и применение его на деле при построении коммунистических партий во всем мире невозможны без учета ошибок ряда виднейших марксистов, которые пытались подняться до применения марксизма в обстановке новой эпохи, но не во всем сумели этого достигнуть.

Дело сложилось так, что подлинная большевизация для ряда партий Коминтерна невозможна теперь без преодоления этими партиями, в частности, ошибок люксембургианства, которые, в силу исторических условий, играют значительную роль в движении данных стран. Если суммировать важнейшие из этих ошибок Розы Люксембург, имеющих актуальное значение и сейчас, то они сведутся к следующему:

а) Ошибки в вопросе об отношении к крестьянству. В своей последней статье, написанной после подавления спартаковского восстания в январе 1919 г., Роза Люксембург начала эти ошибки исправлять.

б) Столь же серьезны были ошибки Розы Люксембург в национальном вопросе. Отрицание лозунга самоопределения наций (права на образование независимого государства) на том основании, что при империализме «невозможно» разрешить национальный вопрос, приводило на деле к нигилизму в национальном вопросе, что чрезвычайно затрудняло работу коммунистов в ряде стран.

в) Не-большевистская постановка вопроса о «стихийности» и «сознательности», об «организации» и «массе». Неверные оценки Розы Люксембург, которая имела тогда перед собою опыт германской с.-д. партии, зачастую прямо мешавшей революционному размаху массовой борьбы, не давали Розе Люксембург правильно понять роль партии в революции вообще.

г) Пропаганда партийности профсоюзов, как это отстаивали в течение ряда лет польская партия в целом и Роза Люксембург в частности, была большой ошибкой, затруднявшей авангарду правильный подход ко всему классу.

д) Недооценка технического момента в подготовке восстания мешала и отчасти мешает кое-где и теперь правильно поставить вопрос об «организации революции».

Отдавая должное величию работы Розы Люксембург, одной из основательниц Коммунистического Интернационала, мы уверены, что Коминтерн будет действовать в духе самой Розы Люксембург, если поможет теперь партиям Коминтерна извлечь уроки из ошибок этой великой революционерки.

Без преодоления ошибочных сторон люксембургианства подлинная большевизация невозможна. Только ленинизм может стать путеводной звездой для коммунистических партий всего мира. Все, что отклоняется от ленинизма, является отступлением и от марксизма.

Непонимание роли крестьянства в революции, несомненно, есть одна из основных характерных черт всего не-ленинского (не говоря уже об анти-ленинском) лагеря.

Если взять всех оппортунистов, начиная от самых махровых и кончая, так сказать, рядовыми, серенькими, у них у всех есть нечто общее: — непонимание революционной роли крестьянства в том истолковании, какое дал нам Ленин. Не в том дело, чтобы социал-демократы вообще не хотели думать о крестьянине. Сказать так было бы неверно. Соц.-дем.-оппортунисты вопрос о крестьянстве ставили. Если вы возьмете германских реформистов, то и Герц, и Давид, и Фольмар ставили вопрос о крестьянстве. И нынешная германская и австрийская (Бауэр) соц.-демократия ставит вопрос о крестьянстве, — но ставит по-мещански, по-мелкобуржуазному. Коротко говоря, вместо того, чтобы подымать известные слои крестьянства до уровня союзника революционного пролетариата, они стараются принизить пролетариат до политического уровня полу-

кулацких элементов крестьянства. Для них крестьянин существует лишь как избиратель, могущий подать голос на выборах. Что крестьянин может стать серьезным фактором революции, это для них книга за семью печатями.

Это и есть одна из тех важнейших черт различия, которые отделяют ленинский лагерь от всего не-ленинского. Внутри не-ленинского и анти-ленинского лагеря есть свои различные оттенки. Конечно, Давид совсем не похож на Паннекука, и Герц не похож на Троцкого. Конечно, здесь есть различия. Но то общее, что объединяет их против ленинизма, это — непонимание Ленина в центральном вопросе—о крестьянстве. Всем им обще то, что они считают себя «европейскими марксистами», не понимая того, что теперь нет марксизма без ленинизма. На примере польского марксизма ясно видно, что теоретическая ошибка в вопросе о крестьянстве может задержать революцию на десяток лет. Это доказано и признано теперь лучшими людьми польского рабочего движения. Польский пример ценен потому, что он близок к нам. Социальные группировки в Польше во многом такие же, как и у нас. И деятели, выступавшие там, были из самых лучших: Роза Люксембург и Тышко. Но, поскольку они пробовали делать уступки теории перманентной революции, они потерпели в этом крах.

* * *

Перейдем теперь к германской революции. Опыт ее также может многому научить при оценке теории перманентной революции. Вспомним, как формулировали Троцкий и Парвус основное обвинение против Ленина: ваша ленинская тактика ведет к «самоограничению» пролетариата в революции; вы хотите-де, чтобы пролетариат, единственный революционный класс современности, класс, которому предстоит сыграть решающую роль в революции, после победы ограничил бы сам себя, т.-е. не пошел бы дальше

буржуазной демократии. Этого никогда не будет, это неправильно, это контр-революционно [1]). Пролетариат, сыгравший решающую роль в революции, не остановится на полдороге, — говорил тов. Троцкий,—он не пойдет на самоограничение, он осуществит свою программу целиком, программу социализма.

Проверим же эти заявления на опыте германской революции 1918—1919 г. Что было там в 1918—19 г.? Разве рабочий класс Германии не взял власти? Разве мы не видели власти рабочего класса в Германии в 1919 г.? Разве Германия не покрылась сетью Советов? Разве первое революционное правительство из шести «народных комиссаров» не состояло полностью из представителей двух рабочих партий — независимых с.-д. и социал-демократов? Разве они не пытались объявлять свою республику «социалистической»?

А что сделал германский рабочий класс с доставшейся ему властью? Он оказался не в состоянии выполнить свою историческую миссию, как класса «для себя». Он оказался неподготовленным к своей организации, как господствующего класса, смело борющегося за переделку буржуазного общества. Германский рабочий класс «самоограничил» себя, взял да сам и провел программу буржуазной демократии, взял да и распустил свои Советы, взял да и провел учредилку!

Могут возразить на это, что это германская с.-д. предала рабочий класс. Верно! Не мы будем спорить против этого. Конечно, германская с.-д. предала революцию, конечно, вожди германской с.-д. заслуживают того, чтобы в свое время рабочая революция воздала им по заслугам! Но как случилось, что германская с.-д., сама выросшая из недр рабочих масс, смогла эту измену осуществить? Ведь в Германии были и коммунисты: были Либкнехт и Роза Люксембург; они выдвигали и геройски защищали другую программу—

[1]) Вспомните слова Троцкого о контр-революционных чертах в большевизме (см. выше, стр. 48.)

*

не буржуазно-демократическую, а пролетарскую. Их растерзали. Коммунистический авангард, следовавший за Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, на половину уничтожили физически. Если бы толща германских рабочих была вполне за Либкнехта и Розу Люксембург, разве германские с.-д. смогли бы проделать там то, что они проделали? Разве могли бы они добиться съезда советов, который сам постановляет о своем роспуске! А ведь там именно всегерманский съезд советов постановил о своем роспуске и передаче власти учредительному собранию в Веймаре.

Так в чем же дело? Как понять германский опыт?

Тут тоже необходимо обратиться к ученью Ленина.

Ленин учил различать и в пролетариате—особенно в эпоху империализма — ряд прослоек. Ленин учил тому, что именно в эпоху монополистического капитализма буржуазия, получающая сверхприбыли, легко подкупает и разлагает верхушки рабочей аристократии, создает слой рабочих, «заинтересованных» в империализме, становящихся соучастниками его преступлений. Ленин дал ключ к пониманию того, как 1) рабочая аристократия плюс 2) рабочая бюрократия плюс 3) мелко-буржуазные попутчики создают массовую опору для оппортунизма. Только ленинская оценка внутренних молекулярных процессов, происходящих в эпоху империализма внутри самого пролетариата, плюс ленинский взгляд на роль партии в революции (в данном случае отсутствие сильной революционной партии пролетариата и наличие массовой оппортунистической «рабочей» партии) дают нам ключ к объяснению германской революции 1918—1919 г.

В Германии была «рабочая» революция (т.-е. революция, сделанная рабочими), в Германии рабочий класс подошел-было к власти. А вышло так, что этот рабочий класс, в силу сцепления целого ряда обстоятельств, «ограничил» себя сам и провел в жизнь только программу буржуазной революции—да и то очень обкарнанной. Если бы вся толща рабочих этого не хотела, то в стране не нашлось бы такой силы, кото-

рая могла бы сделать это против воли рабочего класса. Вот что надо понять.

Роза Люксембург старалась дать ответ на эти вопросы в самом начале германской революции. Она писала, что, в сущности говоря, то, что произошло в Германии, есть больше «крах империализма, чем победа нового принципа», т.-е. больше крах старого режима, чем победа нового. Это до известной степени верно. Но это же с известной вариацией можно сказать относительно каждой революции—в начале ее. И это не объясняет всего положения вещей. Конечно, в 1918—19 г. в Германии имел место крах империализма. В России в 1917 г. тоже имел место крах империализма. Весь вопрос в том, что вырастет из краха империализма; послужит ли его крах началом победы другого режима. Германская социал-демократия, имевшая за собою 50 лет развития, сумела сыграть очень большую, решающую, но контр-революционную роль. Почему? Очевидно, потому, что бывают такие ситуации, когда даже численно могущественный пролетариат сам себя «самоограничивает».

Чему же учит нас опыт германской революции применительно к спорам ленинизма с теорией перманентной революции? Оказывается, бывает так, что рабочий класс к власти подойдет вплотную, но внутреннее состояние самого рабочего класса таково и понимание им окружающей обстановки таково, что этот рабочий класс, несмотря на всю свою количественную силу, «самоограничивает» себя и проводит программу буржуазной революции.

Это вовсе не значит, разумеется, что если бы у нас в России революция произошла по формуле Троцкого (т.-е. если бы предположить, что рабочий класс победил без крестьянства), то и он поступил бы так же, как германский рабочий класс в 1919 г. Это означает лишь то, что, если носителем движения является рабочий класс, то этот факт, будучи, разумеется, крайне важен сам по себе, еще не исчерпывает всего вопроса о социальном содержании рево-

люции. Бывают, повидимому, обстоятельства, когда рабочий класс оказывается не в состоянии провести программу рабочей революции, хотя, казалось бы, имеет для этого достаточно возможностей.

Таковы факты: у германского пролетариата была решающая роль в революции 1918—1919 г. но он вовсе не провел социалистического переворота. И кто же помешал ему — крестьянство? Реакционность некоторых слоев крестьянской армии сыграла, конечно, свою роль. Но это одно не могло решить дела. Согласно теории «перманентной революции» выходит, что победе социалистической революции должно помешать крестьянство. А в Германии вышло так, что прежде всего и больше всего внутренняя слабость самого рабочего класса и деморализованность его верхушки привели революцию к поражению.

В России вышло по-иному, вышло так, что крестьянство не оказалось с гирями на ногах, а помогло рабочему классу в переходе к Советской власти. В России это произошло так, конечно, потому, что у нас другая социальная обстановка, другое значение имел аграрный вопрос и т. д. Но также, разумеется, и потому, что тактика нашей партии была правильна. Тактика руководящего слоя пролетариата в революции имеет громадное значение. Она у нас была правильна, а у Розы Люксембург и германских левых в некоторых пунктах неправильна.

Еще раз: мы нарочно берем лучших людей, как Розу Люксембург и ее друзей. Маленькие, на первый взгляд, ошибочки приводили не только к большим теоретическим ошибкам, но прямо мешали победить.

Ход германской революции бросил яркий свет и на вопрос о роли партии — вопрос, тоже являющийся важнейшей составной частью ленинизма. Германский пролетариат в решительную минуту не имел сильной массовой большевистской партии. Но «зато» он имел массовую и сильную анти-большевистскую, антиреволюционную партию: социал-демократию. Эта партия употребила все свое влияние, весь свой аппарат,

весь политический опыт, накопленный за 50 лет, все свои обширные связи с рабочей средой—против революции. Получилась крайне яркая иллюстрация роли партии (с.-д. партии) в революции — только роли отрицательной.

Вот чему учит нас опыт германской революции.

Иные социалисты в Германии думали, что лозунг демократической республики там не уместен, что там путь лежит от Вильгельма прямо к социализму; иначе-де и быть не может! А оказалось, что мы проходим в Германии через целую длительную эпоху, пока рабочие изживут с.-д. иллюзии. Это целый период. Сколько времени возьмет он—неизвестно. Это связано с международной обстановкой. Теоретически говоря, то, что происходит в Германии, есть перерастание демократической революции в социалистическую. Когда, лет через 10—15, будут оглядываться назад на пройденный Германией путь, то всякому будет ясно, что с 1919 — ? гг. там имело место перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую (с перебоями и контр-революционными судорогами в роде победы Гинденбурга). Сейчас это «перерастание» там происходит — и происходит с кровью, с муками, с тюрьмами, расстрелами. Рабочий класс учится на своих поражениях подлинному ленинизму, т.-е. теории и практике пролетарской революции.

Когда «перманентники» говорят, что рабочий класс не может «самоограничивать» себя, — мы отвечаем: товарищи, изучайте историю европейского рабочего класса! Ведь германский рабочий класс не самый худший. А он «самоограничил» себя. Это не простая случайность. Это не вина германского рабочего класса, а его беда. Это вытекло из всей обстановки в данной стране.

Известно, что относительно позднейших событий в Германии (октябрь 1923 г.) противники ленинизма пробовали проводить рискованные параллели. Так, тов. Троцкий говорил, что в октябре 1923 г. в Германии была ситуация такая же, как у нас в октябре 1917 г.,

но в Коминтерне были, мол, плохие руководители, они «сдрейфили» и «прозевали» революцию. Это образец непонимания того, что произошло в Германии в 1923 г. Подлинный большевик должен прежде всего объяснить себе и рабочему классу январь 1919 г., —тогда легче будет понять и октябрь 1923 г. Нам говорят, что в октябре 1923 г. была классическая революционная ситуация и что ее просто «прозевали».

Почему у нас в России перерастание совершилось почти ровно в 9 месяцев, а в Германии оно идет шестой год и, может быть, потребует еще ряда лет. У нас 9 месяцев (от февраля 1917 до октября 1917 г.), а у них, скажем, 9 лет! Возьмет история-шутница, да и выкинет этакую штуку! Любители проводить параллели забывают про некоторые «мелочи». Ведь не одни коммунисты берут уроки у русского Октября. Буржуазия тоже учла «уроки Октября». Когда власть в России перешла к русским меньшевикам и эс-эрам, они возьми да и брякни: а мы будем продолжать войну «до конца»! И, действительно, они продолжали войну «до конца»— до своего политического конца.

А что сделали германские социал-демократы?—Они взяли да и учли «уроки Октября», они моментально заключили мир, пойдя на все уступки Антанте, чтобы избегнуть пролетарской диктатуры. Почему?—Потому, что германская буржуазия и германская социал-демократия тоже поняли кое-что из уроков нашего Октября. Керенщина в чистом виде уже, пожалуй, нигде не может повториться, хотя бы по одному тому, что буржуазия тоже изучает опыт нашей русской революции. Вот «первая мелочь», которой не хватало в Германии: новое правительство войну с Антантой сразу прекратило.

Вторая «мелочь»: у нас в России в 1917 г. была империалистическая война плюс аграрный кризис, т.-е. у нас было в руках два лозунга: «долой войну» плюс «земля—крестьянам». А в Германии аграрного кризиса не было, второго динамитного патрона не хватало.

Третья «мелочь»: у нас вся армия была на нашей стороне, а в Германии быстро демобилизовали армию,

и к октябрю 1923 г. регулярная армия была только у буржуазии — фашистская, офицерская белая армия в руках у генерала Секта.

Четвертая «мелочь»: у нас были Советы — в Германии в 1923 году их не было.

Вот действительные уроки германского октября, вот чем отличалась германская обстановка от нашей. Надо это понять и надо это растолковать всему рабочему классу.

Вот этот опыт Польши и Германии надо изучать для того, чтобы понять неправильность теории и практики «перманентной» революции. Проследив борьбу вокруг трех русских революций, вокруг событий в Польше и Германии, всякий большевик скажет, что двух мнений быть не может: или большевизм — или троцкизм. Или ленинизм, или отказ от ленинизма во имя «теории» перманентной революции. Или вперед — к ленинизму, или назад к ошибкам, стоящим так дорого рабочему классу ряда стран.

ГЛАВА X.

ЛЕНИНИЗМ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

«Латинские» слова диктатура пролетариата ленинизм «перевел» на язык широчайших масс — при том, во всем мире. Ленинизм показал народным массам, что такое во всей ее конкретности диктатура пролетариата, — на экране одной шестой части земной поверхности.

«В последнее время филистер снова стал обнаруживать ужас при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Всмотритесь в Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата». Так писал Энгельс (предисловие Энгельса к 3-му изданию «Гражданской войны во Франции».)

Хотите ли знать, что такое диктатура пролетариата, всмотритесь в Советское государство, существующее вот уже восемь лет, несмотря на бешеную вражду всего буржуазного мира,— мог бы сказать ленинизм.

Разумеется, диктатура пролетариата в России имеет свои особенности. «Главной особенностью» ее «является численное преобладание мелко-буржуазных слоев населения» [1]). Но и Парижская Коммуна имела свои особенности. Ленин писал о ней: «но ведь диктатура диктатуре рознь! Может быть, это (Парижская Коммуна *Г. З.*) была настоящая, чистая диктатура проле-

---

[1]) См. Программу РКП, издание ГИЗ, стр. 109 (2-е изд.)

тариата в смысле чисто социал-демократического состава ее членов (писалось в 1905 г., когда мы еще все назывались с.-д. *Г. З.*) и характера ее практических задач? Отнюдь нет! Сознательный пролетариат (при том, лишь более или менее сознательный), т.-е. члены Интернационала (I Интернационала. *Г. З.*), были в меньшинстве; большинство правительства состояло из представителей мелко-буржуазной демократии... Энгельс, называя Коммуну диктатурой пролетариата, имел в виду лишь участие и при том идейно-руководящее участие представителей пролетариата в революционном правительстве Парижа» [1]).

В русской революции дело идет о большем. Советская власть в СССР имеет уже абсолютное бесспорное право называть себя диктатурой пролетариата.

Ленинизм сказал, разумеется, очень много важного и нового и в области теории диктатуры пролетариата. Однако, нужно признать, что в этой области — т.-е. в области теории диктатуры пролетариата — Ленин получил от Маркса гораздо больше «готового», чем в других областях; гораздо больше, чем, например, в национальном вопросе или в вопросе о «перерастании» буржуазно-демократической революции в социалистическую, или чем в вопросе о роли крестьянства, или чем в вопросе о роли пролетарской партии в революции, или — и особенно — в вопросе о практическом строительстве социализма после победы пролетариата.

Сам Маркс еще в 1852 году определял свою роль в открытии теории диктатуры пролетариата следующим образом. Он писал в письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 года:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов.

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. VI. «Парижская Коммуна и задача демократической диктатуры», стр. 279, 281.

«То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы» [1].

Итак, еще в 1852 г. Маркс констатировал, что то новое, что открыл он, Маркс, сводится по существу к двум пунктам: а) классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата и б) эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов.

Эти два основных положения настолько успели уже войти в идейный обиход каждого марксиста, каждого ленинца, каждого сознательного рабочего, что они кажутся нам уже чем-то само собою разумеющимся. Однако эти два открытия являются бесспорно основными в марксизме и постольку же в ленинизме. На этом фундаменте строил Ленин.

Чтобы окончательно убедиться в этом, послушаем не только Маркса, но и Ленина.

«Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма». — Так писал Ленин в «Государстве и революции» [2].

---

[1] Цитируем по русскому изданию. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Письма». «Московский Рабочий», 1923 г., стр. 54.

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 323.

«Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т.-е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс» [1].

«Государство, т.-е. организованный в господствующий класс пролетариат»,— эта теория Маркса неразрывно связана со всем его учением о революционной роли пролетариата в истории. Завершение этой роли есть пролетарская диктатура, политическое господство пролетариата» [2].

И в другом месте:

«Этот исторический опыт всех революций, этот всемирно исторический — экономический и политический — урок и подтвердил Маркс, дав краткую, резкую, точную, яркую формулу: диктатура пролетариата» [3].

Мы выслушали и самого Маркса, и самого Ленина. Сомнения невозможны. Все основное в теории диктатуры пролетариата дано уже Марксом.

Что «открыл» Ленин, так это не диктатуру пролетариата вообще, а советскую форму диктатуры пролетариата.

Каждый раз, когда Ленин говорил о Советской власти, как новом типе государства, он всегда сопоставлял ее с Парижской Коммуной.

Советы «воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской Коммуной и который Маркс назвал «открытой, наконец, политической формой, в которой может произойти экономическое освобождение трудящихся» [4].

«Советская власть первая в мире (строго говоря, вторая, ибо то же самое начала делать Парижская

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II. «Государство и революция», стр. 316 — 317.

[2]) Там же, стр. 317.

[3]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Очередные задачи Советской власти», стр. 214 — 215.

[4]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. I «Задачи пролетариата в нашей революции», стр. 47.

Коммуна) привлекает массы, именно эксплоатируемые массы, к управлению» [1]).

«Советы, между прочим, потому именно представляют из себя неизмеримо более высокую форму и тип демократизма, что, объединяя и втягивая в политику массу рабочих и крестьян, они дают самый близкий к «народу» (в том смысле, в котором Маркс говорил в 1871 г. о действительно народной революции), самый чуткий барометр развития и роста политической, классовой зрелости масс» [2]).

«Эта (советская *Г. З.*) власть — власть того же типа, какого была Парижская Коммуна 1871 года» [3]).

«Советская власть есть второй всемирно-исторический шаг или этап развития диктатуры пролетариата. Первым шагом была Парижская Коммуна. Гениальный анализ содержания и значения этой Коммуны, данный Марксом в его «Гражданской войне во Франции», показал, что Коммуна создала новый тип государства — пролетарское государство» [4]).

«Народ сознает величие и значение разыгрывающейся в настоящее время борьбы. Необходимо только найти ту практическую форму, которая даст возможность пролетариату осуществить свое господство. Таковой является советский строй с диктатурой пролетариата. Диктатура пролетариата — до сих пор эти слова были для масс латынью. Благодаря распространению системы Советов по всему миру, эта латынь переведена на все новые языки; практическая форма диктатуры найдена рабочими массами» [5]).

Мы сказали, что советскую форму диктатуры пролетариата открыл Ленин. Это, разумеется, не совсем точно. Форма эта открыта «народным творче-

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», стр. 462.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», стр. 509.

[3]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. I,«О двоевластии», стр. 24.

[4]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Письмо к рабочим Европы и Америки», стр. 7.

[5]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Вступительная речь на первом конгрессе Коммунистического Интернационала» стр. 35.

ством» (выражение Ленина) широчайших масс трудящихся. Но эта форма объяснена (и в значительной мере предвосхищена) Лениным — так же, как Парижская Коммуна была «объяснена» Марксом.

«То обстоятельство,— писал Ленин,— что в России создалась Советская власть, показало, что богаче всего революционным опытом является сама революционная масса, когда на помощь немногим десяткам партийных людей являются миллионы» [1]).

Богаче всего революционным опытом сама революционная масса. Но к числу ее «богатств» относится и то, что в критические эпохи истории, в переломные моменты великих кризисов революционная масса выдвигает, подымает, вдохновляет таких исполинов мысли и дела, каким был Ленин.

Маркс дал во всем основном законченную теорию диктатуры пролетариата уже к началу 50-х годов прошлого столетия. Маркс «открыл» в Парижской Коммуне первый всемирно-исторический этап развития диктатуры пролетариата, первый тип пролетарского государства. Ленин и в этой области завершил дело Маркса не только теоретически, но и практически. Стоя во главе широчайших революционных масс трудящихся и руководя ими, Ленин открыл с о в е т с к у ю ф о р м у п р о л е т а р с к о й д и к т а т у р ы. Под руководством Ленина рабочий класс России сделал второй всемирно-исторический шаг или этап развития диктатуры пролетариата. Под руководством Ленина «наконец» была открыта новейшая политическая форма, в которой может произойти освобождение трудящихся. Советы под руководством Ленина показали дорогу трудящимся всего мира — к о н к р е т н у ю дорогу к уничтожению господства буржуазии, к созданию нового типа пролетарского государства.

«Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (пере-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. Доклад на III Всероссийском съезде Советов, стр. 77.

ходом от государства к не-государству) будет «организованный в господствующий класс пролетариат». Но открывать политические формы этого будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1871 год: дело подходит к разрушению буржуазно-государственной машины.

«И когда массовое революционное движение пролетариата разразилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на кратковременность и бьющую в глаза слабость, стал изучать, какие формы открыло оно» [1].

Коммуна по Марксу — «открытая, наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

По поводу победы Советской власти Ленин, ликуя, писал:

«Идея овладела массами. Триумфальное шествие советской идеи по всему миру. Открыта (массовым движением пролетариата) форма диктатуры пролетариата!! III Интернационал!» [2].

Парижская Коммуна — первый всемирно-исторический этап. Советы — второй всемирно-исторический этап. Первый этап больше всего олицетворяется именем **Маркса**; второй — именем **Ленина**.

* * *

Теорию диктатуры пролетариата Маркс и Энгельс гениально сформулировали во всем главном еще до великого опыта Парижской Коммуны. Марксизм начал с того, что доказал: 1) неизбежность диктатуры пролетариата в результате классовой борьбы и предсказал, что 2) диктатура пролетариата составит лишь переход к уничтожению всяких классов. Маркс и Энгельс впоследствии формулировали с полной ясностью и то, что между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II «Государство и революция», стр. 342.

[2] Ленинский Сборник, III, стр. 518.

первого во второе — период революционной диктатуры пролетариата. И, наконец, Маркс и Энгельс с полной ясностью обрисовали (см. особенно «Анти-Дюринг»), как в конце периода революционной диктатуры пролетариата, когда наступает «высшая» фаза коммунизма, пролетарское государство «отмирает», «засыпает». Всякое государство «отмирает», и упрочивается бесклассовое коммунистическое общество (см. об этом подробнее в гл. XIV «Что такое окончательная победа социализма?»).

И начало диктатуры пролетариата, и конец ее, и исходный пункт пролетарской диктатуры, и ее историческое завершение, и рождение пролетарского государства и его «засыпание» Маркс и Энгельс гениально провидели с полной ясностью. Чего они не смогли дать, это — «опосредствования» (как любил иногда выражаться Ленин), это — конкретной дороги от первой стадии диктатуры пролетариата к ее последней стадии, от зарождения пролетарского государства до его «засыпания». Это «опосредствование», этот конкретный путь мог быть обрисован только на основании исторического опыта мировой революции — хотя бы первой стадии ее — на основании опыта реальной диктатуры пролетариата, реальной и прочной победы пролетарской революции, хотя бы для начала в одной стране. Эту работу смог проделать только Ленин, ученик Маркса и Энгельса, подвизавшийся на исторической арене в более позднюю эпоху, когда первая всемирно-историческая победа пролетарской диктатуры стала фактом.

Поскольку дело идет о теоретическом анализе диктатуры пролетариата в ее исходной и конечной стадиях — т.-е. стадии образования пролетарской диктатуры и стадии «засыпания» всякого государства, — Ленин целиком строит свою аргументацию на сочинениях Маркса и Энгельса. Не даром такая основная работа Ленина, как «Государство и революция», целиком построена на текстах из Маркса и Энгельса. Поскольку дело шло об исходном пункте (образование этой диктатуры) и конечном пункте («засыпание»

всякой диктатуры), постольку Ленин мог ограничиваться истолкованием, освещением, разъяснением того, что гениально провидели Маркс и Энгельс. Поскольку же дело шло о конкретном пути пролетарской диктатуры, лежащем между двумя этими пунктами, т.-е. поскольку дело идет о целой эпохе диктатуры пролетариата, о трудностях и проблемах реально существующей пролетарской диктатуры, о союзниках рабочего класса в эпоху диктатуры, о меняющихся формах диктатуры, о различном выражении диктатуры по отношению к различным слоям непролетарского населения и т. д. и т. п. — словом, поскольку дело шло об «опосредствовании», о пути пролетарской диктатуры, о пружинах ее, о механике ее, постольку Ленин призван был развить и дополнить марксизм. И постольку он эту великую задачу выполнил.

Именно поэтому Ленину и выпало на долю сказать так много нового и ценного в вопросе о крестьянстве, сначала в масштабе русском, а затем и в масштабе международном. Мы видели выше (см. первую главу настоящей работы), что и в вопросе о крестьянстве Маркс и Энгельс дали Ленину в руки ключ к разрешению проблемы. Но Ленин, как никто, сумел воспользоваться этим ключом и сумел открыть им такие двери, до которых Маркс и Энгельс, в силу того, что они жили в более раннюю историческую эпоху, не успели дойти.

Крайне интересно взглянуть с этой точки зрения на лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» в русской революции, творцом которого был Ленин. Замечательно прежде всего то, что в терминах диктатуры того или другого класса, или двух классов, вопрос о русской революции ни одним русским марксистом в эпоху первой революции вообще поставлен не был, кроме Ленина. Русский марксизм в ту эпоху был необычайно богат оттенками как правыми, так и «левыми». То же относилось к народническому лагерю. Споры о характере русской революции заполнили целую эпоху. Полемические шпаги ломались в избытке. Но — это факт: в терминах

диктатуры определенных классов — «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» — вопрос поставил только Ленин. Все остальные оставались в пределах спора о том, будет ли русская революция буржуазной революцией «вообще», будет ли она обычной европейского типа революцией, или самобытной особого типа революцией и т. п. Самая выдающаяся голова не-большевистского лагеря, Г. В. Плеханов, и тот фехтовал против Ленина в пределах слишком общего спора о том, явится ли русская революция буржуазной, или не-буржуазной. Один только Ленин, повторяем, ясно и отчетливо ставил вопрос о классовой основе будущей революционной власти, один только Ленин говорил о диктатуре пролетариата и крестьянства.

Оглядываясь теперь назад на пройденный путь, мы ясно видим, что в постановке Лениным вопроса о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства сказалось именно то, что его исторической миссией, как преемника Маркса и Энгельса, было указать человечеству конкретный реальный путь, подход, «ступеньку» к зарождению пролетарской диктатуры, а затем и к развитию ее в социалистическое общество. В крестьянской стране, в которой предстояло непосредственно подвизаться Ленину, подход, «ступенька» пролетарской диктатуры заключались именно в «демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». Попытка противопоставить демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства диктатуре пролетариата была неверна и несуразна потому, что в данной стране при данной исторической обстановке демократическая диктатура пролетариата и крестьянства на самом деле была единственным реальным путем к диктатуре пролетариата. Совершившееся на глазах нашего поколения «перерастание» буржуазно-демократической русской революции в социалистическую доказало это вполне наглядно.

«Маркс и Энгельс, — писал Ленин в 1905 году, — в 1850 г. не различали демократической и социали-

*

стической диктатуры, или, вернее, вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм близким...

«Маркс и Энгельс в 1850 г. считали социализм близким и потому — недооценивали демократических завоеваний, которые казались им вполне прочными в виду несомненной победы мелко-буржуазной демократической партии... Если бы Маркс и Энгельс понимали неизбежность сравнительно продолжительного господства демократического строя, то они тем больше значения придавали бы демократической диктатуре пролетариата и крестьянства»[1]).

В этих словах Ленина мы находим подтверждение тому, что сказано нами выше. Именно потому, что Маркс и Энгельс ошиблись в вопросе о сроках победы социалистической революции, что они в свое время переоценили темп революционного развития, они не смогли и приступить к задаче конкретного «опосредствования». В частности, они не могли, как это удалось впоследствии сделать Ленину на основании гигантского конкретного революционно-исторического опыта, взять на себя «опосредствование» путей от демократической революции к социалистической. Теория «перерастания» демократической революции в социалистическую в зародыше была у Маркса и Энгельса. Но дать настоящую картину этого перерастания, дать сильное, сочное и законченное полотно, разрабатывающее эту тему, удалось только Ленину — ибо он имел в своих руках не только чудодейственный теоретический ключ марксизма, но и новый грандиозный всемирно-исторический конкретный революционный опыт.

Ленину выпало на долю самому непосредственно наблюдать «исторический перелом от буржуазной к пролетарской демократии». В своем замечательном наброске о диктатуре пролетариата Ленин поразительно рельефно говорит об этом историческом переломе в следующих пластических выражениях:

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. VI. «О временном революционном правительстве», стр. 214, 215.

«Исторический перелом от буржуазной к пролетарской демократии.

«Перерастание», «вползание» или ломка первой, рождение второй?=Революция или без революции?» [1]).

Ленин непосредственно пережил и видел собственными глазами ломку буржуазной демократии и рождение пролетарской... Поэтому Ленин и смог дать такие шедевры, как его знаменитые тезисы о буржуазной демократии и диктатуре, принятые на I конгрессе Коминтерна и представляющие собою один из самых нетленных документов марксизма-ленинизма.

Ленин жил и действовал не просто в эпоху капитализма, но в эпоху последней стадии его — в эпоху империализма. Отсюда и то, что, разрабатывая теорию Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата, Ленин должен был привнести в нее то новое, что диктовалось особенностями империалистического периода капитализма. В вышеназванном наброске Ленина, например, содержится целая глава, которая так и называется: «Диктатура пролетариата и особенности империализма». Особенности эти обрисованы здесь буквально в двух словах:

«Империализм как высшая стадия капитализма.

«Колонии и зависимые страны.

«Восстание пролетариата против буржуазии своей страны+восстание народов в колониях и зависимых странах.

«Революционный пролетариат и национальные войны...

«Единый» угнетатель. Концентрация борьбы.

«Разнообразие этапов.

«Буржуазная верхушка пролетариата». (В скобках Ленин и здесь не забывает прибавить: «Маркс о вождях английского трэд-юнионизма. 2 главных «струи»: продажные и филистеры»).

«Социал-шовинизм.

---

[1]) «Ленинский Сборник» III. стр. 516.

«2 интернационала. Диктатура революционных элементов класса.

«Одна страна и весь мир» [1]).

Изучая во всех подробностях и деталях империалистическую стадию капитализма, Ленин с особою четкостью формулировал закон неравномерности развития капитализма.

«Любой марксист, даже любой человек, знакомый с современной наукой вообще, если ему поставить вопрос: вероятен ли равномерный или гармонически-пропорциональный переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата? — ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону или черту, или группу свойств капитализма и рабочего движения. Процесс развития шел неравномерно» [2]).

И именно потому, что ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было, Ленин (в том же наброске) со всей конкретностью разбирает возможные варианты диктатуры пролетариата в стране, где 51% пролетариата, 40% средней и мелкой буржуазии и 9% капиталистов, и в стране, где 20% пролетариата, 75% мелкой буржуазии и 5% капиталистов (при чем среди 75% мелкой буржуазии 30% бедных, 30% средних, 15% богатых) и т. п. Ленин призван наполнить конкретнейшим историческим содержанием общую теорию Маркса и Энгельса, которую извращают жрецы II Интернационала.

«Новое и существенное, конкретное отметают, а жуют зады о «пролетариате» вообще», гневно бросает по адресу этих псевдо-марксистов Ленин [3]).

---

[1]) «Ленинский Сборник» III, стр. 516—517.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Третий Интернационал и его место в истории», стр. 183.

[3]) «Ленинский Сборник» III, стр. 494.

Выполняя с таким блеском эту работу, Ленин тем самым расширяет, развивает, обогащает все учение Маркса — в частности марксову теорию диктатуры пролетариата.

* * *

— «Диктатура слово большое, жесткое, кровавое, слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох» [1].

— «Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против б о л е е м о г у щ е с т в е н н о г о врага, против буржуазии, сопротивление которой у д е с я т е р е н о ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в с и л е п р и в ы ч к и, в силе м е л к о г о п р о и з в о д с т в а. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство р о ж д а е т капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [2].

— «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества» [3].

— «Диктатура пролетариата есть наиболее решительная и революционная форма классовой борьбы пролетариата с буржуазией» [4].

— «Тот класс, который взял в свои руки политическое господство, взял его, сознавая, что берет его о д и н. Это заключено в понятии диктатуры пролетариата. Это понятие тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки

---

[1] Н. Л е н и н. Собр. соч., т. XVII. «Заметки публициста», стр. 16.

[2] Н. Л е н и н. Собр. соч., т. XVII. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», стр. 117 — 118.

[3] Там же, стр. 136.

[4] Н. Л е н и н. Собр. соч., т. XVII. «Тезисы об основных задачах второго конгресса Коммунистического Интернационала», стр. 255.

политическую власть, и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчет «общенародной, общевыборной, всем народом освященной» власти» [1].

— «Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в новой форме и новыми орудиями. Пока остаются классы, пока свергнутая в одной стране буржуазия удесятеряет свои атаки на социализм в международном масштабе, до тех пор эта диктатура необходима» [2].

— «Диктатура есть состояние обостренной войны» [3].

— «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая» [4].

— «Диктатура означает... неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой» [5].

— «Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» [6].

Все эти суровые стальные определения напоены революционной страстью, дышат революцией, «пахнут» ею. И в то же время они глубоко диалектичны, разносторонни, многоцветны, всеобъемлющи.

В ленинской постановке вопроса о диктатуре пролетариата можно условно различить два периода: Первый период — есть период непосредственной борьбы за власть, непосредственного свержения буржуазии и сламывания ее сопротивления, период непосредственной жесточайшей гражданской войны с оружием в руках. Второй период—есть период борьбы за хозяйственное упрочение про-

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих», стр. 175.

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тезисы о тактике РКП», стр. 317.

[3] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII. «Тактика РКП», стр. 336.

[4] Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Очередные задачи Советской власти», стр. 215.

[5] Н. Ленин. Собр. соч., т. VII, ч. I. «Победа кадетов и задачи рабочей партии», стр. 97.

[6] Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», стр. 451.

летарской диктатуры (прежде всего—крупная промышленность), период закрепления пролетарского государства, переваривания политического опыта пролетарской революции широчайшими народными массами, период длительного и прочного завоевания на сторону пролетариата широких непролетарских элементов трудящихся, период «мирной и бескровной» борьбы за упрочение диктатуры пролетариата, период, тоже полный самой напряженной и страстной классовой борьбы, ведущейся лишь в других формах.

Внутри второго периода можно различать еще особый этап: когда рядом с ростом крупной промышленности начинается особенно интенсивная работа обобществления мелкого производства, кооперирования, коллективизации, «культурной революции», проникновения идей коллективного хозяйства в самую толщу народных масс. Второй период нельзя механически отделять от первого, а тем паче особый этап во втором периоде от всего второго периода. К этому подразделению надо подходить диалектически.

Вышеприведенная первая группа определений Ленина охватывает преимущественно первый период, наиболее критический период пролетарской диктатуры, период непосредственного захвата власти, разрушения аппарата старого буржуазно-помещичьего государства, период непосредственной и самой острой гражданской войны.

Как велик этот первый период во времени? Сколько именно времени нужно на то, чтобы закончить первый критический период пролетарской диктатуры? Сколько времени займет второй период пролетарской диктатуры, сколько будет еще других этапов и «переходов» внутри эпохи диктатуры пролетариата,

которая должна закончиться «засыпанием» всякого государства? Ответить на эти вопросы невозможно. В каждой стране это будет происходить различно, в зависимости от удельного веса пролетариата в данной стране, от уровня развития производительных сил, уровня культурности народных масс и т. д. И чем больше победивших уже пролетарских государств будет стоять «за спиной» той новой страны, которой приходится проделывать этот этап пролетарской диктатуры, тем короче будет он — при прочих равных условиях.

В России первый критический период взял почти пять лет — с 1917 по 1922 г. Сколько времени потребует второй период пролетарской диктатуры, сказать еще трудно. Это будет зависеть в немалой степени и от хода развития м и р о в о й пролетарской революции. Недавно опубликованная фраза Ленина: десять — двадцать лет правильных взаимоотношений с крестьянством даже при затяжке мировой революции обеспечивают полную победу — дает представление о том, какие сроки мыслил себе последнее время Ленин. Под словами «десять — двадцать лет правильных взаимоотношений с крестьянством» и следует понимать десять — двадцать лет «органического» (употребляю слово «органического» с риском — как бы иные «ученые» не сделали из этого слова «расширительных» и . . . пошлых выводов) развития пролетарской диктатуры. При этом десять — двадцать лет понимались, конечно, не как тот срок, в течение которого всякое государство окончательно «заснет», а как срок, когда создадутся уже полные гарантии в том, что мы быстрыми шагами и д е м без перебоев к высшей стадии коммунизма, к окончательному «засыпанию» всякого государства.

А вот вторая группа ленинских определений, охватывающих преимущественно «темы» в т о р о г о периода диктатуры. (Конечно, эти определения «перемежаются» и по теме и по времени.)

— «Диктатура пролетариата вовсе не в том только, чтобы свергнуть буржуазию или свергнуть помещи-

ков, — это бывало во всех революциях, — наша диктатура пролетариата преследует обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда, учета и контроля пролетарской Советской власти, которая более прочна, более тверда, чем прежняя» [1]).

— «Не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя—пролетариата» [2]).

— «Нужна диктатура пролетариата, власть одного класса с силой его организованности и дисциплинированности, его центральная мощь, опирающаяся на все завоевания культуры, науки, техники капитализма, его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог вести за собой крестьянство и все мелко-буржуазные слои вообще» [3]).

— «Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» [4]).

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. Доклад об очередных задачах Советской власти, стр. 239.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Привет венгерским рабочим», стр. 226.

[3]) Там же, стр. 227.

[4]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. Предисловие к речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства», стр. 241.

Пролетариат завоевывает на свою сторону значительную часть промежуточных слоев уже в самом начале диктатуры пролетариата в бешеной гражданской войне. Без этого невозможна солидная победа пролетарской диктатуры. По мере перехода от первого периода диктатуры ко второму периоду ее, победоносный пролетариат на каждом повороте пути, на каждой новой стадии диктатуры должен стараться по новому закрепить и расширить свое влияние на промежуточные слои населения, прежде всего на крестьянство. В известной резолюции III конгресса Коминтерна по крестьянскому вопросу Ленин показал со всей подробностью, как именно *после* завоевания власти пролетариатом, после упрочения пролетарской диктатуры пролетариат может вести за собою крестьянство, почувствовавшее в победившем пролетариате *твёрдого защитника, надежного вождя*.

«Главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» (читай: мелкобуржуазных демократов) II Интернационала состоит в непонимании ими того, что *государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий*» [1]).

Пролетарская диктатура дает возможность не только сплотить весь рабочий класс, вплоть до самых его отсталых слоев, не только превратить весь рабочий класс в *класс для себя*, но и дает возможность все более и более прочного завоевания на сторону рабочего класса непролетарских трудящихся масс. В борьбе между пролетарским авангардом и буржуазией за широкие слои непролетарских трудящихся масс государственная власть в руках пролетариата является решающим фактором.

---

[1]) Н. *Ленин*. Собр. соч., т. XVI, стр. 447.

Разумеется, колебания в среде непролетарских масс трудящихся (в первую очередь крестьянства) неизбежны как в первый, так и во второй период пролетарской диктатуры. Этого Ленин не забывает ни на одну минуту.

«Крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это — довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, соединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это—обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией. А при обостренной борьбе между этими последними, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому, рутинному, неизменяемому со стороны именно крестьян и мелких буржуа вообще, естественно, что мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.» [1].

И отсюда Ленин делает вывод:

«По отношению к этому классу — или к этим общественным элементам — задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых — вот что должен делать пролетариат» [2] (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Пролетариат может это сделать потому, что: «сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения» [3].

А сила пролетариата в советской стране—в стране, где первый критический период диктатуры победоносно

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», стр. 354—355.
[2] Там же, стр. 355.
[3] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата», стр. 458.

завершен, — в такой стране сила пролетариата во много, много раз больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения — в особенности, если партия пролетариата в этой стране твердо стоит на почве ленинизма, т.-е., если она, между прочим, не заблуждается и насчет того, что колебания со стороны крестьянства неизбежны и во второй, «мирный» период диктатуры, если она не заменяет трезвый ленинский классовый анализ розовой «внеклассовой» водичкой, если она помнит, что классовая борьба продолжается и при диктатуре пролетариата, что капитализм и буржуазия растут из мелкого производства «ежедневно, ежечасно», если она способна умело осуществлять диктатуру пролетариата, т.-е., между прочим, во-время менять формы проведения диктатуры при полном сохранении социальной сущности ее.

Недавно опубликованы замечания Ленина на первый проект программы партии, составленный в начале 900-х годов Плехановым, и переписка Ленина с тогдашней редакцией «Искры» по этому вопросу. Крайне интересно одно из тогдашних замечаний Ленина, связанных с вопросом о диктатуре пролетариата и о колебаниях мелкой буржуазии. Ленин пишет:

«В проекте (Плеханова. *Г. З.*) упущено указание на диктатуру пролетариата, бывшее первоначально. Если это и случайно сделано, по недосмотру, — все-таки остается несомненным, что понятие «диктатуры» несовместимо с положительным признанием чужой поддержки пролетариату. Если бы мы действительно положительно знали, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат при совершении им его, пролетарской, революции, тогда не к чему бы и говорить о «диктатуре», ибо тогда вполне обеспечено было бы нам такое подавляющее большинство, что и без диктатуры прекрасно обошлись бы (как и хотят уверить «критики»). Признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением Коммунистического Манифеста, что пролетариат

один только есть действительно революционный класс»[1]).

И дальше следует замечание об «условной революционности» других классов, которую своей правильной тактикой может выявить только пролетариат, единственный до конца революционный класс. (Эти последние замечания приведены нами в другой главе настоящей работы.)

Только что выписанное нами замечание Ленина на проект Плеханова в высшей степени интересно в том отношении, что, благодаря ему, мы видим наглядно «смычку» между взглядами Ленина в 1902 г. и взглядами его же в 1922 г. И в 1902 г. Ленин яснее, чем кто бы то ни было из его коллег по редакции «Искры», видел «условную революционность» крестьянства и мелкой буржуазии вообще. Но в то же время Ленин с полной ясностью видел и неизбежность колебаний этих слоев населения — колебаний между буржуазией и пролетариатом. Историческая необходимость и закономерность диктатуры пролетариата в том и заложена, что пролетариат не есть «условно революционный» класс, а — класс безусловно революционный и единственный до конца революционный. Пролетариат должен вести за собою промежуточные слои населения. Диктатура это и значит — вести за собою тех, которые могут и поколебаться. Когда Ленин говорит о том, что диктатура есть форма союза между пролетариатом и непролетарскими слоями трудящихся, он имеет в виду такой союз, в котором руководящая роль неизменно принадлежит пролетариату. Мысль Ленина заключается не в том, что нам нужен союз рабочего класса и крестьянства «вообще», а в том, что нам нужен такой союз рабочего класса и крестьянства, в котором (союзе) руководящая роль принадлежала бы рабочему классу. Этот вывод имеет самое злободневное значение для нас и сейчас.

* * *

[1]) «Ленинский Сборник» II, стр. 80—81.

Вопрос о формах пролетарской диктатуры имеет гигантское значение особенно тогда, когда пролетарская диктатура вышла из первого критического периода, когда закончена борьба с оружием в руках, когда волна непосредственной гражданской войны схлынула. Классическое определение Ленина «диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» в общеисторическом смысле остается верным и на второй, более «мирный» период диктатуры. Однако не следует забывать того, что этот второй период диктатуры в СССР — и так будет, вероятно, в любой другой стране пролетарской диктатуры в аналогичную стадию ее—проходит уже под лозунгами «революционной законности», «оживления советов» и т. п. Диктатура пролетариата в этот период есть власть, не связанная никакими законами, кроме своих собственных; в этот период диктатуры строительство идет под флагом, «упорядоченной» революционной законности консолидирующегося пролетарского государства.

Лозунги второго периода — революционная законность, оживление Советов—нисколько не меняют и не должны изменить социальной сущности власти. Диктатура пролетариата остается; какое бы то ни было «соскальзывание» с рельсов диктатуры пролетариата и в этот период было бы полной гибелью для революции; но формы проведения пролетарской диктатуры меняются и не могут при успешном развитии пролетарского государства не меняться. Диктатура пролетариата не есть еще победивший социалистический строй. Диктатура пролетариата есть борьба за победу социалистического строя, есть переход к социализму, есть период, подготовляющий упразднение классов. Именно для того, чтобы упразднение классов осуществить, необходима диктатура одного класса — диктатура пролетариата;— необходим целый период пролетарской диктатуры, который мы в СССР и переживаем. А вот формы этой диктатуры меняются и не могут не меняться. В недавно

опубликованном конспекте брошюры Ленина о продовольственном налоге, писанном весною 1921 года, мы находим слова: «либо белогвардейский террор, либо руководство (все более мягкое) пролетариата, его диктатура» [1]) (курсив Ленина).

Руководство пролетариата остается, «его диктатура» остается — вне этого — гибель революции; а вот формы руководства должны становиться «все более мягкими». Это — то новое, что имеет особенно злободневное значение теперь, когда переход ко второму периоду пролетарской диктатуры в связи с хозяйственным возрождением страны обозначился уже полностью.

Обстановка меняется на наших глазах, — стало-быть, не могут не измениться и формы руководства пролетариатом всем остальным населением. Руководство только тогда руководство, когда оно умеет целесообразно менять свои формы применительно к меняющейся обстановке. Ленинизм конкретен, как всякая истина конкретна. Первое требование ленинизма заключается в том, чтобы каждая тактическая истина применялась в зависимости от конкретной обстановки, от условий места и времени. Мы были бы только начетчиками ленинизма, мы не были бы достойны своего учителя, если бы не умели видоизменять своей тактики и приемов руководства вместе с меняющейся обстановкой. Чтобы быть верным заветам Ленина, надо уметь видеть новое в обстановке, когда это новое только еще рождается; надо уметь видеть «перерастание» наиболее острой полосы диктатуры во вторую полосу ее. Нужно уметь видеть «рождение» новой обстановки в стране. И вместе с тем осуществление «советской демократии» нужно суметь сделать так, чтобы ни на ноту не потрясти, не ослабить диктатуры пролетариата, не допустить даже малейшего «выскабливания» ее социального содержания. Надо ясно видеть опасность «перерождения», заложенную в обстановке,

[1]) «Большевик», № 7, 1925 г., стр. 77.

и противоборствовать этой опасности всеми подходящими средствами.

Есть все основания надеяться на то, что теперь из года в год будет подниматься благосостояние советского Союза, будут уходить в прошлое нищета, безработица, беспризорность, безграмотность, некультурность, будет расти стремление к равенству, сознательность, дисциплина рабочих масс, будут нарастать нутряные «черноземные» симпатии к Советской власти. Если это будет так, если этому не помешают независящие от нас обстоятельства извне, то, разумеется, формы осуществления пролетарской диктатуры в нашей стране должны будут меняться и смягчаться из года в год.

Наступило время, когда необходимо с особой настоятельностью напомнить то, что писал Ленин о советском демократизме в самом начале Октябрьской революции, при самом зарождении пролетарской диктатуры.

«Социалистический характер демократизма советского, т.-е. пролетарского в его конкретном, данном применении состоит, во-первых, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплоатируемые массы, буржуазия исключается; во-вторых, в том, что всякие бюрократические формальности и ограничения выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов при полной свободе отзыва выбранных; в-третьих, что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся... что, таким образом, впервые делается приступ к тому, чтобы действительно поголовно население училось управлять и начинало управлять» [1].

Программа РКП, принятая в 1919 году, выдвигает, как одну из важнейших задач, «постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством» [2]. «Задача РКП,—говорит программа,— состоит в том, чтобы вовлекать все более

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, «Очередные задачи советской власти», стр. 221.

[2] «Программа РКП», изд. ГИЗ, стр. 114.

широкие массы трудящегося населения в пользование демократическими правами и свободами и расширять материальную возможность этого» [1]). Она подчеркивает, что «Советская власть в то же время уничтожает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей, оторванность представительных учреждений от масс и проч. Советское государство сближает государственный аппарат с массами... Пролетарская демократия на место формального провозглашения прав и свобод ставит их фактическое предоставление прежде всего и больше всего именно тем классам населения, которые были угнетены капитализмом, т.-е. пролетариату и крестьянству» [2]). И программа особенно настойчиво подчеркивает, что «полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собою дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская Коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти» [3]). Программа категорически и настойчиво требует «добиваться дальнейшего сближения органов власти с массами трудящихся на почве все более строгого и все более полного осуществления этими массами демократизма на практике, в особенности же путем проведения ответственности и подотчетности должностных лиц» [4]).

Это писано как бы специально для сегодняшнего дня. Проведение подлинной ответственности и подотчетности должностных лиц, все более строгое (слово это вызывает образ Ленина), и полное осуществление самими массами демократизма на практике — вот альфа и омега нынешней работы пролетарской власти.

Эту часть программы, написанную как бы специально для той стадии пролетарской диктатуры,

---

[1]) «Программа РКП», изд. ГИЗ, стр. 113.
[2]) Там же, стр. 112—114.
[3]) Там же, стр. 117.
[4]) Там же, стр. 114—115.

*

которую СССР переживает ныне, необходимо теперь поставить в центре всей работы РКП. Сказанное Лениным и всей партией о советском демократизме не должно превращаться в «забытые слова». Пришло время, когда именно эти задачи становятся о с ь ю всей работы пролетарской партии.

Программа РКП (1919 г.), бросая вызов всей буржуазии и всей реформистской социал-демократии, подчеркивает, что «в противоположность буржуазной демократии, скрывавшей классовый характер ее государства, Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства, пока совершенно не исчезло деление общества на классы и вместе с ним всякая государственная власть» [1]).

Программа подробно объясняет, почему именно пролетарской диктатуре необходимо было прибегнуть для подавления сопротивления эксплоататоров к лишению политических прав и ряду других ограничений по отношению к буржуазии. Но программа тут же поручает: «разъяснять вместе с тем, что лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплоататоров отстоять или восстановить свои привилегии» [2]).

Меры эти временные, но н е к р а т к о временные. По отношению к буржуазии эти меры «всерьез и надолго». Программа с большой осторожностью определяет тот срок, когда можно будет приступить к уничтожению этих ограничений по отношению к буржуазии: «по мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплоатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене» [3]).

Объективная возможность эксплоатации человека человеком исчезает, как известно, только с уничтоже-

[1]) «Программа РКП», изд. ГИЗ, стр. 111.
[2]) Там же, стр. 111—112.
[3]) Там же, стр. 111.

нием классов. В период НЭП'а, например, такая объективная возможность эксплоатации человека человеком безусловно остается. Партия будет стремиться к сужению («стремиться к сужению» — это сказано с величайшей осторожностью, и в этой осторожности опять весь Ленин) и к полной отмене ограничений буржуазии.

Другое дело — масса крестьянства. Программа партии с полной откровенностью говорит о том, что руководящая роль во всей революции принадлежала и должна принадлежать городскому промышленному пролетариату, «как наиболее сконцентрированной, объединенной, просвещенной и закаленной в борьбе части трудящихся масс». «Наша советская конституция,— продолжает программа,— отразила это, сохраняя некоторые преимущества за промышленным пролетариатом сравнительно с более распыленными мелко-буржуазными массами в деревне». И программа делает вывод: «РКП, разъясняя временный характер этих преимуществ, исторически связанных с трудностями социалистической организации деревни, должна стремиться к неуклонному и систематическому использованию этого положения промышленного пролетариата для того, чтобы в противовес узко-цеховым и узко-профессиональным интересам, которые выращивал капитализм среди рабочих, соединять теснее с передовыми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства»[1]).

Заметим: и здесь у Ленина (в программе) центр тяжести—в деревенских пролетариях и полупролетариях плюс среднее крестьянство. Ни в коем случае здесь не обещано политическое и иное равенство кулаку.

Эта часть программы также получает в нынешнюю стадию пролетарской диктатуры самое злободневное значение.

---

[1]) «Программа РКП», стр. 116.

Что говорит программа—как раз та часть, которая осталась целиком верной и теперь? Она говорит, что 1) сама пролетарская диктатура должна и будет длиться до тех пор, когда исчезнет объективная возможность эксплоатации человека человеком, т.-е. до тех пор, когда будут уничтожены классы и упрочится бесклассовое общество. Она говорит, далее, что 2) внутри этого довольно продолжительного периода будут, разумеется, свои переходы.

Каждый год будет теперь приносить кое-что новое. Один год не во всем будет похож на другой. Партия пролетариата будет систематически и упорно бороться за то, чтобы поднять на должную ступень культуры распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства; партия будет работать над тем, чтобы все больше и больше уничтожать всякую разницу между ними и промышленными пролетариями. Эта задача заполнит собою целый этап пролетарской диктатуры.

Все вышеприведенные ленинские определения советского демократизма живы теперь более, чем когда бы то ни было,—в том смысле, что именно в нынешнюю стадию пролетарской диктатуры мы должны суметь претворить их в жизнь (к этому партия уж приступила), суметь проложить этим идеям дорогу в многомиллионные народные массы, дать живые подлинные образцы такого демократизма во всем нашем строительстве, во всей повседневной жизни.

И столь же живо то, что сказано Лениным в программе РКП об ограничении буржуазии и о постепенном «выравнивании» рабочих и крестьян. Многомиллионные массы трудящихся ценят не внешнее, не показное, не отвлеченно-«демократическое». Разумеется, Советская власть, проведенная и самым последовательным образом, сама по себе есть только форма политического общежития, которая способна облегчить, ускорить обобществление средств производства, но еще не есть полный социализм. Советская власть сама по себе обеспечивает только политическую сторону дела —

говорил Ленин (см. главу XIV «Ленинизм и вопрос о победе социализма в одной стране»). Массы ценят прежде всего подлинную материальную возможность лучше, культурнее, сытнее, разумнее, здоровее жить, все больше вводить подлинное равенство. Мы вступаем теперь в ту полосу, когда эта возможность будет расти. На этой основе советский демократизм приобретет особенно большое значение, если мы сумеем его проводить так, как учил Ленин.

* * *

Недавно нам попалась в руки книжка г. Устрялова «Под знаком революции». Устрялов—автор знаменитого «спуска на тормозах» и не менее знаменитого изречения о «тактике или эволюции» большевиков — изречения, на которое известной репликой о грубой правде классового врага откликнулся Ленин. «Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны,— говорил в 1922 году Ленин.— Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая пред нами стоит... Это основная и действительная опасность» [1]). Устрялов — ловкий и пронырливый враг. Он опаснее Милюкова и К°, хотя последние более опытные и ловкие парламентские политиканы. Устрялов не прочь «возвеличить» Ленина, «усыновить» ленинизм,— истолковав его в духе сменовеховского национал-«большевизма». Пусть Ленин и ленинцы построят нам своими руками крепкую, богатую кулацко-«демократическую» Россию — вот нутро Устрялова, который умеет «идеи» меньшевизма и милюковщины подать куда «сочнее», «привлекательнее», чем сами меньшевики и милюковцы.

Н. Устрялов более или менее верно характеризует кое-что из нынешнего положения СССР, когда говорит: «Исчез, испарился враждебный государству дух. Во всем народе, обновленном бурею, но и уставшем от

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Доклад на XI съезде РКП, стр. 42.

нее, пробуждена воля к миру, к труду, к повиновению. Страна готова к нормальной жизни» [1]).

Да, страна готова к нормальной жизни, но «нормальной» явится у нас, к сведению г. Устрялова, именно система пролетарской диктатуры. «Нормализация» необходима, и к проведению ее мы приступили. Но это будет нормализация в пределах, в рамках диктатуры пролетариата. «Нормы», к которым стремится пролетариат и для достижения которых он прибегает к диктатуре, это совсем не те «нормы», о которых мечтают Устряловы.

Г-ну Устрялову явно снится уже «просо» буржуазно-демократической России.

В статье «Обогащайтесь!» (июнь 1925 г.), начинающейся текстом из священного писания: «ныне отпущаеши», Устрялов, бессовестно извращая правду, нагло коверкая каждое слово, сказанное кем-либо из нас, пишет:

«Лозунг жизни, лозунг выздоровления, гениальный (!) крик нутра (!!):

«Хозяева, обогащайтесь!..

«Скоро, того и гляди, услышишь бодрые, полнокровные голоса из деревни:

«— Да, я кулак, я советский кулак, и горжусь этим!..

«Еще немного, и мы, пожалуй, увидим, как на могучих хозяйственных грудях (кулаков! *Г. З.*) заблещут в деревне ордена «Красного Знамени»:

«Героям труда»... [2]).

«Что если на том свете дух П. А. Столыпина случайно встретится в эти дни с духом Свердлова, или, скажем, Володарского, или Либкнехта...

«Любопытно бы послушать соответствующий потусторонний диалог»... [3])

«Ныне отпущаеши. Наконец-то!

---

[1]) Н. Устрялов. «Под знаком революции» (сборник статей), Харбин, 1925, стр. 163.

[2]) Там же, стр. 194.

[3]) Там же, стр. 194.

«Лозунг роста и здорового индивидуализма, трезвый, как работящая деревня, неотвратимый, как жизнь, повелительный, как история» [1]).

Устрялов пытается «солидаризироваться» с лозунгом «лицом к деревне». Устрялов хватает за фалды всех нас. С таким же вожделением он восхищенно смакует слова о недопустимости «бедняцких иллюзий» [2]), злостно перевирая и здесь каждое слово, чтобы «доказать» мнимый отход коммунистов от защиты бедняка, сознательно извращая линию нашей партии.

Читатель видит: это настоящая песнь торжествующей... сменовеховщины. Недаром этот самый сменовеховец еще в ноябре 1921 г. писал, что НЭП это — не тактика, а эволюция, недаром Устрялов уже тогда вызвал справедливое замечание Ленина о классовом враге, к вещаниям которого не мешает прислушаться.

И чем более «ловок» этот классовый враг, чем больше старается он «обнять по этапу» нашу партию, тем больше необходимо нам прислушаться к только что приведенным его словам, написанным 5 июня 1925 г.

Рано злорадствует и зубоскалит идеолог новой русской буржуазии. Политика РКП ничего общего не имеет с тем, что хочет вычитать в этой политике Устрялов.

Да, «страна готова к нормальной жизни». Но этой нормальной жизнью будет нормальное развитие пролетарской диктатуры, вплоть до того периода, когда всякая диктатура станет излишней, когда классы будут уничтожены, когда всякое государство начнет «засыпать». Да, «страна готова к нормальной жизни», но она ни на минуту не забывает, что она окружена буржуазными государствами со всех сторон, что новая буржуазия и остатки старой буржуазии внутри СССР являются только частью, звеном, агентурой международной буржуазии, все еще сильной и могущественной, что и в современной рус-

[1]) Н. Устрялов. «Под знаком революции», стр. 192.
[2]) Там же, стр. 194.

ской деревне происходит расслоение, растет сельская буржуазия и т. д.

Попытки «hineininterpretieren» (вложить свой смысл) устряловщину в решения РКП очень лестны . . . для Устрялова — но эти шулерские выходки будут совершенно впустую. Устряловы (и те подспудные силы, выразителем которых являются Устряловы) хотят «истолковать» линию партии в смысле ставки на кулака, в смысле «перерождения» страны [1]) в полнокровную, сытую и обогащающуюся буржуазно-кулацкую «демократию». Но жив пролетариат СССР, жива его партия, жив ленинизм, жива растущая (хотя и медленнее, чем это было бы нужно) международная пролетарская революция, главная надежда русской пролетарской революции. Если в нашей партии отдельные лица иногда «не замечают» середняка, а другие плохо замечают кулака, то партия в целом (см. резолюции XIV партконференции) остается верна ленинизму до конца. Эти могучие факторы обеспечили развитие СССР в ленинском, а не в устряловском направлении.

* * *

Диктатура пролетариата действует не только принуждением, но и убеждением, не только приказом, но и показом, примером, пропагандой действием. Правильное сочетание принуждения и убеждения — половина победы.

Говоря вообще, у диктатуры пролетариата, как формы государственной власти, возможны две опасности. Одна опасность — уклон к тому, чтобы «передержать» диктатуру во времени, слишком затянуть ее или придать ей слишком закостенелые, недостаточно гибкие формы. Другая опасность — преждевременно ослабить диктатуру единственного до конца революционного класса и тем увеличить колебания промежуточных слоев, колебания, которые в последнем счете приносят колоссальный

[1]) См. Устрялов. «Семь лет», стр. 163.

вред не только пролетариату, но и самим этим промежуточным слоям. Это — опасность, что мелко-буржуазные силы «разбавят водою» пролетарскую диктатуру, развинтят основные «гайки» и тем самым дадут возможность буржуазии (и кулаку), опирающимся, не забудем, на международный капитал, прямотаки ударить по основным столбам пролетарской диктатуры. Это — опасность непринятия своевременных мер против подтачивания пролетарской диктатуры мелко-буржуазной ржавчиной антипролетарских влияний на государственный аппарат, на экономику, даже на партию.

Какая из этих двух опасностей более злободневна в СССР теперь? Само собою разумеется, что вторая. В стране с громадным преобладанием мелко-буржуазного населения; в стране, где мелко-буржуазная стихия чуть было не погубила (в 1920—21 году) революцию; в стране, проходящей через многолетний этап НЭП'а, т.-е. частичного возрождения и роста капитализма; в стране, где кулак имеет еще значительное политическое влияние в деревне; в стране, где обширнейший государственный аппарат, по справедливому указанию Ленина, еще насквозь заражен бюрократизмом, старым духом; в стране, где многочисленная интеллигенция только что еще начинает отказываться от надежд на прямую капиталистическую реставрацию; в стране, где эта мелко-буржуазная интеллигенция и новая буржуазия имеют тысячи связей с международной буржуазией; в стране, в которой крупная промышленность хотя и поднимается за последние годы быстро, но все еще только подходит к уровню времен царизма (1913 г.); наконец — последнее по счету, но не по важности — в стране, которая до сих пор окружена со всех сторон буржуазными государствами, — в такой стране актуальной угрозой пролетарской диктатуре, только еще начинающей хозяйственно упрочиваться, является, разумеется, вторая опасность. Но и она, разумеется, вполне преодолима и будет, вне всякого сомнения, побеждена.

Все дело, однако, в том, что побороть эту вторую опасность можно только в том случае, если в самом начале видеть и первую опасность, т.-е. *если уметь ставить все наши задачи в перспективе борьбы за бесклассовое общество*, если ясно видеть необходимость менять *формы* диктатуры, проявлять все большую эластичность и мягкость, т.-е. подлинное умение вести за собой все новые и новые миллионы и десятки миллионов трудящихся, новое революционное поколение, новое крестьянство, новую крестьянскую интеллигенцию и т. д. Поднимать все более глубокие пласты народа, втягивать в дело управления страной и хозяйством новые миллионы и десятки миллионов людей, видеть, как видел уже Ленин в 1918 г., что в недрах трудового народа, в толще масс «кипит организационная, творческая работа, бьет ключом обновляющаяся, освященная революцией жизнь», помочь тому, чтобы население *поголовно* училось управлять и начинало управлять, бороться не только словом, а делом за проведение в жизнь все большего и большего равенства — вот в чем задача пролетарской диктатуры в СССР в современный период [1]).

---

[1]) Мы не разобрали здесь крайне важной темы о классовой борьбе при диктатуре пролетариата. Мы говорим об этом особо в одном из параграфов главы «Ленинизм и НЭП». По плану работы мы сочли более удобным отнести названную тему к главе «Ленинизм и НЭП».

ГЛАВА XI.

ЛЕНИНИЗМ И НЭП. НЭП И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ.

Общая линия развития большевизма (или ленинизма) есть линия наступления: наступления на монархию, на помещичий класс, на буржуазию, на контр-революционную социал-демократию, на весь буржуазный мир. Но общая линия наступления не исключает — в тот или другой промежуток времени, на том или другом этапе исторического пути — того или иного стратегического отступления.

Что такое большевизм наступающий, это знают все. Этот большевизм достаточно наглядно показан на всемирном экране в 1917 году, в течение тех «десяти дней, которые потрясли мир». Но истинную сущность ленинизма нельзя полностью понять, если не изучить также стратегические отступления большевизма. Временно отступая перед более сильным врагом, **остаться верным самому себе,** остаться самим собою, это — одна из главных черт большевизма. Научиться этому трудному искусству — одна из главных задач происходящей ныне большевизации компартий. Вместо бесплодных споров о «принципиальной» допустимости «компромиссов», научись оставаться самим собою, т.-е. оставаться большевиком, т.-е. оставаться непримиримым врагом буржуазного строя при всех и всяческих условиях, в том числе и тогда, когда

обстоятельства принуждают тебя к стратегическому отступлению. Вот одна из заповедей ленинизма.

Наиболее важных стратегических отступлений в истории большевизма можно насчитать пять:

1. Отказ Ленина от бойкота Государственной Думы (и от бойкотистской тактики в годы падения революционной волны) в 1906 году, когда начинает вырисовываться перспектива более затяжного развития русской революции.

2. Июльские дни 1917 года. Больше, чем простая демонстрация, меньше, чем настоящее вооруженное восстание, — в это выливается июльское выступление. В течение нескольких часов приходится принимать кардинальное решение: наступать ли дальше, развивать ли демонстрацию в решающий бой, или — выводить армию из боя, заведомо с большим уроном итти на отступление. Учитывая соотношение сил, ленинизм принимает второй план.

3. Брестский мир. Отдать пространство, чтобы выиграть время. Брать «передышку» или итти напролом, готовясь «умереть с честью»; «лавировать и отступать» или принимать бой в неравных условиях. Ленинизм выбирает первое.

4. Война с Польшей. После бешеного наступления, после огненной попытки прорваться на Запад, сломив польский барьер империалистов, — поражение под Варшавой. Опасности, разумеется, далеко не так велики, как они были в дни перед Брестским миром; ставка не столь решающая; однако положение серьезное. Приходится решаться: собрать еще раз военный кулак, чтобы в сравнительно короткий срок вновь обрушиться на польский империализм (эта возможность не была исключена), но тем самым рисковать обострить недовольство крестьянства внутри советской страны и, быть может, прямо подвергнуть испытанию союз рабочего класса и крестьянства; или — итти на отступление, заключать худой мир; вновь, в меньшем масштабе, уступать в пространстве, чтобы выиграть во времени. Ленинизм решается на второе.

5. Новая экономическая политика (НЭП). Это — самое широко задуманное отступательное движение ленинизма. Это — самый крупный, самый ответственный, самый решающий стратегический маневр пролетарской партии. Это—отступление, исторический смысл которого до сих пор далеко еще не всем ясен. Это — отступление, имеющее кардинальное значение не только для судеб русской революции, но и для судеб революции международной. Без надлежащего понимания смысла и значения НЭП'а нельзя понять ленинизма, нельзя быть подлинным большевиком.

Каждый раз, когда большевизму приходилось предпринимать то или другое стратегическое отступление, неизбежно находились люди, группы, течения, фракции, направления, которые, не поняв исторического смысла данного стратегического маневра, кричали о «попрaвении» [1]) большевиков, о «перерождении» большевизма, о «сумерках коммунизма» и т. п.

«Левые» посылают эти упреки ленинизму, полные искренней горечи и отчаяния. Правые «констатируют» эту «эволюцию» «с удовлетворением» — «ведь мы всегда говорили!» Отступать «мы» всегда согласны, заявляют господа меньшевики. И те, и другие не понимают, что такое ленинизм. И те, и другие не понимают того, как партия пролетарской революции может остаться верной себе, несмотря на то или другое стратегическое отступление.

«Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед» — так говорил Ленин, характеризуя нашу стратегию в связи с НЭП'ом.

«**Только под одним этим условием** (подчеркнуто нами. *Г. З.*) мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики» [2]).

---

[1]) Не обходилось и без того, что частенько находились и группки большевиков, которые эти отступления так «углубляли», что начинали терять всякую революционную перспективу.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Из речи на пленуме Моссовета 18 ноября 1922 года, стр. 103.

Эти слова Ленина: «отступаем назад, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед» — превосходно годятся для того, чтобы характеризовать и все другие стратегические отступления большевизма.

«Что такое новая экономическая политика большевиков — эволюция или тактика?» Этот вопрос ставит Ленин весною 1922 года. «Так поставили вопрос сменовеховцы: Советская власть строит какое государство? Коммунисты говорят, что коммунистическое, уверяя, что это—тактика... Большевики могут говорить, что им это нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение» [1]).

И Ленин отвечает: «это очень полезно» выслушать «классовую правду классового врага» [2]). «Действительно, чья возьмет?»

Тактика—или эволюция? Временное отступление или внутреннее перерождение? Действительно, чья возьмет? — Это относится ко всем тем важнейшим стратегическим отступлениям большевизма, которые мы характеризовали выше.

* * *

Ленин не раз связывал вопрос о НЭП'е с гораздо более общим вопросом о возможной линии стратегического отступления пролетарской революции вообще. Он поставил в тесную связь именно с этой проблемой, например, и такой общий вопрос, как вопрос о возможности выработки программы Коммунистического Интернационала. Нельзя, говорил Ленин, так быстро выработать программу Коммунистического Интернационала, между прочим, и потому, что «мы почти совершенно не продумали вопроса о возможном отступлении и об обеспечении этого отступления. А между тем, с этим вопросом необходимо считаться в деле переустройства

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Из доклада о деятельности ЦК на XI съезде партии, стр. 41.
[2]) Там же, стр. 41, 42.

мира, уничтожения капитализма и связанного с такими трудностями создания социалистического строя» [1]).

«Я полагаю, что этот вопрос заслуживает внимания не только с точки зрения России, которая и до сих пор остается отсталой, но и с точки зрения Коммунистического Интернационала и западно-европейских передовых стран» [2]).

В том же месте Ленин напоминает — как и почти всегда, когда он в программной форме говорит о НЭП'е,— о своей статье, написанной еще в начале 1918 года против «левых» коммунистов, где выдвигалась идея, что государственный капитализм был бы шагом вперед по сравнению с тогдашним экономическим положением Советской Республики.

«Я этим не хочу сказать, что у нас уже был готовый план отступления. Этого не было. Эти краткие полемические строки не были в то время ни в коем случае планом отступления... И все же общая, неопределенная идея отступления этим была уже дана» [3]).

«Новая экономическая политика есть отступление, мы зашли дальше, чем могли удержать»... [4]). «Странное название. Эта политика названа новой экономической политикой потому, что она поворачивает назад» [5]).

«...В теоретической литературе, начиная с 1918 года, когда задача принятия власти стала и была большевиками перед всем народом раскрыта, в нашей литературе подчеркивалось определенно, что необходим длинный и сложный переход от капиталистического общества через социалистический учет и контроль

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», стр. 89.

[2]) Там же. НЭП вообще, разумеется, стоял в неразрывной связи с замедлением международной революции. См. об этом в главе XIV «Ленинизм и вопрос о победе социализма в одной стране».

[3]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 89.

[4]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, Речь на заседании комфракции всеросс. съезда металлистов, стр. 11.

[5]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Речь на пленуме Моск. Совета Р., К. и К. Д., стр. 103.

хотя бы к одному подступу к коммунистическому обществу. Это было нами в роде того, что забыто, когда пришлось в горячке гражданской войны делать необходимые шаги по строительству. Наша новая экономическая политика по сути ее в том и состоит, что мы в этом приеме потерпели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление: пока не разбили нас окончательно, давайте-ка отступим и перестроим все заново, но прочнее. Никакого сомненья в том, что мы понесли экономическое поражение на экономическом фронте, и поражение весьма тяжелое, у коммунистов быть не может, и мы ставим совершенно сознательно вопрос о новой экономической политике» [1]).

У нас иногда развивают ту мысль, будто НЭП вовсе и не был отступлением. Откуда и куда мы отступили? спрашивают нас — и отвечают: — от нелепостей военного коммунизма к более рациональным способам социалистического хозяйства! Разве же не ясно было, что такое положение, когда мы брали на учет каждую иголку, когда пытались национализировать мелкие парикмахерские и т. п., было неудержимо?

Такая постановка вопроса неправильна и не соответствует тому, как ставил Ленин вопрос о НЭП'е. НЭП есть не просто уничтожение эксцессов «военного коммунизма». Проводя НЭП, мы не просто уничтожали крайности военного коммунизма, нет, мы сделали не это — мы коренным образом переменили всю хозяйственную политику. И отступили мы вовсе не от военного коммунизма к социализму, а к своеобразному «государственному капитализму» в пролетарском государстве.

Что это отступление было абсолютно рациональным и необходимым, что оно единственно способно привести нас через ряд лет к прочной победе социа-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Речь на II всеросс. съезде политпросветов, стр. 372 — 373.

лизма, что НЭП и есть дорога к социализму, тот необходимый «длинный и сложный переход» к социализму, о котором говорит Ленин, это совершенно бесспорно. Но необходимое отступление, целесообразное отступление есть тоже отступление.

Неправильно, поэтому, изображать дело так, будто то отступление, каким бесспорно является НЭП, вовсе не есть отступление, а есть только нечто в роде увеселительной прогулки или путешествия по гладкому асфальту, есть только метод гладкого, безболезненного врастания в социализм, есть процесс, будто бы не сопряженный с опасностями.

Ленин не раз указывал на громадные ошибки, сделанные нами в эпоху военного коммунизма. Но он не говорил, что военный коммунизм был сплошной ошибкой, а, наоборот, заявил, что в целом он был нашей «заслугой» и вытек из всей обстановки гражданской войны. Но и переход к НЭП'у не был только поправкой к военному коммунизму, а был серьезным экономическим отступлением. Разумеется, если бы на минуту представить себе теперь, что русская революция могла бы «начать с начала», многое в области нашей хозяйственной политики мы сделали бы иначе. В какой мере мы могли бы в этом случае начать «прямо» с НЭП'а, гадать об этом теперь бесполезно. Изучая пройденный русской революцией путь, мы должны ясно и недвусмысленно сказать теперь, вслед за Лениным, что НЭП был отступлением.

Ленин знал, что, когда наша партия — партия победоносной пролетарской революции — заговорит об отступлении, неизбежно «часть товарищей впадет в состояние весьма кислое, почти паническое» [1]). Он, тем не менее, не боялся употребить слово «отступление» даже в самое тяжелое для нас время. На беско-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, т. I. Речь на II всеросс. съезде политпросветов, стр. 373.

*

печные вопросы о том, до каких же пор мы будем отступать, Ленин не без иронии отвечал:

«Отступать будем до тех пор, пока не научимся, не приготовимся перейти в прочное наступление. Ничего больше на это ответить нельзя. Отступать весьма неприятно, но когда бьют, тогда не спрашивают о приятности или неприятности».

И, смело ведя революцию вперед, Ленин прибавлял: «Надо внимательно рассмотреть конкретные условия, положение, надо определить, за что можно уцепиться,— за речку, за гору, за болото, за ту или иную станцию, потому что только, когда мы сможем за что-нибудь уцепиться, можно будет переходить к наступлению. И не надо предаваться унынию» [1]).

Нам нечего бояться отступления, мы завоевали себе достаточно обширный плацдарм, «мы завоевали громадные позиции, и если бы, начиная с 1917 по 1921 год, мы не завоевали себе этих позиций, у нас не было бы пространства для отступления — и в смысле географии, и в смысле экономическом и политическом» [2]).

«...Нам было ясно, что именно потому, что мы наступали так успешно в течение многих лет и одерживали так много необыкновенных побед, и что это в стране, невероятно разоренной, лишенной материальных предпосылок, чтобы закрепить это наступление, нам совершенно необходимо было, раз мы так много завоевали, совершенно необходимо было отступить» [3]).

Путь, проделанный российским пролетариатом от военного коммунизма к НЭП'у, имеет всемирно-историческое значение.

«. . . Революциям пролетариата, которые зреют во всех передовых странах мира,— говорит Ленин,— не удастся решить своей задачи без того, чтобы соединить

---

[1]) И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Заключительная речь на московской губпартконференции, стр. 408.

[2]) И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Речь на заседании коммунистической фракции всероссийского съезда металлистов, стр. 12.

[3]) И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, Доклад на XI съезде РКП (б.), стр. 37.

умение беззаветно бороться и наступать с умением отступать в революционном порядке. Опыт второй полосы нашей борьбы, т.-е. опыт отступления, тоже пригодится, вероятно, в будущем рабочим, по крайней мере, некоторых стран, как, несомненно, пригодится рабочим всех стран наш опыт первой полосы революции, опыт беззаветно смелого наступления» [1]).

* * *

Что диктатура пролетариата в крестьянской России будет иметь свои особенности — это Ленин знал, разумеется, с самого начала. Об этом ясно говорится в программе РКП (1919 г.) и т. д.

В 1919 году, в разгар военного коммунизма Ленин писал:

«В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами, вследствие очень большой отсталости и мелко-буржуазности нашей страны...

«Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного — в едином масштабе громадного государства — труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возраждающимся на его базе, капитализмом» [2]).

Как объяснял Ленин самую необходимость перехода от военного коммунизма к НЭП'у?

Особенно ценны объяснения, которые давал по этому поводу Ленин Коммунистическому Интернационалу. Эти объяснения особенно точны и ясны именно потому, что Ленин делал их перед всем международным пролетариатом. В этих случаях Лениным особенно тщательно взвешивалось каждое слово.

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. II. То же. Заключительное слово, стр. 70.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч. т. XVI. «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Написано 30/X — 1919 г., стр. 348.

Третий конгресс Коминтерна происходил летом 1921 г., т.-е. как раз в самом начале проведения НЭП'а. По свежим следам только-что начатой осуществлением новой экономической политики Ленин читает доклад на этом конгрессе Коминтерна о тактике РКП.

«Задача социализма состоит в том, чтобы уничтожить классы. В первых рядах класса эксплоататоров стоят крупные землевладельцы и капиталисты-промышленники» [1]).

Задачу уничтожения этого эксплоататорского класса мы в России выполнили легко.

«Мы в России экспроприировали наших эксплоататоров, крупных землевладельцев точно так же, как капиталистов» [2]). «Но, кроме этого класса эксплоататоров, почти во всех капиталистических странах, может быть, за исключением Англии, существует класс мелких товарных производителей и мелких земледельцев... Их нельзя экспроприировать или прогнать, здесь борьба должна вестись иначе. Значение периода, который начинается сейчас в России, с международной точки зрения, — если рассматривать международную революцию как единый процесс, по существу состоит в том, что мы практически должны разрешить вопрос об отношении пролетариата к последнему капиталистическому классу в России. Теоретически все марксисты хорошо и легко разрешали этот вопрос, но теория и практика две вещи разные и разрешить этот вопрос практически или теоретически это не одно и то же» [3]).

НЭП теснейшим образом связан с вопросом о взаимоотношении оставшихся у нас теперь в России двух основных классов — пролетариата и крестьянства.

«Впервые в истории существует государство, где имеются только эти два класса — только пролетариат и крестьянство. Крестьянство образует громадное большинство населения. Оно, конечно, очень

---

[1]) В. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической партии», стр. 323.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр. 325.

отстало. Как выражается практически в развитии революции отношение пролетариата, держащего в своих руках власть, к крестьянству?..

«Мы заключим союз с крестьянством» [1]).

Меньшевики в принципе тоже не отрицают союза с крестьянством, но меньшевики говорят: «крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, — продолжает Ленин,— то это практически означает не что иное, как восстановление капитализма».

«Когда мы (большевики. *Г. З.*) об этом говорим, то мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата» [2]).

Наш союз с крестьянством до сих пор был военным союзом (Красная Армия, гражданская война). Но «военный союз не может существовать без экономического союза... Наш союз с крестьянами никоим образом не мог бы продержаться в течение продолжительного времени без экономического фундамента» [3]). Не завоевав такой основы, мы не выдержали бы войны против буржуазии.

«...Первоначальная форма союза (военного союза рабочего класса и крестьянства. *Г. З.*) была очень примитивна и ...мы допустили очень много ошибок. Но мы должны были действовать возможно скорее, мы должны были во что бы то ни стало организовать снабжение армии» [4]) и т. д.

После гражданской войны задача иная. Теперь нужно, во что бы то ни стало, наладить хозяйственный союз рабочего класса с крестьянством в стране, где крестьянство преобладает.

«Если бы страна не была до такой степени разорена, как это имело место после 7 лет непрерывной войны, то был бы, пожалуй, возможен более легкий

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической партии», стр. 326.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр. 327.
[4]) Там же, стр. 328.

переход к новой форме союза между пролетариатом и крестьянством. Но и без того уже тяжелые условия в стране осложнялись еще неурожаем, недостатком фуража и т. д. Лишения крестьян стали вследствие этого невыносимыми. Мы должны были немедленно показать широким массам крестьянства, что мы готовы изменить революционным путем нашу политику...

«Таким образом пришло изменение нашей экономической политики» [1]).

На первых порах «крестьяне безусловно выиграли в России от революции больше, чем рабочий класс. В этом не может быть никакого сомнения. С теоретической точки зрения это, разумеется, показывает, что наша революция в известной степени была революцией буржуазной. Когда Каутский выдвигал против нас этот аргумент, мы смеялись. Естественно, что без экспроприации крупного землевладения, без изгнания крупных землевладельцев и без раздела земли бывает только буржуазная, а не социальная революция. Однако мы были единственной партией, которая смогла довести буржуазную революцию до конца и облегчить борьбу за социальную революцию... В общем, произошло улучшение в положении крестьянства, а на долю рабочего класса выпали тяжелые страдания и именно потому, что он осуществляет свою диктатуру» [2]).

«Диктатура пролетариата в России принесла такие жертвы, такую нужду и лишения для господствующего класса, для пролетариата, каких никогда не знала история» [3]). Класс-гегемон должен взять на свои плечи эти лишения. Без этого он не может осуществить свою историческую миссию.

«Наиболее развитые политически элементы,—и даже среди них лишь самые лучшие,— понимают, что, мы

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической партии», стр. 328.
[2]) Там же, стр. 330.
[3]) Там же, стр. 329.

должны в интересах диктатуры рабочего класса сделать величайшее усилие, чтобы помочь крестьянству какой угодно ценой» [1]).

Пролетариат — руководитель революции. Но именно поэтому он должен понять, что «без крестьянских масс, без того, чтобы с ними не находиться в хороших отношениях, мы не могли бы существовать».

Новая экономическая политика продиктована необходимостью, во что бы то ни стало, закрепить «хорошие отношения» с крестьянством на основе новой хозяйственной политики. Это требует уступок крестьянству, уступок немедленных и решительных.

«Авангард рабочего класса понял это, но есть еще в нем, в этом авангарде люди, которые слишком утомлены, чтобы понять это. Они увидели в этом ошибку, стали употреблять слово оппортунизм... Крестьянин, который эксплоатирует нас, получает, мол, все, что ему угодно, а рабочий голодает.

«Разве это оппортунизм? Мы помогаем крестьянам по той причине, что *без союза с крестьянством невозможна политическая власть пролетариата, невозможно удержание ее*. Именно этот мотив целесообразности был для нас решающим» [2]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

И в заключение Ленин, обращаясь ко всему Коммунистическому Интернационалу, говорит:

«Натуральный налог обозначает, само собою разумеется, свободу торговли... Эта свобода обмена обозначает свободу капитализма. Мы говорим это открыто и подчеркиваем это. Мы этого отнюдь не скрываем...

«*Свобода торговли обозначает свободу капитализма, но это обозначает новую его форму*... Это есть государственный капитализм. Но *государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капи-*

[1]) В. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической партии», стр. 330 — 331.

[2]) Там же, стр. 331.

талу, и государственный капитализм в пролетарском государстве—это два различных понятия (подчеркнуто нами. *Г. З*). В капиталистическом государстве государственный капитализм обозначает, что капитализм признается государством и контролируется государством на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса» [1]). (5 июля 1921 г.).

Вот как по свежим следам событий Ленин определял причины перехода от военного коммунизма к НЭП'у. Вот как определял он социально-экономическую сущность НЭП'а.

НЭП, это—государственный капитализм в пролетарском государстве.

«При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. При ином уровне культуры можно было бы решить задачу прямее, и, может быть, другие страны так ее и решат, когда придет время строения их коммунистических республик. Но мы прямым путем не можем решать вопрос» [2]). — Так говорил Ленин в начале НЭП'а. (Октябрь, 1921 г.)

«Новая экономическая политика означает замену разверстки налогом, означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере... Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти.

«Это самая основная экономическая азбука, преподаваемая в начатках экономической науки» [3]).

Задача в том, «чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему» [4]).

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической партии», стр. 331—332.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Речь на II всероссийском съезде политпросветов, стр. 380.

[3]) Там же, стр. 374.

[4]) Там же, стр. 375.

Второй раз Ленин объяснял международному пролетариату причины и сущность НЭП'а на IV Всемирном конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года, когда очертания НЭП'а стали еще более ясны, когда накопился уже известный практический опыт для оценки НЭП'а.

В этом докладе, который был последним публичным выступлением Владимира Ильича перед представителями мирового пролетариата и вообще одним из его последних перед роковым заболеванием выступлений, Ленин вновь возвращается к истории возникновения НЭП'а. Мы провели, говорит он, успешно гражданскую войну, но «после того, как мы проделали все важнейшие этапы гражданской войны, и проделали с успехом, мы наткнулись на большой, — я полагаю, на самый большой, — внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас».

Итак, еще и еще раз причины возникновения НЭП'а ведут нас к вопросу о крестьянстве, к вопросу о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства в период, когда военный союз должен был замениться союзом на хозяйственной почве.

Хочешь понять причины возникновения НЭП'а, вдумайся в вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства — вопрос, являющийся основным для всей нашей революции. Ключ к пониманию возникновения НЭП'а надо искать именно в сфере взаимоотношений рабочего класса и крестьянства.

«Чем было вызвано, — продолжает Ленин, — это своеобразное и для нас, разумеется, очень неприятное положение?»

И отвечает:

«Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись впе-

ред, не обеспечив себе достаточной базы. Массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы, и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление и ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель» [1]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Итак, когда нас спрашивают, «от чего» мы отступили, введя НЭП, мы отвечаем словами Ленина: «Мы отступили от непосредственного перехода к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению». Когда нас спрашивают, «куда» мы отступили, мы отвечаем словами Ленина: «к государственному капитализму в пролетарском государстве». Когда нас спрашивают, «почему» мы отступили, мы отвечаем словами Ленина: «потому, что промышленная база в нашей стране недостаточно сильна», потому, что громадное большинство населения в нашей стране состоит из крестьян и потому, что «без крестьянских масс, без того, чтобы с ними не находиться в хороших отношениях, мы не могли бы существовать» — особенно при затяжке мировой революции.

В замечательной статье Ленина «О значении золота теперь и после полной победы социализма» это сказано так: «мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступим в меру» [2]).

Когда нас спрашивают, достиг ли НЭП своей цели, мы отвечаем словами Ленина (в том же докладе на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.): да, достиг. «Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, определяли общую картину России, почти

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 90.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 415.

совершенно исчезли... Мы считаем, что эти доказательства более важны, чем какие-нибудь статистические доказательства» [1]).

А теперь (в 1925 г.) можем прибавить: да, НЭП достиг своей цели — ибо 1) наша промышленность быстро идет к довоенному уровню, 2) транспорт — тоже, 3) валюта укрепилась, 4) зарплата растет, 5) сельское хозяйство подымается, 6) социалистические элементы хозяйства растут.

Истоки новой экономической политики, ее корни, ее основные причины находятся в первую очередь в области взаимоотношений пролетариата и крестьянства в нашей собственной стране.

Закрепить союз рабочего класса и крестьянства — этих двух основных классов революции — на новой стадии после окончания гражданской войны; закрепить этот союз на незыблемой хозяйственной основе, удовлетворяющей громадную массу крестьянства, — вот подлинная задача новой экономической политики.

Основное в новой экономической политике это вопрос о крестьянстве.

* * *

НЭП является отступлением к государственному капитализму не в том смысле, что мы вновь отступаем назад к уже пройденной главе. Дело в России обстояло не так, что мы имели уже государственный капитализм, от него шагнули к социалистическому строю и затем возвратились вновь назад к государственному капитализму. Дело стоит так, что в России дооктябрьской мы имели рядом с крепостническими и частнокапиталистическими устоями слабые элементы государственного капитализма, пытались шагнуть от дооктябрьской России прямо к социализму и вынуждены были затем вернуться назад, чтобы, через

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 93.

государственный капитализм, подчиненный пролетарскому государству, начать более прочно переходить к социализму.

Мы — социалистическая республика (Союз социалистических республик). Можно ли при таком положении вещей говорить о том, что в нашем социальном укладе государственный капитализм играет большую роль? Можно и должно.

«Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение «Социалистическая Советская Республика» означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими» [1]).

Говоря о государственном капитализме, Ленин всегда возвращался к своей статье от весны 1918 года, а также напоминал о том, что до завоевания власти рабочим классом при режиме Керенского он ставил вопрос о государственном капитализме примерно в той же плоскости, в какой поставил его в 1921 году.

Еще в «Грозящей катастрофе» (сентябрь 1917 г.) Ленин пишет: «Социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [2]).

Напомним, что и в своей последней работе «О кооперации» Ленин писал:

«Всегда, когда я писал о новой экономической политике, я цитировал свою статью 19 года (1918 г. *Г. З.*) о государственном капитализме. Это вызывало не раз сомнения некоторых молодых товарищей. Но их

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII ч. I, «О продналоге», стр. 203.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II. «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», стр. 208.

сомнения направлялись преимущественно по адресу абстрактно-политическому. Им казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу и этому рабочему классу принадлежит государственная власть» [1]).

И Ленин разъясняет, что, «вводя читателя в новую экономическую политику», он старался «установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным, даже совсем необычным, государственным капитализмом», который вводили мы в советской стране. «Я уже тогда доказывал, — пишет Ленин, — что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики».

Итак, от «Грозящей катастрофы» (1917 год) до последней работы «О кооперации» (1923 год) красной нитью в писаниях Ленина проходит положение о государственном капитализме.

«Что такое государственный капитализм при Советской власти?», спрашивал Ленин в докладе об очередных задачах Советской власти (апрель 1918 года) и отвечал:

«В настоящее время осуществлять государственный капитализм, это значит проводить в жизнь тот учет и контроль, который осуществляли раньше капиталистические классы. Мы имеем образец государственного капитализма в лице Германии и мы знаем, что она оказалась выше нас. И, если подумаете хоть сколько-нибудь над тем, что бы значило в России, Советской России, обеспечение основ такого государственного капитализма, то всякий, не сошедший с ума и не забивший себе голову обрывками книжных истин, человек должен был бы сказать, что в государственном капитализме для нас спасение. Если бы мы имели его в России, тогда переход к полному социализму был бы легок, он был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 142 — 143.

централизованное, подсчитанное, контролированное и обобществленное, а нам-то и не хватает как раз этого... Я позволю себе напомнить вам, что я писал о государственном капитализме за несколько дней до переворота, когда имелось в виду революционно-демократическое государство — государство Керенского, Чернова, Церетели, Кишкина и пр. братии... Я говорил тогда, что государственный капитализм есть шаг к социализму; я писал это в сентябре 1917 года и теперь, в апреле 1918 года, после того, как в октябре пролетариат взял власть» [1]).

Чтобы понять всю неверность тогдашних возражений против взглядов ленинизма на значение государственного капитализма в советском строе, не лишне обратиться к статьям «левых» коммунистов против государственного капитализма, написанным еще в 1918 году. Мы имеем в виду статьи из органа левых коммунистов «Коммунист» [2]).

Заявления Ленина о государственном капитализме эпохи 1918 года «левые» коммунисты считали прямой изменой пролетарской революции.

«Весьма возможной становится тенденция к уклонению большинства коммунистической партии и руководимой ею Советской власти в русло мелко-буржуазной политики нового образца».

Ленинская политика ведет-де к тому, что наша революция начинает «застывать в систему государственного капитализма и мелко-буржуазных хозяйственных отношений».

Эта политика «ставит себе задачу не пролетарской борьбы в союзе с западно-европейским пролетариатом за низвержение империалистической системы, а оборону фермерского (!!) отечества от тягот империализма, что можно достигнуть и путем компромисса с ним».

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 235 — 236.

[2]) Рекомендуем к тщательному изучению след. статьи из названного органа: 1) «Тезисы о текущем моменте», 2) «О строительстве социализма» (статья т. Осинского), 3) «Прямые ответы» (его же), 4) «Экономические заметки».

Эта политика может «оказаться только переходной стадией к полному господству финансового капитала».

«Это значит не только перекидывать мостик к государственному капитализму, но и поддерживать в интеллигенции ее материальную и психологическую связь с финансовым капиталом».

При продолжении этой политики Советская власть «вынуждена будет опереться против рабочих на другой класс (напр., крестьянство), и этим она погубит себя как диктатуру пролетариата. Социализм и социалистическая организация труда будут построены самим пролетариатом, или они не будут вовсе построены, а будет построено нечто иное — государственный капитализм».

«Перед российским пролетариатом после Брестского мира открылись два пути. Один путь ведет к мелкобуржуазному перерождению Советской власти и государственному капитализму, другой путь — к сохранению пролетарской диктатуры и укреплению ее основы путем строительства пролетарского социализма».

«...Или, или... или вы возвращаетесь к буржуазному строительству — в новом, подчищенном, освобожденном от крепостничества, виде. Это тоже исход... Или же вы идете вперед по пути к социализму».

Все эти замечательные рассуждения венчаются прямыми угрозами создать другую партию «пролетарских коммунистов» и великодушным согласием поддержать Советскую власть лишь «постольку, поскольку» (буквально!).

Такова была первоначальная «девственная» позиция «левых» коммунистов против ленинской постановки вопроса о государственном капитализме в советском строе.

Обрушиваясь на «левых» коммунистов, Ленин упрекал их в том, что они «забыли ту мелочь, что в России мы имеем массу мелкой буржуазии, которая, сочувствуя уничтожению крупной буржуазии всех стран,

не сочувствует учету, обобществлению и контролю у себя внутри» [1]).

Государственный капитализм при Советской власти есть прямая ступень к социализму, есть три четверти социализма — говорил Ленин.

«Государственный капитализм при демократии Керенского был бы шагом к социализму, а при Советской власти был бы тремя четвертями социализма».

И он замечал: «только развитие государственного капитализма, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет» [2]).

Ставя в такой плоскости вопрос о государственном капитализме, Ленин исходил вовсе не из мимолетных соображений о воздействии на ту или другую группу наших работников (т.-е. «педагогических» соображений), а исходил из глубочайшего анализа экономики той страны, с которой ему приходилось иметь дело. Величие Ленина в том, между прочим, и состоит, что он, как великолепный скульптор со своей глиной, умеет управляться с элементами экономики того периода и той страны, где ему приходится непосредственно действовать. Когда политическая власть была завоевана рабочим классом нашей страны, когда буржуазия была политически опрокинута и экономически экспроприирована, когда вчерне была выполнена эта предварительная работа, очищавшая путь к началу строительства социализма, тогда Ленин особенно глубоко задумался над экономическим укладом той страны, где отныне предстояло подвизаться пролетариату, как господствующему классу. Буржуазия низвергнута, экспроприирована, политически раздавлена; пролетариат у власти; политиче-

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. Доклад об очередных задачах Советской власти, стр. 236.

[2]) Там же, стр. 236, 237.

ская победа огромна; Рубикон перейден, начинается новая эпоха. Но все величие победы не заслоняет перед Лениным того факта, что экономика той страны, где впервые, в силу стечения обстоятельств, власть досталась пролетариату, очень отстала. Ленин берет теперь особенно тщательно под микроскоп экономический уклад России — той России, которая освобождена ныне от власти капиталистов и в этом смысле сделала громадный прыжок вперед, но экономика которой все же, пока что, остается старой, отсталой. Разглядывая эту экономику через марксистский микроскоп, Ленин приходит к выводу, что в доставшейся нам освобожденной от капиталистического всевластия России имеются элементы не одного, а нескольких экономических укладов.

«Каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России? А в этом весь гвоздь вопроса» — пишет Ленин.

«В данном строе есть элементы, частички, кусочки» и капитализма, и социализма... Перечислим эти элементы» — говорит Ленин. И он перечисляет:

«1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частно-хозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм.

«Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

«Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелко-крестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелко-буржуазная стихия... Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борются вместе, заодно,

и против государственного капитализма, и против социализма» [1]).

Эту классификацию элементов различных общественно-экономических укладов, переплетающихся в одном клубке в Советской России, Ленин повторяет не раз, в частности и в своих докладах на конгрессах Коминтерна, о которых (докладах) мы говорили выше.

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десяткигромадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка, вернее — десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, т.-е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом? Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?..

«... На ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму. «Мы» часто сбиваемся все еще на рассуждение: «капитализм есть зло, социализм есть благо». Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них.

«Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм не-

[1]) И. Ленин. Собр. соч., том XV. «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», стр. 264.

избежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил» [1]).

НЭП есть правильное (с точки зрения перехода к коммунизму) сочетание частных интересов мелких производителей с государственными интересами пролетариата, господствующего в стране.

«Теперь мы, — говорит Ленин, — нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» [2]).

Мы теперь нашли... что мы нашли? В НЭП'е мы нашли конкретный путь к социализму в крестьянской стране, находящейся еще в буржуазном окружении.

К этому нам надо прибавить «только» еще культурный переворот, требующий большого, очень большого времени.

«Чтобы достигнуть через НЭП участия в кооперации поголовно всего населения — вот для того требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно—два десятилетия» (подчеркнуто нами. *Г. З.*). [3]).

«НЭП... представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего» [4]).

НЭП есть правильное сочетание частных интересов крестьянской массы, как

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «О продналоге», стр. 221—222.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «О кооперации», стр. 139—140.
[3]) Там же, стр. 141—142.
[4]) Там же, стр. 141.

массы мелких производителей («мелкого и мельчайшего крестьянства»), с государственными интересами пролетариата, организующего социалистическое производство.

* * *

Наш государственный капитализм приходится отличать, во-первых, от государственного капитализма вообще (от государственного капитализма буржуазных стран) и, во-вторых, от частно-хозяйственного капитализма. От первого наш государственный капитализм отличается тем, что это государственный капитализм под контролем пролетарского государства. От второго он отличается тем, чем вообще государственный капитализм отличается от частного капитализма.

Капитализм вообще (или просто капитализм) растет в нашей стране прежде всего из крестьянского хозяйства.

«Крестьянство осталось собственником в своем производстве, и оно порождает новые капиталистические отношения. Вот основные черты нашего экономического положения» (подчеркнуто нами. *Г. З.* — так говорил Ленин еще до введения НЭП'а [1]).

«... Она («новая буржуазия». *Г. З.*) рождается не только из наших советских служащих (ничтожным образом она может нарождаться и отсюда), она нарождается из среды крестьянства и кустарей (подчеркнуто нами *Г. З.*)... Это факт. Каким же образом вы этот факт хотите обойти? Вы этим только тешите свои иллюзии, или вносите недостаточно продуманную книжку в действительность, которая гораздо сложнее. Она показывает нам, что в России капиталистическое товарное хозяйство живет, действует, развивается, рождает

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII. Речь на III Всероссийском съезде профсоюзов, 7 апреля 1920 г., стр. 102.

буржуазию, как во всяком капиталистическом обществе» (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Это Ленин говорил еще раньше, в 1919 г. (т.-е. в разгар военного коммунизма) в заключительном слове по вопросу о партийной программе на VIII съезде РКП [1]) и говорил как раз против остатков идеологии «левого» коммунизма, «отрицавшего» ленинские взгляды на государственный капитализм в пролетарской стране.

В высшей степени важен в этом отношении весь доклад Ленина на VIII съезде РКП, посвященный обоснованию программы партии. Это был действительно программный доклад. В полемике против товарищей, оспаривавших необходимость воспринять в новой программе РКП часть старой программы 1903 г., посвященной характеристике развития капитализма, Ленин говорил:

«Выскочить из этой печальной действительности посредством создания гладкой и цельной программы значит выскочить в нечто безвоздушное и заоблачное... Тот капитализм, который был обрисован в 1903 году, продолжает оставаться и в 1919 году в Советской пролетарской республике, как раз благодаря разложению империализма, как раз в силу его краха. Такой капитализм можно найти, например, и в губернии Самарской, и в губернии Вятской, не слишком далеких от Москвы...

«Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством, то империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом. Если разрушить его верхушку, обнаружится старый капитализм...

«Империализм есть надстройка над капитализмом. Когда он разрушается, приходится иметь дело с разрушением верхушки и обнажением основания... Есть старый капитализм, который в целом ряде областей дорос до империализма... В действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма.

---

[1]) И. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 132, 133.

Есть надстройка империализма, которая привела к войне, и из этой войны вытекло начало диктатуры пролетариата. Из этой фазы вы не выскочите. Этот факт характеризует самый темп развития пролетарской революции во всем мире, и останется фактом на много лет» [1]).

В этих немногих словах — громадное содержание. Буквально в нескольких строках мы находим тут самое существенное об империализме вообще и в то же время самое существенное об экономике России после завоевания власти в ней пролетариатом. И в Самарской, и в Вятской губерниях, не слишком далеких от Москвы, вы найдете капитализм и в 1919 году, т.-е. через 2 года после завоевания власти пролетариатом. Это говорилось в разгар военного коммунизма. С тем бо́льшим основанием говорил об этом Ленин в 1921 году, с момента введения НЭП'а.

Итак, и после взятия власти пролетариатом капиталистическое товарное хозяйство — несмотря на систематически растущие элементы социалистического хозяйства — живет, действует, развивается, рождает буржуазию, беря начало прежде всего в индивидуальном крестьянском хозяйстве. И до тех пор, пока нам не удалось в основном перестроить самое крестьянское хозяйство на началах коллективизма, изменить это невозможно. А чтобы перестроить крестьянское хозяйство, нужны, во-первых, годы и годы, нужно реализовать программу электрификации, т. е. нужно поднять на громадную высоту крупную индустрию, нужно поголовно кооперировать крестьян, нужно уничтожить неграмотность и т. д. и т. д. Теперь мы начали это делать успешно, и мы это доделаем, без всякого сомнения. Но — пока только начали.

Государственный капитализм есть станция, этап по пути от частного капитализма к социализму.

«Самый простой случай или пример того, как Советская власть направляет развитие капитализма

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. стр. 114—115.

в русло государственного капитализма, как она «насаждает» государственный капитализм, это—концессии... «Насаждая» государственный капитализм в виде концессий, Советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно-упорядоченные экономические отношения в противовес мелко-буржуазно анархическим» [1]). — Что же такое концессия с точки зрения экономических отношений? Это есть государственный капитализм».

Концессия приобретает — говорит Ленин (в докладе на X съезде РКП о продналоге) — «вид блока» с иностранным капитализмом — вид блока, который в последнем счете выгоден пролетариату нашей страны, т.-е. выгоден мировой пролетарской революции. «Левые» коммунисты, объявившие в самом начале войну Ленину за его «преступные» мысли о государственном капитализме, превращали «вид блока» в прямой политический блок, в капитуляцию перед иностранным капиталом. Вспомним, как в начале 1918 г., когда речь зашла о концессии Мещерского, лидеры «левого» коммунизма прямо и открыто обвиняли Ленина в том, что он предает революцию пролетариата в руки крупных капиталистов.

Итак, концессия с точки зрения экономических отношений есть государственный капитализм.

«Государственный капитализм в виде концессий является по сравнению с другими формами государственного капитализма внутри советской системы едва ли не самой простой, отчетливой, ясной, точно очерченной...» [2]).

В качестве второго примера государственного капитализма в советской стране Ленин берет кооперацию.

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «О продналоге», стр. 217.
[2]) Там же, стр. 218.

«Кооперация есть тоже вид государственного капитализма, но менее простой, менее отчетливо очерченный, более запутанный» [1]).

...«Кооперативный» капитализм в отличие от частнохозяйственного капитализма является, при Советской власти, разновидностью государственного капитализма... Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (советским в данном случае) и капиталистом. Кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму» [2]).

Мы дальше остановимся на последней, предсмертной работе Ленина о кооперации и докажем, что эта последняя работа есть только развитие только-что приведенных взглядов Ленина, что брошюра «О продналоге» (1921 г.), которую мы цитировали выше, и «Запись из дневника» о кооперации (1923 г.) представляют во всем основном одну логическую цепь.

«Возьмем третий вид государственного капитализма, — продолжает Ленин. — Государство привлекает капиталиста, как торговца, платя ему определенный комиссионный процент за продажу государственных продуктов и за скупку продуктов мелкого производителя.

«Четвертый вид: государство сдает в аренду предпринимателю-капиталисту принадлежащее государству заведение, или промысел, или участок леса, земли и т. п., при чем арендный договор похож более всего на договор концессионный» [3]).

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 218.
[2]) Там же, стр. 219.
[3]) Там же, стр. 220.

«Что же оказалось?» — спрашивал Ленин в конце 1921 г., после опыта первого полугодия НЭП'а. — «Оказалось... что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу... Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля. Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!.. Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь» [1]).

Кто до сих пор еще не вполне усвоил то, что говорил Ленин о государственном капитализме в нашей стране, пусть вдумается в только-что приведенные слова Ленина.

Нет никакого сомнения в том, что, скажем, устойчивость нашего червонца, как и вообще результаты проведенной денежной реформы имеют гигантское значение для нашей революции и служат лучшим показателем прочности пролетарской диктатуры. Мы все гордимся тем, что советский червонец котируется на иностранных биржах. Мы знаем, что без твердой, действительно твердой, валюты не могло быть и речи о прочном поднятии нашего хозяйства. Но разве червонец означает социализм? Разве не служит наш превосходный, твердый, советский червонец выражением как раз «государственного капитализма» в пролетар-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. I. Из речи на московской губпартконференции 29 октября 1921 г. стр. 398—399.

ском государстве — государстве, строящем социализм, но еще не построившем его?

«Мы, пролетариат России, в п е р е д и любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем п о з а д и самого отсталого из западно-европейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма» [1]).

В той же статье Ленин говорил о том, что «социализм немыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки», и напоминал, что история «р о д и л а к 1918 г. две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны» [2]).

Ленин не переставал разъяснять, какое громадное значение имеет для большевизма установление правильных взглядов на государственный капитализм в пролетарском государстве.

Еще на XI съезде партии в политическом отчете ЦК—это был последний отчет, который делал Ленин,— Владимир Ильич говорил:

«По вопросу о государственном капитализме наша пресса и вообще наша партия делают ту ошибку, что мы впадаем в интеллигентщину, в либерализм, мудрим насчет того, как понимать государственный капитализм, и заглядываем в старые книги... Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты

[1]) Н. Л е н и н. Собр. соч., том XV. «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности», стр. 272.
[2]) Там же, стр. 268.

и неопровержимых указаний... Государственный капитализм... это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство, это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить. Вот в чем вся штука» [1]).

Возражая Преображенскому, Ленин в заключительном слове по тому же докладу говорил:

«... Прежде всего по вопросу о госкапитализме. «Госкапитализм есть капитализм» — говорил Преображенский, — и только так понимать можно и должно. Я утверждаю, что это есть только схоластика. До сих пор никто не мог написать такой книжки о капитализме в истории человечества, потому что это впервые теперь переживаем только мы... Государственный капитализм, это—капитализм до такой степени неожиданный, никем абсолютно не предвиденный, ведь никто не мог предвидеть того, что пролетариат достигнет власти в стране из наименее развитых и попытается сначала организовать крупное производство и распределение для крестьян, а потом, когда, по условиям культурным, не осилит этой задачи, — привлечет к делу капитализм... Относительно государственного капитализма нужно знать то, что должно стать лозунгом для агитации и пропаганды, что необходимо разъяснять, добиваться практического понимания. Это — то, что государственный капитализм у нас теперь не тот, о котором писали немцы. Это — капитализм, допущенный нами» [2]).

Увы, у нас до сих пор еще любят в вопросе о государственном капитализме изображать дело так, будто у Ленина это было только мимоходом брошенное слово, да и то «неудачно», будто нам необходимо в этом вопросе быть «левее» Ленина и т. п.

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 34 — 35.
[2]) Там же, стр. 58, 59, 60.

«Государственный капитализм» — это, видите ли, звучит недостаточно «гордо»! Забывают при этом последние слова из последней речи Ленина — его лебединой песни — на заседании Московского Совета, — слова о том, что Россию нэповскую мы превратим в Россию социалистическую.

«Нэповская Россия» — ведь это тоже звучит, пожалуй, недостаточно гордо! Чем «нэповская Россия» благозвучнее, чем «государственный капитализм в пролетарской стране»?

Элементы социализма в нашем хозяйстве растут и будут расти еще быстрее. Но нашу страну еще только надо превратить, как завещал нам Ленин, из нэповской в социалистическую? Неужели для того, чтобы отдать самим и призывать других отдать всю жизнь на дело строительства социализма, нужно тешить себя иллюзиями, будто государственного капитализма (и капитализма вообще) у нас уже нет, будто, куда ни глянешь, — кругом уже процветает социализм?

Ничего, кроме вреда, такая «политика» принести не может. Если то, что мы видим вокруг себя сейчас, и есть социализм, тогда не высокого же качества этот ваш социализм — скажет рабочий. И будет прав.

Политика иллюзий никогда еще не приносила добра рабочему классу и пролетарской партии. Подкрашивание действительности принесло бы особенно большой вред именно в нынешнюю стадию нашего строительства, когда реальные результаты достигаются, но достигаются лишь путем величайшего напряжения сил. Разве даже в современных наших государственных трестах, в их операциях, в их системе работы, в их окружении и т. д. и даже в нашей современной кооперации нет элементов капитализма? Разве рабочие, крестьяне, народ не видят, не чувствуют этого? Разве не почувствуют рабочие всей фальши, если мы будем преподносить им сладенькие фразы о том, что это и есть социализм.

А тем более—в сельском хозяйстве. После взятия власти пролетариатом все мы рассчитывали на то, что

переделка крестьянского хозяйства в социалистическом направлении, хотя и медленно, но верно будет двигаться вперед. Мы видим теперь, что дело в этом отношении идет еще медленнее, чем кто-либо из большевиков в 1917 году себе это представлял. Уже начиная с «Грядущей катастрофы» и «Удержат ли большевики государственную власть» ленинизм подготовлял целый ряд шагов для того, чтобы после взятия власти пролетариатом как можно энергичнее задержать капиталистическую эволюцию сельского хозяйства и повернуть развитие сельского хозяйства в нашей стране на социалистические рельсы. И закон о социализации земли, принятый нами после перехода власти к пролетариату, и соответствующий пункт нашей партийной программы, принятый на VIII съезде РКП, говорят о том же. А ход событий в действительности таков, что с 1921 г. нам пришлось ввести НЭП, явившийся, как мы видели выше, в первую очередь, именно уступкой крестьянству, как мелкому производителю. А случилось так, что в 1925 году, в интересах развития производительных сил деревни, нам пришлось делать еще дополнительные уступки даже крестьянской верхушке (аренда земли, применение наемного труда в сельском хозяйстве) — и лишь окольными путями медленно, но верно, итти к социалистическому строительству в деревне.

Что после завоевания власти пролетариатом этот последний обязан сделать все возможное для того, чтобы повернуть сельское хозяйство с путей капиталистической эволюции на путь некапиталистического развития, это абсолютно верно. Что добиться этого при благоприятных обстоятельствах пролетариат может — это также вне сомнений. Но нельзя торжествовать мнимую победу некапиталистической эволюции в сельском хозяйстве как раз тогда, когда нам приходится делать еще дополнительные уступки именно капиталистическим элементам сельского хозяйства, когда мы только еще начинаем «обходить» сельских капиталистиков с тылу мерами хозяйственной работы в деревне, когда батра-

чество численно растет довольно быстро! Нельзя забывать, что капитализм в такой стране, как наша, растет прежде всего из крестьянства (см. выше сказанное Лениным)! Нельзя скрывать от себя то, что говорил Ленин о значении государственного капитализма в нашей советской стране! Через кооперацию, через начавшийся подъем индустрии мы, несомненно, переделаем деревню и завоюем ее для социализма. Но желательное, будущее нельзя принимать за существующее.

В одной из своих самых замечательных работ («Аграрная программа с.-д-тии в русской революции 1905—07 гг.») Ленин писал, полемизируя против меньшевизма:

«Он (Плеханов *Г. З.*) смешивает народничество, учение о возможности некапиталистической эволюции, с марксистским взглядом на возможность двух видов капиталистической аграрной эволюции» [1]).

Два вида капиталистической эволюции это — 1) либерально-меньшевистская программа сделки с помещиками (выкуп, муниципализация) и 2) большевистская программа плебейской крестьянской революции под руководством пролетариата (конфискация без выкупа, национализация земли, доведение до конца буржуазно-демократической революции). Народничеством называл Ленин «учение о возможности некапиталистической эволюции».

Таковы были оценки применительно к революции 1905 года.

Как вышло в действительности? В главном Ленин оказался прав.

После Октябрьской революции 1917 года оценки, конечно, изменились.

В каком смысле?

С 1905 по 1917 гг. капиталистическое развитие (капиталистическая эволюция) в деревне продолжалось усиленно. Две революции 1917 года опрокинули помещиков, «разгородили» землю. Буржуазно-демократическая

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. IX, стр. 537.

революция была доведена до конца. Власть перешла в руки пролетариата. Тогда — и только тогда — стало возможным говорить о задержке капиталистической эволюции деревни и о серьезной попытке целой системой мер победившего пролетариата перевести эту эволюцию на другие рельсы. 1917—1921 гг. показали, что дело это отнюдь не легкое. Пришлось перейти к НЭП'у, который был уступкой прежде всего крестьянству. Наша крестьянская политика 1925 года есть попытка дальнейшего приспособления задач социалистической политики к условиям производства «мелкого и мельчайшего крестьянства». Мы твердо уверены, что на этом пути мы задержим капиталистическую эволюцию деревни и повернем ее на другие, социалистические, рельсы. Но «задержим» и «повернем» не значит еще «задержали» и «повернули». Мы помним, что до 1917 года капиталистическая эволюция деревни шла на всех парах. Мы не забываем, что и через 5 лет (и позже) после 1917 г. Ленин не переставал напоминать о том, что капитализм продолжает у нас развиваться именно из крестьянского индивидуального хозяйства. Нельзя видеть в современной деревне только классовую борьбу. Но нельзя видеть в ней и только врастание в социализм. Чтобы охватить весь процесс в целом, надо видеть и то и другое: и ростки социализма (национализация земли при пролетарской диктатуре, кооперация) и классовую борьбу на основе расслоения деревни. Победа будет за социализмом.

НЭП есть «отчаянно-бешеная борьба»—не раз говорил Ленин. НЭП есть бешеная борьба между капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства. Пока что мы имеем серьезный рост социалистических элементов хозяйства при абсолютном (хотя и не относительном) росте также и капиталистических элементов. Разумеется, это уже очень, очень недурно. Скоро первые начнут еще гораздо быстрее, чем до сих пор, опережать вторые. Скоро вторые начнут безнадежно оставаться позади. Окончательный исход будет — в пользу социализма. Скоро-скоро поспеют

первой очереди работы по электрификации, скоро-скоро можно будет начать пользоваться «рысаком» крупной индустрии (Волховстрой и пр.). А до тех пор — без иллюзий, без самообмана! Госкапитализм назовемте госкапитализмом. В резолюции Ленина «Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики», принятой XI съездом РКП (1922 г.), мы находим специальный параграф (§ 2), который так и озаглавлен: «Государственный капитализм в пролетарском государстве и профсоюзы». Это есть решение Съезда Партии. Остаться в вопросе о госкапитализме полностью на точке зрения Ленина значит звать пролетарский авангард к тому, чтобы неустанной работой превратить госкапитализм с растущими элементами социализма в подлинный социализм, значит будить его бдительность, значит вести его от низшей ступени к высшей. «Отрицать» точку зрения Ленина в этом вопросе, быть «левее» Ленина в этом вопросе значит делать ошибку, значит искать идеологическую «подушечку», на которой будто бы «мягко» будет спать. Когда Троцкий говорил, что НЭП есть чуть ли не только метод калькуляции, применение методов капиталистической бухгалтерии в социалистическом строительстве, он на деле затушевывал опасные стороны НЭП'а, которые существуют и которые надо видеть, чтобы их преодолеть [1]).

---

[1]) «Я не считаю этот термин (т. е. термин «государственный капитализм». *Г. З.*) ни точным, ни вообще счастливым» — говорил Троцкий в его докладе на IV конгрессе Коминтерна.

... «Если это и «государственный капитализм», то в таких больших кавычках, что они должны быть больше самого термина». (Л. Троцкий, «Пять лет Коминтерна», стр. 478—479).

Ленин не считал удобным в тот момент начать открытую полемику против этой полемики Троцкого, но все участники руководящей группы, работавшие на IV конгрессе, несомненно, помнят, что Ленин выражал решительное недовольство по поводу этих заявлений Троцкого.

«Социализм — это учет. При НЭП'е только (!) формы учета иные, чем те, какие мы пытались применять при военном коммунизме и какие найдут свое законченное выражение при развернутом социализме». Так писал Троцкий еще на днях («Правда», 1 сент. 1925). Это — та же ошибка. НЭП вовсе не есть «только» иные формы учета. Это не ленинизм.

ГЛАВА XII.

ЛЕНИНИЗМ И НЭП. КЛАССОВАЯ БОРЬБА ПРИ ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА.

НЭП есть борьба (по внешности, сравнительно мирная) между капиталистическими и социалистическими элементами нашей экономики — борьба, которую пролетарское государство старается регулировать, но которую оно в данный период уничтожить не хочет и не должно. «За спиной» этой «мирной и бескровной» борьбы различных элементов экономики переходного периода идет, не умолкая, прямая классовая борьба.

— «А сейчас у нас есть классы? Есть. Сейчас у нас есть борьба классов? Самая бешеная!» [1]) — говорил Ленин на X съезде РКП в 1921 году, на том съезде, который ввел НЭП.

Да, надо сказать это прямо: и в нашем советском государстве пока еще идет, не умолкая, классовая борьба. Ленин говорил о «культурничестве», как задаче целой эпохи. Но Ленин и перед введением НЭП'а, и в особенности после введения его разъяснял, что диктатура пролетариата не только не исключает, а предполагает продолжение классовой борьбы, что и после завоевания власти пролетариатом классовая борьба, только в другой форме, продолжается.

Крайне интересен в этом отношении набросок предполагавшейся Лениным работы «Некоторые стороны вопроса о диктатуре пролетариата».

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 135 — 136.

Набросок этот опубликован только летом 1925 года в «Ленинском Сборнике» III. Набросок, как это часто бывает у Ленина, представляет совершенно законченное целое. Данный набросок имеет громадную теоретическую ценность.

«Диктатура пролетариата есть **продолжение** классовой борьбы пролетариата в **новых** формах» [1]—пишет Ленин и продолжает: «В этом гвоздь, этого не понимают».

Вот именно, этого не понимают, увы, и доныне. Этого не понимают, в частности, те, кто в лето от Р. Х. 1925-е с серьезным видом доказывает, что кулака в современной русской деревне нет и в помине, или те, кто доказывает, что «накопление» в деревне будет происходить чуть ли не путем непорочного зачатия и т. д.

«Государство лишь = **орудие** пролетариата в его классовой борьбе. Особая дубинка, rien de plus! (ничего более. *Г. З.*)» [2].

Этого тоже у нас «не понимают» частенько. Этого не понимают те, кто доказывает, что наше пролетарское государство может вести такую политику, которая одинаково будет удовлетворять и кулака, и бедняка— такую политику, при которой и волки будут сыты, и овцы целы. Между тем, на деле наше пролетарское государство, разумеется, не может быть «нейтральным» между нэпманом и рабочим, между кулаком и бедняком. Государство буржуазии также, разумеется, не нейтрально — оно вмешивается в ход классовой борьбы в пользу одной стороны баррикады. Наше государство вмешивается в ход классовой борьбы в пользу другой стороны баррикады. Своей аграрной политикой столыпинское государство добивалось одного параллелограмма сил в деревне; своей земельной и крестьянской политикой наше советское государство добивается теперь другого параллелограмма сил в деревне.

«Формы классовой борьбы пролетариата, при его диктатуре, не могут быть прежние»—учит Ленин. И он перечисляет:

[1] «Ленинский Сборник», III, стр. 500.
[2] Там же.

«Пять новых (главнейших) задач и... новых форм:
1. Подавление сопротивления эксплоататоров...
2. Гражданская война...
3. „Нейтрализация“ мелкой буржуазии, особенно крестьянства...
4. „Использование“ буржуазии...
5. Воспитание новой дисциплины...

Нам особенно важно будет в данный момент остановиться на третьей и четвертой формах классовой борьбы при диктатуре пролетариата. Под нейтрализацией мелкой буржуазии, особенно крестьянства, Ленин понимает:

«Нейтрализация» на практике
{ пресечение насилием (Энгельс, 1895)
{ пример
{ убеждение etc., etc.
привлечение + пресечение, «постольку—поскольку».

И Ленин поясняет далее:

«Крестьянин как труженик и крестьянин как эксплоататор (спекулянт, собственник).

«Постольку—поскольку». Колебания в ходе борьбы. Опыт борьбы».

Задача:

«Вести», «руководить», «увлекать за собой», классовое содержание этих понятий» [1]).

Итак, нейтрализацию крестьянства после диктатуры пролетариата Ленин ни в коем случае не понимает как какую-то нейтральность пролетарского государства, как «невмешательство» пролетарского государства в борьбу классов и т. п. Нет, нейтрализация крестьянства для Ленина есть функция гегемонии пролетариата. Пролетариат должен вести, руководить, увлекать за собою крестьянство. Нейтрализация крестьянства после победы пролетариата есть один из видов классовой борьбы при диктатуре пролетариата.

Не менее интересна та форма классовой борьбы при диктатуре пролетариата, которую Ленин называет

[1]) «Ленинский Сборник», III, стр. 500—2.

«использованием буржуазии». Этот заголовок Ленин поясняет следующими словами:

«Спецы». Не только подавление сопротивления, не только «нейтрализация», но взятие на работу, принуждение служить пролетариату.

«Сравни Программа РКП. «Военспецы» [1]).

То, что иные размагниченные «коммунисты» считают чуть ли не «сотрудничеством классов», Ленин справедливо называет принуждением служить пролетариату, одной из форм классовой борьбы при диктатуре пролетариата. Ленин называл концессии «видом блока» с иностранным капитализмом и в то же время Ленин прекрасно знал, что этот «блок» есть своеобразное проявление классовой борьбы после завоевания политической власти пролетариатом нашей страны. Он не отказывался от того, чтобы заплатить громадную «дань» иностранным капиталистам-концессионерам за то, чтобы получить от них быструю экономическую помощь, за «учебу» и т. д. И в то же время он знал, что в последнем счете концессии являются «использованием» буржуазии при диктатуре пролетариата.

Вопрос о концессиях именно теперь получает более злободневное значение, чем это было до сих пор. Именно теперь мы от рассуждений о концессиях переходим к практической концессионной политике. Чем больше будет оживать наше хозяйство, тем больше охоты будет у иностранных концессионеров брать у нас концессии. Да оно и понятно. Когда хозяйство в Союзе ССР поднялось, когда валюта укрепилась, когда Советское правительство признано официально большим количеством буржуазных государств, когда укрепляется революционная законность,— естественно, что именно тогда у концессионеров создается иное отношение, чем это было до сих пор. Было время, когда Ленин смотрел на концессии главным образом под углом международной политики. В речи о концессиях (27 ноября 1920 г.), произне-

[1]) «Ленинский Сборник» III, стр. 502.

сенной на собрании секретарей ячеек Московской организации, Ленин, рассказывая о подготовлявшейся тогда концессии Вандерлиппа, говорил:

«Вся эта сделка означает отвлечение империалистических сил от нас, — пока империалисты сидят и вздыхают, и ждут, когда подойдет удобный момент, чтобы большевиков задушить, а мы этот момент отдаляем... Я указал вам одно империалистическое противоречие, которое мы обязаны использовать, это между Японией и Америкой; другое — между Америкой и всем остальным капиталистическим миром... Поэтому все вопросы о концессиях мы будем рассматривать под этим углом зрения... И третью рознь мы имеем между Антантой и Германией... Вот три переплета, которые и путают безысходно всю игру империалистов... Конечно, концессии важны нам и в смысле получения продуктов. Это бесспорно верно, но **главная суть заключается в политических отношениях**» [1] (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Ленин говорил о видимости блока с иностранным капиталом в форме концессий и в то же время прибавлял:

«Мы и не мечтали о том, что вот — мы повоевали, и наступит мир, и социалистический теленок рядом с капиталистическим волком обнимутся. — Нет!» [2].

Ленин в «Продналоге» особенно подробно разъяснил нам, почему именно концессии есть одна из форм государственного капитализма.

«Мы под названием новой экономической политики повернули назад и повернули назад так, чтобы ничего нового не отдать, и в то же время, чтобы капиталистам дать такие выгоды, которые заставят любое государство, как бы оно враждебно ни было по отношению к нам, пойти на сделки и сношения с нами... Мы на войне научились маневрировать

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII. «О концессиях», стр. 390, 391, 392, 395.

[2] Там же, стр. 394.

и должны понять, что маневр, который нам предстоит теперь, в котором мы теперь находимся, — самый трудный. Но зато маневр этот, видимо, последний» [1]).

* * *

Итак, классовая борьба и при диктатуре пролетариата не затихает, а продолжается — продолжается в новой сложной, «непривычной», прихотливой форме. Она будет продолжаться до полной победы социализма, до уничтожения классов.

«Диктатура пролетариата есть тоже период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов, — но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами» [2]).

И Ленин подробно объясняет нам, что именно означает уничтожение классов.

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это—такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [3]).

Еще более краткое, эпиграмматическое определение, что такое класс, Ленин дает в другом месте (в речи на III Всероссийском съезде РКСМ):

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. Из речи на пленуме Московского Совета 19 ноября 1922 г., стр. 106.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Великий почин», стр. 249.
[3]) Там же.

«А что такое классы вообще? Это — то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другого» [1].

«Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее...»

«... Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса...» [2].

«Для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплоататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Это дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками» [3].

Эти слова Ленина необходимо помнить каждому, кто хочет быть ленинцем. Их необходимо помнить особенно теперь, когда центральным вопросом политики ленинизма в нашей стране стал вопрос крестьянский.

И, разумеется, столь же крепко необходимо помнить, что формы классовой борьбы в стране, где власть и командные хозяйственные высоты прочно находятся

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 322.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Привет венгерским рабочим», стр. 227, 228.
[3]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Великий почин», стр. 249.

в руках пролетариата, решительно изменились. «Забыть» это последнее означало бы погрешить против главного в ленинизме — против его требования изучать конкретную обстановку в каждой данной полосе развития; означало бы забыть азы ленинизма, лишить себя возможности руководить рабочим классом и его повседневной борьбой в данных конкретных условиях, скажем, к 9-му году его диктатуры. Напомним, что о переходе на мирный «бескровный» фронт хозяйственной борьбы Ленин говорил еще пять лет тому назад. Напомним, что впервые партия готовилась перейти к мирной работе еще в 1918 г., сейчас же после заключения Брестского мира. «Бескровная» (на деле она, увы, и сейчас еще часто бывает кровавой) классовая борьба, конечно, не то, что кровавая гражданская война (самая острая форма классовой борьбы), но она — тоже классовая борьба.

Классовая борьба при диктатуре пролетариата продолжается — в частности продолжается в период НЭП'а. Классовая борьба в деревне, в современной России (в СССР), нэповской, только еще растущей к социализму России, продолжается.

Центральной фигурой современной революционной деревни должен быть середняк — говорил Ленин и на VIII съезде партии, когда впервые был поставлен вопрос об отношении к среднему крестьянству, и в своих законченных работах, и в набросках эпохи перехода к НЭП'у.

Но что такое середняк?

Здесь необходимо сопоставить то, что Ленин говорил на VIII съезде РКП весною 1919 года и на II Всемирном Конгрессе Коминтерна в июле 1920 года.

Выше (см. главу I «Марксизм и ленинизм») мы привели центральное место из резолюции Ленина по крестьянскому вопросу, принятой на II Всемирном Конгрессе Коминтерна. Эта резолюция охватывает и страны, в которых пролетариату еще предстоит борьба за власть, и Россию, в которой власть в 1920 году находилась уже в руках пролетариата.

В названной резолюции Ленин говорит и о задачах пролетариата в капиталистических странах, и о задачах победоносного пролетариата после завоевания им власти.

Что такое среднее крестьянство? Надо различать ленинское определение «среднего крестьянства» вообще и середняка в России.

О «среднем крестьянстве» вообще Ленин в резолюции II Всемирного Конгресса говорит:

«Под «средним крестьянством» в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют, на правах собственности или аренды, тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые при капитализме дают, по общему правилу, не только скудное содержание семьи и хозяйства, но и возможность получать известный излишек, способный, по крайней мере, в лучшие годы превратиться в капитал, и которые прибегают довольно часто к найму чужой рабочей силы» [1].

Вот общее определение среднего крестьянства. Далее у Ленина следуют примеры того, что такое среднее крестьянство в Германии и во Франции.

«Революционный пролетариат — продолжает Ленин в той же резолюции — не может ставить своей задачей, — по крайней мере, для ближайшего будущего и для начала периода диктатуры пролетариата (подчеркнуто нами. *Г. З.*), — привлечение этого слоя на свою сторону. Он должен ограничиться задачей нейтрализовать его, т.-е. заставить его не оказывать активной поддержки буржуазии в ее борьбе с пролетариатом. Колебания этого слоя между той и другой силой неизбежны, и в начале новой эпохи преобладающая его тенденция в развитых капиталистических странах будет за буржуазию...» [2] (подчеркнуто нами. *Г. З.*). «Устойчивою пролетарская власть быть не может без нейтрализации среднего крестьянства и обеспечения

[1]) «2-й Конгресс Коминтерна». Стеногр. отчет, стр. 610—611.
[2]) Там же, стр. 611.

себе поддержки весьма значительной доли, если не всего, мелкого крестьянства»[1]).

На первых порах, по крайней мере, для ближайшего, будущего, для начала периода диктатуры пролетариата можно ограничиться нейтрализацией среднего крестьянства. В дальнейшем перед пролетариатом возникают более обширные задачи: привлечь среднее крестьянство к прямому сотрудничеству, к прочному союзу. На VIII съезде РКП Ленин, говоря уже применительно к России, разъяснил это с особой подробностью. Чтобы понять Ленина, нужно помнить, что в нашей стране 1) среди самих середняков есть значительный слой «мелкого крестьянства» и 2) наша страна не принадлежала к числу «развитых» капиталистических стран. Уже в виду этих обстоятельств у нас больше шансов привлечь середняка к союзу, к сотрудничеству.

«Когда свергнув буржуазию и укрепив свою власть, пролетариат взялся с разных сторон за дело созидания нового общества, вопрос о среднем крестьянстве выдвинулся на первый план... По мере того, как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства, центральное внимание должно сосредоточиться в известной мере как раз на среднем крестьянстве»[2]).

И в ленинской резолюции, принятой VII съездом РКП, говорится о том, что политика пролетариата «должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества с средним крестьянством», что нам необходимы «союз и соглашение победоносного пролетариата со средним крестьянством»[3]), что мы должны «изыскивать всевозможные пути к оказанию беднейшему и среднему крестьянству всяческой реальной помощи»[4]), что вся политика коммунистической партии должна вестись «в духе

[1]) «2-й Конгресс Коминтерна». Стеногр. отчет, стр. 615.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 146.
[3]) Там же, стр. 159.
[4]) Там же, стр. 160.

соглашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством» [1] (подчеркнуто везде нами. *Г. З.*).

Ленин цитирует § 47 партийной программы, где говорится: «по отношению к среднему крестьянству политика РКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства».

Ленин самым настойчивым образом подчеркивает, что «на вопрос о среднем крестьянстве мы должны обратить сугубое и трижды сугубое внимание» [2].

Эта основная мысль ленинизма красной нитью проходит по всем работам Ленина — вплоть до последней, столь основоположной, работы «О кооперации» (1923 год). Эта мысль — союз, «соглашение пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством» — является стержнем всех важнейших решений партии. На ней целиком построены и резолюции XIV партконференции, абсолютно верно определившие дорогу партии на целый период (роль кооперации, оживление Советов, усиление советской демократии, сугубое внимание крупной промышленности и т. д.).

— А каково происхождение середняка в России?

Самое глубокое, что сказано по этому поводу Лениным, по нашему мнению, содержится в его речи, посвященной обоснованию программы РКП на VIII съезде партии.

Ленин говорил:

«Мы говорим, что пришли к диктатуре. Но надо же знать, как пришли. Прошлое нас держит, хватает тысячами рук и не дает шага вперед ступить или заставляет делать эти шаги так плохо, как мы делаем. Чтобы понять, в какое положение мы попадаем, надо сказать, как мы шли, что нас подвело к самой социалистической революции. Нас подвел капитализм в его первоначальных товарно-хозяйствен-

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 161.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. Доклад о партийной программе на VIII съезде РКП, стр. 121.

ных формах (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Надо все это понимать, потому что, только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чисто империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было. Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, мы много набьем себе шишек (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Если же нам менять свое отношение к среднему крестьянству,—тогда и в теоретической части потрудитесь сказать, откуда он взялся, что он такое. Он есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую сказать нужно, потому что мы из этой азбуки все еще не вылезли. От этого отмахнуться и сказать: «зачем нам заниматься азбукой, когда мы финансовый капитализм изучаем», — это в высшей степени несерьезно» [1]).

Это в высшей степени богатое содержанием определение происхождения середняка дает нам одновременно ключ к позиции ленинизма и 1) в вопросе о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, и 2) в вопросе о причинах возникновения НЭП'а, 3) в вопросе о взглядах ленинизма на государственный капитализм, и 4) в вопросе о классовой борьбе в деревне после взятия власти пролетариатом. Если взять за отправной пункт это ленинское определение происхождения середняка, тогда не трудно будет найти дорогу к правильному определению кулака, а также к правильному определению того, какова должна быть роль пролетариата в деле руководства крестьянством.

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. Из доклада на VIII съезде РКП (б), стр. 115—116.

«Крестьянин, как труженик, тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как продавец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т.-е. назад к «признанному», старому, «исконному» капитализму» [1]).

Это определение как нельзя более злободневно именно в данный период диктатуры пролетариата в нашей стране.

«Теперь пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии коренной и основной сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эс-эров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата...

«Пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так загнать, как загнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и большими лишениями его переделывать... От нас, от руководящей партии, зависит, сколько бедствий падет на пролетариат и сколько на крестьянство. Чем руководиться в этом разделении—поровну, уравнительно? Но пускай об этом говорят Чернов и Мартов, а мы говорим, что нужно руководиться интересами пролетариата, т.-е. обеспечением от реставрации капитализма и обеспечением пути к коммунизму. Если крестьянство сейчас больше устало, больше замучилось, или, вернее, больше себя считает усталым, то ему мы больше и уступаем для обеспечения от реставрации капитализма и обеспечения путей к коммунизму» [2]).

Итак, задача нашего руководства крестьянством: 1) обеспечение от реставрации капитализма, 2) обес-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Привет венгерским рабочим», стр. 227.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Заключительное слово на всероссийской конференции РКП 27 мая 1921 г., стр. 270, 271.

печение путей к коммунизму, 3) уничтожение классов. В этих целях, и только в этих целях, под этим углом зрения и только под этим углом зрения мы можем и должны итти на уступки крестьянству — такие уступки, которые не противоречат этим основным нашим целям. Так говорит Ленин, обращаясь к рабочему классу. Но тут же он обращается к крестьянству, и этому последнему он говорит:

«Или крестьянство должно итти с нами на соглашение и мы делаем ему экономические уступки, или—борьба... На деле всякий другой путь есть путь к Милюкову, к восстановлению помещиков и капиталистов, а мы говорим, что мы на всякие уступки пойдем в пределах (подчеркнуто нами. *Г. З.*) того, что поддерживает и укрепляет власть пролетариата, который неуклонно, несмотря на трудности и препятствия, идет к уничтожению классов и коммунизму» [1]).

Вот единственная достойная ленинизма постановка вопроса об отношении рабочего класса к крестьянству при диктатуре пролетариата в такой стране, как наша. Кто «прячет в карман» руководящую роль пролетариата, замалчивает диктатуру пролетариата—исходя при этом хотя бы из самых благонамеренных соображений; кто глубокомысленно намекает на то, что капитализма у нас уже нет, или почти нет, что кулака нет, что наша политика одинаково полезна и кулаку и бедняку — тот сознательно или бессознательно ревизует ленинизм.

Мы не знаем документа более замечательного по силе и страстности, чем рукопись Ленина под заглавием «Товарищи рабочие, идем в последний решительный бой!» (Писано в 1918 г., опубликовано Институтом Ленина с предисловием тов. Каменева в январе 1925 г.).

«Никакие сомнения невозможны. Кулаки — бешеный враг Советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспо-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Заключительное слово на всероссийской конференции РКП 27 мая 1921 г., стр. 271—272.

щадно раздавят восстания кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом никогда...

«Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплоататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки — меньшинство в народе ... едва ли больше двух миллионов (двух миллионов! Это — к сведению тех, кто утверждает, что кулаков у нас «почти» нет. *Г. З.*) (будет) кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом. Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войной крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся... Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли... Беспощадная война против этих кулаков» и т. д.

Разумеется, так писать можно было только в 1918 г. Но этот язык по отношению к кулакам — подлинным кулакам, а не к тем, кого частенько зря «приписывают» у нас к этому почтенному сословию — пригодится еще не раз. Когда у нас пытаются теперь представить дело так, будто кулака нет в природе, когда у нас бросают фразы, будто «кулак нам не опасен», это неизбежно будит у среднего и бедного крестьянина мысль о том, будто с нашей точки зрения кулак — повторяем: дело идет о подлинном кулаке, а не о середняке, которого зря иногда зачисляют в кулаки, — уже не бешеный враг Советской власти, не грубый и дикий эксплоататор, не кровопийца, не вампир. А между тем действительная правда заключается в том, что кулак — подлинный кулак — в деревне нам несравненно опаснее, чем нэпман в городе, ибо наши позиции в деревне слабей, а шансы

стать руководителем общественного мнения в деревне у кулака сильнее. И нечего утешать себя тем, что кулака в деревне только 2—3%. Буржуазия на то и буржуазия, чтобы составлять ничтожное меньшинство и в то же время сидеть на шее у большинства народа. Два-три процента «кулачья» в деревне — это громадная сила.

Для того, чтобы нынешняя политика партии в крестьянском вопросе действительно вела к обеспечению от реставрации капитализма, к обеспечению «путей к коммунизму», для того, чтобы руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству осталась не на словах, а на деле — для этого в вопросе о кулаках не должно быть допущено и тени двусмысленности.

* * *

В известном смысле можно сказать, что программа нашей партии состоит из двух половинок. Первая половина, это — официальная программа партии, принятая в 1919 году на VIII съезде РКП, писанная в самый разгар военного коммунизма. Вторая половина — работа Ленина «О продналоге». Первая половина (если взять в ней то, что в ней осталось абсолютно верного, не преходящего, не временного, не эпизодического) содержит, главным образом, 1) общую оценку капитализма и его империалистической стадии и 2) политическую программу пролетариата в эпоху его диктатуры. Это, главным образом, освещение проблемы: пролетарская диктатура и буржуазная демократия, пролетарское государство и буржуазное государство; это общая оценка взаимоотношений пролетариата и крестьянства и т. п. Другая половина — брошюра «О продналоге» — содержит, главным образом, экономическую программу пролетариата в крестьянской стране на переходный период диктатуры пролетариата.

Наступит момент, когда из этих двух половинок (плюс некоторые программные документы Коминтерна: тезисы по крестьянскому вопросу, тезисы по

национальному вопросу и др.) партия заново окончательно сформулирует свою программу.

Но не подлежит сомнению, что громадным вкладом, в особенности во вторую половину программы, являются работы «О кооперации» и «Лучше меньше, да лучше», написанные Лениным уже незадолго до его кончины. Эти две работы (настойчиво подчеркиваем: именно обе эти работы, вместе взятые, ибо одна дополняет другую, ибо без «Лучше меньше, да лучше» нельзя, как следует, понять главных мест в работе «О кооперации») представляют собою новую важную главу в программе партии. Обе эти работы целиком могут быть «выведены» из брошюры «О продналоге» и других основных работ Ленина, посвященных НЭП'у. Эти работы ни в какой мере не могут быть противопоставлены «Продналогу»; они полностью «вытекают» из него, но многое они конкретизируют, многие важнейшие проблемы они ставят заново.

* * *

Тема о взаимоотношении роста крупной промышленности (а, стало быть, и электрификации) с задачей руководства «мелким и мельчайшим крестьянством» подробно разработана в «Лучше меньше, да лучше». Этот последний гениальный этюд должен, повторяем, рассматриваться вместе с столь же гениальным этюдом о кооперации. Только тогда мы получим должное представление о том, что наиболее политически важного завещал нам Ленин перед самой своей кончиной.

«Мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить до тла учреждения средневековые, помещичье землевладение, и на этой почве создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия к результатам его революционной работы. На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко, потому

*

что мелкое и мельчайшее крестьянство, особенно при НЭП'е, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда... Если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму, — так, примерно, рассуждали эти (империалистские. *Г. З.*) державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм.

«...Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?

«...Мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства... Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком... нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки».

Такова общая картина мира, которую дает нам Ленин незадолго до его кончины. На вопрос о том, какова же должна быть наша тактика при этом положении вещей, Ленин отвечает:

«Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению

к себе, и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств...

«Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

«Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для постройки Волховстроя и проч.

«В этом и только в этом будет наша надежда (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну,— на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» [1]).

* * *

Какую практическую цель преследовал прежде всего в своей последней работе «О кооперации» В. И. Ленин?

Он сам объяснил это нам в статье «О кооперации» в следующих словах:

«Мы перегнули палку, переходя к НЭП'у, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к НЭП'у, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что начали забывать уже гигантское значение кооперации в указанных выше двух сторонах этого значения» [2]).

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 135—138.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 140.

Да статья «О кооперации» у Ленина и начинается следующими словами:

«У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимание на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от НЭП'а (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря НЭП'у), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение... И вот не все товарищи отдают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России» [1].

Два места в этой работе о кооперации мы считаем центральными.

Первое из них:

«Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» [2].

Второе:

«В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве НЭП'а есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при НЭП'е так же, разве это не все необходимое для

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 139.
[2] Там же, стр. 141.

построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» [1]).

Под «кооперативным строем» Ленин понимает строй, наиболее приближающийся к социализму. «При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу» [2]). Поголовное кооперирование населения Ленин связывает с достижением поголовной грамотности населения, с «культурной революцией». Это есть целая программа на ряд лет.

Громадное решающее значение кооперации именно для постепенного перевода крестьянского хозяйства на социалистические рельсы Ленин впервые с такой ясностью обрисовывает в этой статье о кооперации. Не в том дело, чтобы растущая у нас кооперация могла сразу стать подлинно-социалистической кооперацией на 100%. Нет никакого сомнения, что в нашей кооперации будут еще буржуазные пережитки и рецидивы, что еще в течение ряда годов пролетарской власти придется принимать вытекающие из обстановки экономические и политические меры для того, чтобы систематически, по мере надобности, выкорчевывать из растущей кооперации элементы буржуазности, чтобы отделять пшеницу от плевел. Но что кооперация является т о й д о р о г о й, по которой мы можем пове-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 139—140.
[2]) Там же, стр. 143—144.

сти и поведем крестьянство к социализму, в этой статье о кооперации доказано безусловно.

И здесь нет никакого противоречия с тем, что сказано в «Продналоге» о кооперации, как виде «государственного капитализма». Ведь и государственный капитализм есть у нас дорога к социализму. Ведь и о государственном капитализме в пролетарском государстве Ленин говорил, что это «три четверти» социализма.

В статье «О кооперации» говорится: «Из кооперации, из *одной только* кооперации» может вырасти социализм.

В статье «Лучше меньше, да лучше» говорится: «В *этом и только в этом*» (в крупной машинной индустрии) наша надежда.

Чтобы получить полностью программу, начертанную Лениным перед его кончиной, нужно, повторяем, «сложить» этюд «О кооперации» с этюдом «Лучше меньше, да лучше». Ибо из того, что говорил и писал Ленин, само собой ясно, что полную победу он рисовал себе именно в результате развития крупной индустрии (в частности, электрификации) *плюс* кооперация.

По этому пути, по пути, завещанному Лениным, и пошло развитие нашего Союза ССР. Успех в последнем счете — вне всякого сомнения. «Гибель страны» в результате безхлебья, разрухи, отсутствия плана в хозяйственной работе и т. п. — та «гибель», которую предсказывали не только классовые враги, но и группа членов нашей собственной партии, не сумевшая и не умеющая подняться до подлинного понимания ленинизма, — эта «гибель страны» способна вызвать теперь только улыбку. Этой опасности нет и не будет.

Но это не значит, что опасности *другого рода* не подстерегают нас. Такие опасности налицо. Сила городской и сельской буржуазии в экономике растет — хотя и не относительно, а только абсолютно. Давление буржуазии на наиболее слабые звенья нашего собственного госаппарата (а частью даже и партии)

неизбежно. Развитие производительных сил государственной промышленности идет сравнительно быстро, но пока все же недостаточно быстро, чтобы мы могли уже сейчас вести успешное соревнование с техникой европейского и американского капитализма. Классовая борьба в деревне, несомненно, будет еще некоторое время развиваться. Иностранная буржуазия организуется против СССР. Вопрос о том, «кто кого», еще не снят с очереди, хотя его разрешение в благоприятном для нас смысле намечается явно.

В 1923 году наибольшим врагом было безбрежное брюзжание, пессимизм и крики о «гибели страны». В 1925 году известной опасностью может стать самодовольство, когда оно превращается в замазывание классовой борьбы в деревне, в затушевывание опасности со стороны кулака, в затушевывание того, что говорил Ленин о роли госкапитализма и просто капитализма в нашем строе и что верно и сейчас. Мы должны решительно и определенно сказать рабочим и всей стране: то, что мы имеем в НЭП'е сейчас, это есть — своеобразный госкапитализм в пролетарском государстве, с растущими элементами социализма — растущими, но еще далеко не выросшими. Незачем ссылаться на то, что мы «не знаем», что такое социализм, что этого не знал и Маркс, что и Ленин в брошюре «О кооперации» говорил о необходимости пересмотреть вопрос о том, что такое социализм. Как кооперирование может стать формой обобществления в крестьянской стране — этого раньше ясно не понимали. Что кооперирование при диктатуре пролетариата способно в корне изменить психику мелких производителей — этого тоже раньше не понимали. В этом смысле Ленин и писал о том, что в корне меняется наше представление о социализме. В этом, и — только в этом. Мы, действительно, не знаем в подробностях и деталях многих сторон будущего, вполне победившего, социализма. Мы, действительно, признаем, что многое в этом отношении будет определено историческим опытом многомиллион-

ных народных масс. Но что мы знаем наверняка, чему учили нас и Маркс и Ленин, это — что полная победа социализма означает, во всяком случае, уничтожение классов.

А между тем наше положение в целом настолько удовлетворительно, что нам поистине нет никакой надобности прибегать к самообману и тешить себя иллюзиями. Успехи социалистического строительства увеличиваются у нас с каждым днем. Международное влияние нашей революции растет и крепнет, прежде всего именно в том направлении, о котором перед своей смертью так красноречиво писал Ленин: на Востоке. Наши хозяйственные командные высоты все упрочиваются. Никогда в мировой истории не было еще такого государства, в котором политическая власть принадлежала бы пролетариату и в котором этот пролетариат сумел бы закрепить за собою такие могущественные рычаги, как монополия внешней торговли, национализация земли, сосредоточение всего транспорта и всей крупной промышленности в своих руках, такие рычаги, как кредитная система, прибыль гострестов и т. д. и т. п. Рабочий класс в нашей стране растет и численно, и политически. Будет время, а оно не за горами, когда у нас будет промышленных рабочих в стране не меньше 10 миллионов. В настоящий период мы все еще являемся аграрно-промышленной страной. Будет время, и оно не за горами, когда мы станем промышленно-аграрной страной — на основе все большего и большего роста социалистических элементов нашего хозяйства и в городе, и в деревне. Мы строим социализм и при поддержке международного пролетариата мы его построим, несмотря на все препятствия. Уже близко время, когда исполнится первое десятилетие со времени завоевания политической власти пролетариатом нашей страны. Удержат ли большевики государственную власть? — ставил вопрос Ленин в 1917 году. Этот вопрос теперь уже не стоит. Удержат! Без всякого сомнения, удержат! И сумеют выполнить свою историческую миссию,

свой долг международных пролетарских революционеров до конца.

Налицо все условия для нашей полной победы. Хозяйственно-культурные и политические перспективы, открывающиеся перед Союзом ССР, становятся все более и более грандиозны. Задача эпохи заключается в том, чтобы обеспечить наш Союз от реставрации буржуазных отношений, чтобы обеспечить «пути коммунизма». При правильной политике партии, т.-е. при умении нашем правильно применять учение ленинизма в нынешней сложной и трудной обстановке, эта великая задача безусловно будет разрешена.

ГЛАВА XIII.

ЧТО ТАКОЕ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА.

Возможна ли окончательная победа социализма в одной стране? Каков ответ ленинизма на этот счет?

Чтобы получить достаточно ясный ответ на этот вопрос, необходимо прежде всего условиться, о чем идет речь.

С известным правом мы говорим, что, например, завоевание 8-часового рабочего дня есть победа социализма. Мы отнюдь не хотим сказать в этом случае, что 8-часовой рабочий день это и есть социализм. Нет, мы хотим сказать только то, что завоевание 8-часового рабочего дня есть победа (одна из побед) социалистического пролетариата, рабочей партии.

Ведь говорим же мы даже, что, скажем, 2 миллиона голосов, поданных за коммуниста Тельмана на президентских выборах, есть «победа коммунизма». И в этом случае мы, разумеется, отнюдь не хотим сказать, что 2 миллиона голосов, поданных за коммунистического депутата, это и есть коммунизм. Нет, это есть только победа (одна из побед) коммунистического авангарда.

Завоевание политической власти пролетариатом в той или другой стране есть уже крупнейшая победа социализма. Победа социализма в данном случае означает — победа пролетарской революции. Но этим мы ни в коем случае не хотим сказать, что даже такая

победа пролетарской революции, как завоевание политической власти пролетариатом, есть уже окончательно восторжествовавший социализм.

Более того: законодательный акт об обобществлении орудий и средств производства пролетариатом, завоевавшим политическую власть, есть, разумеется, победа социализма. Но и это еще не есть окончательная победа социализма. В данном случае мы хотим сказать только то, что сделан самый решительный шаг к победе социализма. Самый же факт объявления орудий и средств производства собственностью государства еще не есть окончательно восторжествовавший социалистический строй.

Когда мы в СССР после 8 лет диктатуры пролетариата ставим теперь вопрос о том, возможна ли окончательная победа социализма в одной стране, то мы ставим отнюдь уже не вопрос о 8-часовом рабочем дне — как в нашем примере — отнюдь не о завоевании только политической власти пролетариатом, или даже об объявлении орудий и средств производства собственностью пролетарского государства. Мы ставим именно вопрос о торжестве социалистического строя, об окончательной победе социалистического общества.

Как определял Ленин (вслед за Марксом и Энгельсом) понятие «социализм»? Какое различие делал он между социализмом и коммунизмом?

Мы говорим здесь не об отдельных лапидарных определениях, которые, разумеется, тоже определяли социальную сущность социализма и сослужили ленинизму громадную службу, но которые не могут претендовать на научную точность. Ленин не раз говорил, например: социализм есть один большой кооператив; или: коммунизм есть Советская власть плюс электрификация; или: социализм есть учет и контроль; или: «социализм без почты, телеграфа, машин — пустейшее слово»; или: социализм есть общественная обработка земли и т. п.

Эти и подобные формулировки превосходны для тех целей, для которых они предназначены. Но для ответа

на интересующий нас сейчас вопрос нам следует взять наиболее точные формулировки, данные ленинизмом.

«Научное различие между социализмом и коммунизмом, — говорил Ленин, — только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово — более высокую, дальнейшую ступень его» [1]).

«Научная разница между социализмом и коммунизмом ясна,— пишет Ленин. — То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку о б щ е й собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это н е полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся и з капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

«В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм н е может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта б у р ж у а з н о г о права»— при коммунизме в его первой фазе...

«Учет и контроль — вот г л а в н о е, что требуется для налажения, для правильного функционирования п е р в о й ф а з ы коммунистического общества. В с е граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. В с е граждане становятся служащими и рабочими о д н о г о всенародного государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну...

[1]) Н. Л е н и н. Собр. соч., т. XVI. «Великий почин», стр. 248.

«До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих» [1].

«Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, — говорит Ленин, — он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотреблении) не устраняет недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое продолжает господствовать, поскольку продукты делятся «по работе». «Но эти недостатки, — продолжает Маркс, — неизбежны в первой фазе коммунистического общества в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества...»

«На высшей фазе коммунистического общества после того, как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда (подчеркнуто нами. *Г. З.*); когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы, и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «каждый по способностям, каждому по потребностям» [2].

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч. т. XIV, ч. II. «Государство и революция», стр. 377, 379, 376.

[2] Там же, стр. 373 — 374, 375.

Таковы научные определения социализма и коммунизма, которые дает вслед за Марксом и Энгельсом Ленин.

* * *

«Социализм есть уничтожение классов», говорит в другом месте Ленин [1]). «Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен...

«Чтобы решить вторую, труднейшую часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, — крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, — крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта» (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

«Социализм немыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов» [2]).

[1]) См. его замечательную статью «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Собр. соч., т. XVI, стр. 351—352.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», стр. 267.

Применительно к вопросам о сроках упрочения социалистического порядка в России важны следующие заявления Ленина:

«Путь организации — путь длинный, и задачи социалистического строительства требуют упорной, продолжительной работы и соответственных знаний, которых у нас недостаточно. Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму» [1] (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Это сказано в разгар военного коммунизма.

А вот другое заявление аналогичного характера:

«Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу. Мы знаем, что сейчас вводить социалистический порядок мы не можем, дай бог, чтобы при наших детях, а, может быть, и внуках он был установлен у нас» [2] (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

* * *

Для полноты необходимо привести еще то, что Ленин вслед за Энгельсом говорил об «отмирании» государства.

Ленин цитирует с особым ударением следующие известные слова Энгельса из «Анти-Дюринга»:

«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя, как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство... Когда государство, наконец-то, становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, как не будет

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. Доклад об очередных задачах Советской власти на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г., стр. 240.

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. Речь на I съезде земельн. коммун и сельско-хоз. артелей, стр. 398.

Аналогичные заявления Ленин делал не раз. Но он называл и более короткие сроки — напр., в речи на III съезде РКСМ.

ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, т.-е. столкновения и эксцессы (крайности), которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно, как представитель всего общества, — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собой засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не «отменяется», оно «отмирает».

«На деле,— поясняет Ленин,— здесь Энгельс говорит об «уничтожении» пролетарской революцией государства буржуазии, тогда как слова об отмирании относятся к остаткам пролетарской государственности после социалистической революции. Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а «уничтожается» пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полу-государство...

«Об «отмирании» и — даже еще рельефнее и красочнее — о «засыпании» Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе после «взятия средств производства во владение государством от имени всего общества», т.-е. после социалистической революции...

«Мы,— пишет Ленин,— ставим своей конечной целью уничтожение государства, т.-е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался прин-

ции подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в подчинении одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без подчинения» [1].

* * *

Из всего этого с несомненностью вытекает, что под окончательной победой социализма следует понимать, по крайней мере:

1) уничтожение классов, и, стало быть,

2) упразднение диктатуры одного класса, в данном случае диктатуры пролетариата.

Полная и окончательная победа социализма есть переход от первой, или низшей, фазы коммунистического общества ко второй, высшей его фазе. Окончательная победа социализма есть устранение недостатков распределения и неравенства «буржуазного права» — и при том устранение прочное, закрепленное, непоколебимое, покоящееся, между прочим, на высокой «технике, построенной по последнему слову науки».

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом», писал Маркс «лежит период революционного превращения первого во второй. Этому периоду соответствует и политический период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

«Первое, что установлено вполне точно», писал вслед за Марксом Ленин, «всей теорией развития, всей наукой вообще, — и что забывали утописты, что забывают нынешние оппортунисты, боящиеся социалистической революции, — это то обстоятельство, что историче-

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II. «Государство и революция», стр. 308—310, 364.

ски несомненно должна быть особая стадия или особый этап перехода от капитализма к коммунизму» [1]).

Нужно различать, о какой именно стране идет дело в каждом конкретном случае. Одно дело Соединенные Штаты Сев. Америки, другое дело — Китай. Одно дело — Россия, другое дело — Германия. Одно дело — Япония, другое дело — Швейцария.

Россия вмещала в себя в сущности несколько государств не только по протяженности своей территории, но и по разнообразию ее хозяйственных поясов. То же можно сказать и относительно СССР: несмотря на выделение Польши, Латвии и т. д., СССР обнимает шестую часть земной поверхности. Это — сумма государств. Удельный вес промышленности и промышленного пролетариата относительно велик. И вот вопрос ставится именно относительно данной страны, данного Союза Социалистических Республик.

Раз мы говорим: победа в одной стране, мы тем самым говорим, что остальные страны пока-что остаются буржуазными, что данная социалистическая страна находится в буржуазном окружении. Дело идет не об абстрактной «одной» стране, предоставленной самой себе, т.-е. не об единственной на свете стране, — если бы так стоял вопрос, то, конечно, без дальних слов было бы ясно, что окончательная победа социализма «в одной стране», абстрактно говоря, возможна. Дело у нас идет об одной стране, окруженной со всех сторон буржуазными странами. (Мы живем не только в государстве, мы живем в системе государств — говорил Ленин.) Вопрос заключается в том, возможна ли такая окончательная победа социализма в одной стране, окруженной буржуазными странами, когда в этой одной стране вполне и «навсегда» упрочился бы социалистический способ производства, упрочилось бы бесклассовое общество, упразднена была бы диктатура пролетариата, стало бы «засыпать» всякое государство.

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II. «Государство и революция», стр. 367.

Чтобы еще точнее уяснить себе, как стоит вопрос у нас в СССР в 1925 году, надо различать две вещи: 1) обеспеченная возможность строить социализм — такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может мыслиться и в рамках одной страны, и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т.-е. осуществление социалистического строя, социалистического общества, совершившийся переход ко второй, высшей стадии коммунизма — возможна ли такая окончательная победа социализма в одной стране? Этот вопрос подлежит разрешению.

Полная и окончательная победа социализма, по Ленину, есть переход к коммунизму, т.-е. переход к бесклассовому обществу, т.-е. упразднение диктатуры пролетариата.

И вот вопрос заключается в том, возможна ли такая полная и окончательная победа социализма в одной стране, находящейся в буржуазном окружении.

На этот вопрос должна ответить следующая глава.

ГЛАВА XIV.

ЛЕНИНИЗМ И ВОПРОС О ПОБЕДЕ СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СТРАНЕ.

«Нет сомнения, что социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно ненужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство...

«Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социальная революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях: во-первых, при условии поддержки ее своевременно социальной революцией в одной или нескольких передовых странах...

«Другое условие — это соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения...

«Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах».

Так говорил Ленин в докладе на X съезде РКП. Уже в одних этих словах, в сущности говоря, мы имеем все главное, чтобы судить о том, каковы подлинные взгляды ленинизма на вопрос о победе социализма в одной стране. Проследим исторически, как сложились эти взгляды.

* * *

Во II Интернационале к идее международной революции относились более чем прохладно. О социализме, «социалистическом идеале», о «конечной цели» считалось необходимым говорить с приличествующим «благоговением», на деле больше похожим на жеманство. Когда Эдуард Бернштейн бросил свою знаменитую фразу «движение — все, конечная цель — ничто», на него замахали руками. Он нарушил «добрые нравы» II Интернационала. На деле Бернштейн уже и тогда выразил настроение громадного большинства вождей II Интернационала. Что у Вандервельде, Адлера, Шейдемана было на уме, то у Бернштейна оказалось на языке. «Конечная цель», «борьба за социализм», «освобождающая народы» социал-демократия — все это было для вождей II Интернационала только декорация, только икона.

Интересно вспомнить, как даже лучшие из вождей II Интернационала представляли себе международную революционную борьбу — скажем, в случае войны и т. п. Молчаливой предпосылкой даже для них было — что «выступить» может лишь целый ряд стран одновременно и что «нельзя требовать» от рабочих и рабочей партии одной страны революционного выступления против «своей» буржуазии, если в то же время почему-либо не выступают рабочие и рабочая партия другой или других воюющих стран. Эта мудрость преподносилась как последнее слово «интернационализма». Под видом лучшей подготовки интернационального действия фактически проповедывалось интернациональное бездействие.

В Циммервальде и Кинтале собрались как-никак не худшие люди II Интернационала. И что же? Циммервальдское большинство целиком еще оставалось в плену именно такого, с позволения сказать, «интернационализма». Когда речь заходила не только о прямых революционных выступлениях, но даже о простом голосовании против военных кредитов, то уже и тут представители циммервальдского большинства неизменно ставили вопрос так: немецкие социал-демократы могут голосовать против военных кредитов лишь в том случае, если одновременно то же сделают французские социалисты и т. п. Получался заколдованный круг. И все это прикрывалось плащом мнимого интернационализма. Мы ведь международная организация, не шутите! Поэтому... революционные выступления мы допустим лишь в том случае, когда обеспечим их одновременность в целом ряде стран. Но, так как «пока» этого обеспечить еще нельзя, то следует подождать с революционными выступлениями вообще. На деле получался интернациональный заговор авгуров против международного революционного действия.

Борьба ленинизма против II Интернационала разгорается с особой силой именно с начала войны 1914 г. Нечего и говорить о том, что Ленин выступает страстным обличителем сторонников вышеочерченной «точки зрения».

1) Превращение империалистической войны в войну гражданскую и

2) в империалистической войне каждый пролетарский революционер должен прежде всего желать поражения «своему» собственному правительству, — два этих главных лозунга ленинизма, выдвинутых с самого начала всемирной империалистической войны, имели, разумеется, международную значимость. Но Ленин и его сторонники не ждали, пока эти лозунги будут приняты во всех странах, а немедленно же стали их пропагандировать прежде всего в своей собственной стране, встречая среди с.-д. вождей других стран только непонимание и злобу.

Особенно важно было разбить тогдашний социал-демократический «центр», возглавлявшийся Каутским и пытавшийся «научно» обосновать ту мысль, что революционные выступления во время войны вообще невозможны, что социалистическая революция возможна — если возможна — лишь одновременно в нескольких странах, и что социалистическая революция произойдет — если произойдет — лишь в наиболее развитых капиталистических странах.

Против этой суммы идей каутскианцев Ленин бросается в бой. Ленин объявляет войну социал-шовинистам и центристам по двум линиям: 1) чисто научной — о законах развития капитализма (см. главным образом ленинский «Империализм») и 2) тактической — что такое подлинный интернационализм. Он ведет наступление прежде всего по линии разъяснения основных законов капитализма вообще и капитализма империалистического периода в особенности.

«Неравномерность экономического и политического развития, — говорит Ленин, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств».

Так писал Ленин в статье от 23 августа 1915 г., посвященной лозунгу Соединенных Штатов Европы и направленной против каутскианцев (в значительной мере и против Троцкого) [1].

Из «неравномерности экономического и политического развития», каковая неравномерность есть «без-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 133.

условный закон капитализма», Ленин справедливо выводил две вещи: а) возможность «победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране», т.-е. возможность прорыва капиталистического фронта, возможность первой пролетарской революции в одной стране, и б) возможность, что эти немногие, или даже одна страна, не обязательно будут странами самого развитого капитализма.

Но отсюда Ленин ни в коем случае не выводил третьей вещи: будто окончательная победа социализма возможна в одной стране.

Ленинская теория пролетарской революции есть теория победы социализма в рамках международных, есть теория международной пролетарской революции. Такова же теория Маркса.

Но ленинская теория международной пролетарской революции не исключает, а предполагает, что брешь может быть пробита сначала в нескольких или даже в одной стране, что пролетарская революция может произойти сначала в одной стране и продержаться в ней много лет, пока подоспеет более широкая, а затем и полная победа социализма в масштабе ряда стран или во всем мире.

Опыт русской революции и доказал, что такая первая победа в одной стране не только возможна, но что при ряде благоприятных обстоятельств эта первая страна победоносной пролетарской революции может (при известной поддержке международного пролетариата) продержаться и упрочиться на долгий период, — даже в том случае, когда поддержка со стороны международного пролетариата не выливается в форму прямых пролетарских революций.

Этот «безусловный закон капитализма» о «неравномерности экономического и политического развития» Ленин освещает со всех сторон в ряде его работ тогдашнего времени. Он вступает в спор с Каутским не только по вопросу о законах развития капитализма до всемирной империалистической войны, но и по вопросу

о судьбах империализма после окончания этой войны. В связи с «теорией» Каутского об «ультра-империализме» Ленин вновь формулирует свой «закон» «неравномерности» экономического развития капитализма [1]).

* * *

Развитие капитализма вообще, империализма в особенности, происходит неравномерно, скачкообразно. Таков закон развития капитализма. Именно это обстоятельство «выталкивает» (может вытолкнуть) на историческую арену в первую очередь ту или другую одну страну, превращая ее на время в фокус революционных событий. При этом вовсе не обязательно, чтобы это непременно была наиболее развитая в капиталистическом отношении страна. Возможно такое сочетание обстоятельств, когда наиболее активный революционный процесс начинается как раз не в стране наиболее могущественного капитализма.

Оглядываясь назад на судьбы русской революции, Ленин в 1920 г. пытался выяснить с возможно большей полнотой, каково было то сочетание особых обстоятельств, которое привело к победе пролетарской революции прежде всего в России, в стране сравнительно отсталой.

«России, — писал Ленин в своей «Детской болезни «левизны», — в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 г. было легко начать социалистическую революцию, тогда как продолжать ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 г. пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических усло-

[1]) Под «ультра-империализмом» Каутский понимал международное соглашение буржуазии различных стран после войны, которое должно «навсегда» устранить угрозу новых военных столкновений. Ленин самым беспощадным образом разоблачил лицемерно-оппортунистическую подоплеку этой «теории». (См. «Империализм», «Против течения».)

вий, как: 1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистской войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистских хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р., партии, резко враждебной, в большинстве своем, большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом; — таких специфических условий в Западной Европе теперь нет, и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим, — помимо ряда других причин, — н а ч а т ь социалистическую революцию в Западной Европе труднее, чем нам» [1]).

Еще раз к этой теме с особенной полнотой возвратился Ленин уже незадолго перед своей смертью в своих «Страничках из Дневника» — в особенности в замечательно глубокой записи «О нашей революции. По поводу записок Н. Суханова». Ленин писал там:

«Им (европейским псевдо-марксистам. *Г. З.*) совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран вне-европейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 153.

своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западно-европейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным» [1]).

И как бы вновь возвращаясь к спорам, которые происходили также в Циммервальде и Кинтале даже с лучшими людьми II Интернационала, доказывавшими, что «сначала» надо подготовить одновременное выступление рабочего класса в ряде стран, а затем уже говорить о международной революции, Ленин пишет:

«Помнится, Наполеон писал: «on s'engage et puis on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 г. в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или НЭП и т. п. [2]).

Итак, ленинизм учит:

1. Неравномерность и скачкообразность развития капитализма (в особенности, его империалистического периода) создает объективную возможность победоносного выступления пролетариата первоначально в немногих, или даже одной, отдельно взятой стране.

2. Эта одна страна не обязательно должна принадлежать к числу самых развитых в капиталистическом отношении стран. Возможно такое своеобразное сочетание обстоятельств, когда первая победоносная пролетарская революция происходит в стране, в капиталистическом отношении сравнительно отсталой, — что и доказано историей русской революции.

3. Никакой «ультра-империализм» не может изменить вышеприведенных двух законов; напротив, он только усугубляет их.

4. Из этого вытекает необходимость для пролетарских революционеров, работая над подготовкой между-

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 118.
[2]) Там же, стр. 120.

народной революции, не откладывать революционных выступлений пролетариата одной страны (раз только складываются благоприятные обстоятельства для такого выступления) до того момента, пока станет возможным одновременное выступление рабочего класса ряда стран.

5. Одержав победу в одной стране, пролетариат этой страны должен сделать максимум возможного для поддержки и развития революционного движения в международном масштабе, памятуя, что окончательная победа социализма невозможна в одной стране, что окончательная победа социалистического строя над капиталистическим решается в международном масштабе. Одно дело низвергнуть власть буржуазии и создать пролетарское правительство. Это сделать можно для начала и в одной стране. Другое дело обеспечить полную и окончательную победу социалистического строя. Последнее возможно только в результате победы пролетариата в ряде стран.

* * *

Этого последнего, т.-е. того, что окончательная победа социалистической революции невозможна в одной стране, Ленин не забывал ни на одну минуту. Уже готовый ринуться в бой, уже отправляясь в Россию после февральской революции с почти готовой во всех деталях программой будущей пролетарской революции в нашей стране, Ленин в прощальном письме к швейцарским рабочим пишет:

«Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который, в известном смысле, начнет ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего главного, самого надеж-

ного сотрудника, европейского и американского социалистического пролетариата» [1]).

Это положение остается бесспорным и сейчас. Это одно из основных положений ленинизма. Победоносно начать социалистическую революцию может и одна страна. Одержать крупные победы международная социалистическая революция может и в одной стране. Но победить окончательно социалистический строй в одной стране не может. Победа социализма во всемирно-историческом смысле решается на международной арене. Победа социализма становится прочной и окончательной, когда она одержана, по крайней мере, в нескольких решающих странах.

Отвергая и высмеивая попытки меньшевиков (как и всего II Интернационала и даже «циммервальдцев») «апеллировать» к «мировой борьбе», дабы отговориться от борьбы против русской буржуазии сейчас, в 1917 г., Ленин заявлял:

— «Когда нам изображают трудность нашего дела, когда нам говорят, что победа социализма возможна только в мировом масштабе, то в этом мы видим только попытку, особенно безнадежную, буржуазии и ее вольных и невольных сторонников извратить самую непреложную истину. Конечно, окончательная победа социализма в одной стране невозможна (подчеркнуто нами. *Г. З.*) Наш отряд рабочих и крестьян, поддерживающий Советскую власть, есть один из отрядов той всемирной армии, которая раздроблена теперь мировой войной» [2]). Начать обязана та страна, где обстановка сложилась для этого благоприятно.

— «Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении» [3]).

---

[1]) «Ленинский Сборник» II, стр. 403.
[2]) И. Ленин. Собр. соч., т. XV. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров на III съезде Советов 11 января 1918 г., стр. 87.
[3]) И. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Тезисы о мире», стр. 64.

— «Здесь — величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема — необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделав переход от нашей революции, как узко-национальной, к мировой» [1]).

— «Если мы взяли дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя с убеждением, что революция зреет во всех странах и в конце концов, — в конце концов, а не в начале начал,— какие бы трудности мы ни переживали, какие поражения нам ни были бы суждены, международная социалистическая революция придет, ибо она уже идет; дозреет, ибо она уже зреет. Наше спасение от всех этих трудностей, повторяю, во всеевропейской революции» [2]).

— «Мы всегда говорили до и после октября, что рассматриваем себя только как один из отрядов международной армии пролетариата, выдвинутый вперед вовсе не в меру его развития и подготовки, а в меру исключительных условий России. Поэтому считать окончательной победу социалистической революции можно лишь тогда, когда она станет победой пролетариата, по крайней мере, в нескольких передовых странах» [3]).

— «Без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна» [4]).

— «Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит» [5]).

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. Доклад по вопросу о Брестском мире на VII съезде РКП, стр. 126—127.

[2]) Там же, стр. 129.

[3]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. Доклад Совета Народных Комиссаров» на VII съезде Советов, стр. 403.

[4]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Тактика Российской Коммунистической Партии», стр. 321.

[5]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. Доклад на VIII съезде РКП, стр. 102.

— «Когда большевики начали революцию, они говорили, что мы можем и должны начать ее, но мы вместе с тем не забыли, что успешно окончить и довести ее до безусловно победного конца можно, не ограничиваясь только одной Россией, но в союзе с целым рядом стран, победив капитал международный...

«Мы видим подтверждение того, что русская революция есть только одно звено в цепи революции международной, и что наше дело революции развивается» [1]).

— «Мы тогда знали, что наша победа будет победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию...

«Наша ставка была ставкой на международную революцию, и эта ставка безусловно была верна...

«Если мы теперь бросим общий взгляд на международные отношения, — а мы всегда подчеркивали, что смотрим с международной точки зрения — и что в одной стране совершить такое дело, как социалистическая революция, нельзя — и посмотрим на историю войны» и т. д...

«Не надо забывать, что мы победили не больше, чем на половину... Мы все время знали и не забудем, что наше дело есть международное дело, и пока во всех государствах — и в том числе в самых богатых и цивилизованных — не совершится переворота, до тех пор наша победа есть только половина победы, или, может быть, меньше... Но наша победа тут далеко не полна, мы имеем этой победы еще менее половины» [2]).

— «Пока остались капитализм и социализм, мы мирно жить не можем: либо тот, либо другой, в конце концов, победят; либо по Советской Республике будут петь панихиды, либо — по мировому капитализму» [3]).

---

[1]) Речь на совещании представителей уездн., волостн. и сельск. исполк. совместно с Моск. Сов. 15 окт. 1920 г., стен. отчет. Моссов. № 13.

[2]) Речь на пленуме Моск. Сов. и т. д. К 3 годовщ. Окт. рев. Стеногр. отч. Моссов. № 15, 1920 г.

[3]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII. Речь о концессиях на собрании секретарей ячеек Московской организации 27 ноября 1920 г., стр. 398.

— «Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной» [1]).

— «Мы придем к окончательной победе только тогда, когда нам удастся сломить, наконец, окончательно международный империализм, опирающийся на грандиозную силу техники и дисциплины» [2]).

— «Мы всегда определенно говорили, что прочной не может быть эта победа, если только ее не поддержит пролетарская революция на Западе, что правильная оценка нашей революции возможна только с точки зрения международной. Для того, чтобы добиться того, чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех, или, по крайней мере, в нескольких главных капиталистических странах» [3]).

— «Мы всегда говорили, что мы только одно звено в цепи мировой революции, и никогда не ставили себе задачи победить одними своими силами» [4]).

— «Пока наша Советская Республика останется одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать о полной нашей экономической независимости и об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Конечно, пока такие коренные противоположности остались, — остаются и опасности, и от них никуда не убежишь...» [5]).

— «Вы все знаете, насколько капитал представляет из себя силу международную, насколько связаны между

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. Доклад на VII съезде РКП по вопросу о Брестском мире, стр. 129.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. Речь в Московском Совете 23 апреля 1918 г., стр. 187.

[3]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии», стр. 189.

[4]) «Правда», № 269, 30 ноября 1920 г. Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации.

[5]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII. Речь на VIII Всеросс. съезде Советов, стр. 408 — 409.

собой крупнейшие капиталистические фабрики, предприятия, магазины по всему миру, и отсюда, конечно, очевидно, что капитал, по самой сущности дела, победить в одной стороне до конца нельзя. Это — сила международная, и, чтобы победить его до конца, нужны и совместные действия рабочих тоже в международном масштабе. И мы всегда, с тех пор, когда боролись против буржуазно-республиканских Правительств в России в 1917 г., с тех пор, когда осуществили власть Советов, с конца 1917 г., мы всегда и неоднократно указывали рабочим, что коренная, главная задача и основное условие нашей победы есть распространение революции, по крайней мере, на несколько наиболее передовых стран» [1]).

— «Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?.. Нам... не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки» [2]).

Таковы многочисленные заявления Ленина.

Не подобраны ли тут тексты из Ленина односторонне? Не сквозит ли тут известный «Пессимизм», навеянный трудностями развития?

Ни то, ни другое!

Никто, надеемся, не упрекнет в пессимизме такую книгу, как «Азбука Коммунизма». Эта книга писалась тогда, когда революция наша шла триумфальным шагом от победы к победе.

В ней мы читаем:

---

[1]) Речь на IV всеросс. съезде работников швейной промышленности, 6 февр. 1921 г. Н. Ленин. Статьи и речи по вопросам профдвижения 1924 г., стр. 370.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «Лучше меньше, да лучше», стр. 136, 137, 138, 140.

«Коммунистическая революция может победить только, как мировая революция... При таком положении, когда рабочие победили только в одной стране, очень затруднено экономическое (везде курсив подлинника) строительство, организация хозяйства... Если для победы коммунизма необходима победа мировой революции и взаимная поддержка рабочими друг друга, то это значит, что необходимым условием победы является интернациональная (международная) солидарность рабочего класса» [1]).

Это не «пессимизм», это просто — азбука коммунизма (без кавычек).

Если, благодаря событиям, «Азбука Коммунизма» (в кавычках) кое в чем теперь устарела (как и наша программа), — то, во всяком случае, не в этом. Это — основная мысль марксизма-ленинизма.

Приведенные нами тексты из Ленина писаны также большею частью в годы наибольших успехов русской революции и международного рабочего движения. Да Ленин, как известно, и вообще не был «пессимистом».

Никакого пессимизма нет в том, чтобы напомнить один из основных тезисов ленинизма. Социализм СССР мы строим и строить будем. Из России нэповской будет Россия социалистическая. А все-таки «коммунистическая революция может победить только, как мировая революция» — этому учили и Маркс, и Энгельс, и Ленин. А все-таки мы должны остаться международными пролетарскими революционерами и помнить, что окончательная победа социалистического строя произойдет вместе с победой пролетарской революции в ряде стран. Эпоха мировой революции началась. Мы живем в ней. Окончательная победа мировой революции обеспечена на сто процентов — несмотря на задержки и контр-революционные «судороги». Чем энергичнее, увереннее, успешнее будем мы строить социализм в СССР, тем

[1]) Н. Бухарин и Е. Преображенский. «Азбука коммунизма». Петроград, 1920 г., стр. 106 — 107.

скорее — при прочих равных условиях — будет окончательная победа в мировом масштабе.

Эти коренные положения ленинизма целиком остаются верными и сейчас. Сначала казалось, что в «конце концов» это решится в течение года — двух или даже немногих месяцев. Ход событий показал, однако, что так мы рассуждали только «в начале начал». В 1921 г. Ленин писал уже: «10 — 20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20 — 40 лет мучений белогвардейского террора» [1]).

Вышеприведенные программные заявления Ленина ни на минуту не должны забываться.

Истекшие со времени 1917 г. годы и все перипетии мировой революции с 1917 по 1925 г. в известном смысле можно рассматривать, как «начало начал». Положение, которое сложилось теперь в мировом масштабе, можно характеризовать словами Ленина же: «длительная затяжка положения, не решенная окончательно ни в ту, ни в другую сторону», прибавив теперь: — с явным ростом социализма в СССР и с явным уклоном в сторону победы социалистической революции.

* * *

К вопросу о темпе и сроках мы подходим теперь, обогащенные некоторым практическим опытом, осторожно.

Не имея достаточно конкретного исторического опыта, наша партия в вопросе о сроках развития международной социалистической революции не могла не допускать, в особенности в начале нашей революции, известных просчетов.

Было время (1918 г.), когда все мы ожидали победы пролетарской революции в Германии и в некоторых других странах в течение нескольких месяцев или даже недель.

[1]) «Большевик», 1925 г., № 7, стр. 76.

Германская революция пришла гораздо позже, при чем это оказалась еще не пролетарская революция, а революция, уничтожившая лишь Вильгельма II, но не власть буржуазии. Однако уже и такой революции в Германии, при революционных потрясениях в ряде других стран, оказалось достаточным, чтобы пролетарская революция в России смогла выиграть время и закрепиться.

Оказалось, что: а) ход развития мировой революции пошел гораздо медленнее, б) но в то же время оказалось, что первая победившая пролетарская революция (СССР) может продержаться одна (при известной поддержке рабочих других стран) в течение гораздо более продолжительного времени, чем это представлялось в начале революции.

Мы ясно видим уже теперь, что там, где мы считали месяцами, часто следует считать годами, а где считали годами — десятилетиями. Это относится, с одной стороны, к вопросу о созревании международной пролетарской революции — она зреет, но гораздо более медленно, чем мы думали. Но это же относится и к вопросу о том, сколько времени может просуществовать первое пролетарское государство, пока еще одинокое в системе государств.

Пережитые нами с 1917 г. восемь лет, повидимому, являются только началом развития мировой пролетарской революции. Если взять 1917 г. (год пролетарской революции) и 1925 г. (когда международной организацией пролетариата, Коминтерном, официально признана частичная стабилизация капитализма), можно условно сказать, что эти первые восемь лет являются как бы первым туром пролетарской революции, более или менее законченным первым периодом ее. Период этот заканчивается, не приведя к решительной победе ни одну из сторон. Частичная «стабилизация» капитализма в некоторых странах в Европе компенсируется подлинной и прочной стабилизацией народного хозяйства в стране первой победоносной пролетарской революции, в Союзе ССР. Происходит,

во всяком случае, не одна, а две стабилизации. Создалось состояние некоторого равновесия, о чем Ленин говорил еще в 1920 г. [1]).

Было время, когда судьбы пролетарской революции и Советской власти в России целиком связывали с вопросом о том, одержит ли быстро победу революция в Германии. Так, на VII съезде партии (в докладе от 7 марта 1918 г.) Ленин говорил:

«Это — урок, потому что абсолютная истина, что без немецкой революции мы погибнем. Погибнем, может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке или в других далеких местах, куда нам предстоит отступать, до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петербурга до Москвы, но во всяком случае, при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, — мы погибнем» [2]).

Мы видим теперь, что дело пошло иначе. Пролетарская революция в Германии еще не победила и через восемь лет, но оказалось достаточно победы буржуазной революции, чтобы для Советской власти в России при ряде других благоприятных обстоятельств создалась возможность выиграть очень большой промежуток времени и продержаться до того момента, когда созреет подлинная победа пролетарской революции в Германии и в других решающих странах.

И, однако, Ленин был бесспорно прав, когда отстаивал ту мысль, что окончательная победа социалистической революции возможна только в международном масштабе.

---

[1]) «Оказалось, что ни победы, ни поражения, ни та, ни другая сторона, ни Советская Российская Республика, ни весь остальной капиталистический мир для себя не получили и в то же время оказалось, что если наши предсказания не исполнились просто, быстро и прямо, то они исполнились постольку, поскольку дали нам главное, ибо главное было то, чтобы сохранить возможность существования пролетарской власти и Советской Республики даже в случае затяжения социалистической революции во всем мире». (Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 189. Из речи «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии» на московской конференции 20 ноября 1920 г.)

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 132.

— «Спасение возможно только на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили» [1]), — так писал Ленин в статье «Главная задача наших дней», подходя к обоснованию своей теории передышки.

— «Наша задача, поскольку мы одиноки,—в том, чтобы революцию удержать, сохранить за нею хоть некоторую крепость социализма, каких бы слабых и умеренных размеров она ни была, пока назревает революция в других странах, пока подходят другие отряды. Но ждать от истории, что она двинет социалистические отряды разных стран в строгой постепенности и планомерности,— значит понятия не иметь о революции или по глупости своей отрекаться от поддержки социалистической революции» [2]).

И отсюда Ленин выводил заключение, что наша тактика определяется как «тактика лавирования, выжидания и отступления». Эти взгляды сам Ленин называл «теорией передышки».

Сколько лет может продержаться власть пролетариата в одной стране при отсутствии пролетарской революции в других странах — сначала мы имели не совсем ясное представление на этот счет. Фактор «время» мы начинаем правильно учитывать только теперь. Еще в знаменитом «Письме к американским рабочим» (20 августа 1918 г.) Ленин писал:

«Мы знаем, что европейская пролетарская революция может и не разгореться еще в ближайшие недели (подчеркнуто нами. *Г.З.*), как ни быстро зреет она в последнее время. Мы ставим ставку на неизбежность международной революции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы, ставим ставку на неизбежность революции в определенный короткий срок... Мы находимся в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции» [3]).

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 165—166.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. Доклад об очередных задачах Советской власти, стр. 232.
[3]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 414, 415.

И в то же время Ленин сумел еще в первые же недели Октябрьской революции объяснить нам, почему не оправдались предсказания Маркса и Энгельса, что «француз начнет, а немец доделает», почему именно «дела сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс, они дали нам, русским трудящимся и эксплоатируемым классам, почетную роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдет далеко развитие революции; русский начал — немец, француз, англичанин доделают, и социализм победит...» [1]).

Мы исчисляли сроки месяцами, а одно время даже неделями, а перед самым подписанием Брестского мира — чуть ли не днями. Но ход дальнейших событий показал, что надо внести известные поправки в решение вопроса о темпе развития пролетарской революции на Западе.

Уже очень скоро после октябрьской победы Ленин оценил фактор «время» так:

«Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала. Это надо уметь взять как факт. Надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как в России... В такой стране начать революцию было легко; это значило поднять перышко... Там мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций». Так говорил Ленин на VII съезде партии. [2])

Еще и через год мы продолжали надеяться на быстрый ход событий.

«Вот последние цифры относительно состава Варшавского Совета Р. Д.: от польских социал-предателей — 353, от коммунистов 297. Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалек уже октябрь. Это не то август, не то сентябрь 1917 г...

«Мы знаем, что и польская, и венгерская революции нарастают очень быстро. Все эти революции

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. Доклад на III Всероссийском съезде Советов, стр. 88.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 132.

подадут нам помощь, облегчат наше положение и в громадных размерах подкрепят нашу пролетарскую базу».

Так говорил Ленин на VIII съезде РКП (март 1919 г.). Но он уже прибавлял тут же:

«Это может случиться в ближайшие месяцы, но мы не знаем, когда это случится... Не издан еще такой декрет, чтобы все страны должны были жить по большевистскому революционному календарю» [1]).

* * *

Мы еще не победили окончательно. И окончательно победить в одной стране пролетарская революция не может. Буржуазно-империалистический лагерь раздирается противоречиями. Мы должны использовать этот благоприятствующий нам момент. А рабочие других стран подойдут нам на помощь: пролетарская революция созревает в ряде стран. Иначе нельзя было бы понять всей «теории передышки» Ленина. Тут ее основа. Мы выиграли решающее сражение в первой стране. Мы постараемся переждать, возьмем себе «передышку», пока подойдут другие наши армии. Теория передышки в ленинизме играет не малую роль. И весь НЭП у Ленина связан с теорией «передышки». НЭП, по Ленину, есть прежде всего большой стратегический маневр внутри страны с целью, ценою даже серьезных уступок, прочнее закрепить блок рабочего класса с крестьянством особенно на тот период, пока не подоспела пролетарская революция в других странах. При этом надо твердо помнить, что самый союз рабочего класса с крестьянством нужен будет в дальнейшем (т.-е. и после победы пролетарской революции в других странах) еще больше, чем сейчас, между тем как НЭП (т.-е. данная форма союза рабочего класса и крестьянства) —

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 120, 122.

дело временное. Союз рабочего класса и крестьянства, это — всерьез, надолго, навсегда, вплоть до уничтожения классов вообще. НЭП, это — всерьез и надолго, но не навсегда.

Оставаясь международными пролетарскими революционерами,—ибо вне этого нет ленинизма,—мы знаем прекрасно, что окончательная прочная победа у нас (т.-е. в СССР) возможна только после победы социализма еще в нескольких решающих странах. И именно потому, что мы ставим вопрос о тактике нашей партии в нынешний период пролетарской диктатуры в свете задач международных пролетарских революционеров, именно поэтому мы выдвигаем теперь лозунг «лицом к деревне», как лозунг «всерьез и надолго».

Из теории передышки с несомненностью вытекает, что Ленин, очень хорошо зная цену выигрыша во времени, вместе с тем твердо знал, что дело в конечном счете все-таки решается на международной арене. Другими словами, Ленин был международным революционером и не мог быть иным—иначе он не был бы Лениным, иначе мы не имели бы ленинизма.

Вспомним, что Ленин говорил на VIII съезде Советов:

«Вопрос стоит именно так, — долгий ряд войн до сих пор решал судьбу всех революций, всех величайших революций, такой величайшей революцией является и наша революция. Мы кончили одну полосу войн,—мы должны готовиться ко второй, но когда она придет, мы не знаем, и нужно сделать так, чтобы тогда, когда она придет, мы могли быть на высоте».

«Если мы из первой полосы войн могли выйти, то из второй полосы войн мы не выйдем так легко, и поэтому необходимо на эту сторону обратить особое внимание. Надо, чтобы эту несомненную истину каждый беспартийный крестьянин понял, и мы уверены, что он ее поймет» [1].

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 415—416, 418.

Даже большие буржуазные революции проходили не через один цикл войн, а великая пролетарская революция—это ясно—пройдет не через меньшее, а через большее количество испытаний. Исход второго цикла войн, вероятно, более или менее окончательно решит дело. Нам, разумеется, надо стараться избегать новых войн. Но удастся ли это — это зависит не от одних нас. Так говорил Ленин,—потому что он стоял на почве международной революции. При этом особое значение он придавал не только Западу, но и Востоку.

«А Индия и Китай кипят. Это — свыше 700 миллионов человек. Это, с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран, бо́льшая половина населения земли. Там надвигается, неудержимо и все быстрее надвигается 1905 год, с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 году революция в России могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно, т.-е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущая в Индии и в Китае революция уже сейчас втягивается в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию» [1]).

В своих «Страничках из дневника» Ленин еще большее внимание уделяет Востоку. Здесь мы имеем еще раз взгляд Ленина на связь нашей революции с судьбами революции мировой — взгляд Ленина в последней его редакции.

«Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государств, соединенной с эксплоата-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «К десятилетнему юбилею «Правды». Нап. 19 сентября 1922 г., стр. 74.

цией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения.

«Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, при чем этот раскол осложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно...

«Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» [1]).

Первую передышку в несколько лет мы получили в результате острой борьбы между двумя группами буржуазных государств на Западе. Мы выиграли на этой их грызне. Теперь вопрос сводится к тому, можем ли мы получить передышку, благодаря грызне империалистов Запада с империалистами Востока. Вопрос в значительной мере именно в том, чтобы разумно выиграть время, пока идет грызня между империалистским Западом и Востоком, это даст нам вторую передышку.

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «Лучше меньше, да лучше», стр. 136—137.

Всегда, когда Владимир Ильич ставит вопрос о судьбах революции в нашей стране, он связывает их с международной обстановкой — и с Западом, и с Востоком; он рассматривает их в неразрывной связи с судьбами международной революции, чтобы видеть не только часть, но и целое.

Ленин с головы до ног был международным революционером. Его учение применимо не только к России, а ко всему миру. Нам, ученикам Ленина, надо гнать, как наваждение, одну мысль о том, будто мы можем остаться ленинцами, ослабив хоть на иоту международный момент в ленинизме.

* * *

Возьмемте нашу крестьянскую политику. Ее иногда понимают так: при нынешнем положении вещей нам, конечно, ничего другого, дескать, не остается, как преклониться перед русским мужиком и его хозяйственными потребностями, сделать ему уступку, но уж, конечно, это не есть политика международной революции. Это, мол, не то, о чем писал Маркс, это не то, что называется тактикой мировой революции.

Такая постановка вопроса есть полное непонимание ленинизма. Союз русских рабочих и крестьян есть именно первая предпосылка победоносной мировой революции. То, что мы проводим в крестьянском вопросе теперь, есть именно применение принципов ленинизма, изложенных в резолюции II конгресса Коминтерна для компартий всего мира.

Если в эпоху революции 1848 г. русское крестьянство играло роль реакционного фактора (русская крестьянская армия шла душить венгерскую революцию и проч.), то в эпоху социалистической революции 1917 — 19... русское крестьянство, идущее в союзе с рабочим классом нашей страны, объективно играет великую революционную роль.

Существует ли какая-либо (а если да, то какая) связь между нынешней главой нашей крестьянской поли-

тики и международным положением, международной революцией, состоянием борьбы мирового пролетариата?

Разумеется, существует. Мы—часть международной революции. И этим объясняется, между прочим, то, что мы видим не только хронологическую, но и логическую близость между важнейшими принципиальными решениями Коминтерна и нашей партии.

Была ли связь между введением НЭП'а и замедлением пролетарской революции в мировом масштабе? Несомненно, была.

Уже в 1918 г. Владимир Ильич установил связь между намечавшимися тогда уступками и замедлением не только международной революции вообще, но и замедлением революции в одной стране,—в Германии. Он писал:

«Пока в Германии революция еще медлит «разрядиться», наша задача—учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это» [1]).

Тем более логически и политически была ясна эта связь в 1921 г. к началу НЭП'а. Владимир Ильич тогда говорил на X съезде РКП (б) следующее:

«Нет сомнения, что социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно не нужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство.

«... Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «О левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», стр. 268.

большинство мелких земледельцев. Социальная революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях: во-первых, при условии поддержки ее своевременно социальной революцией в одной или нескольких передовых странах (подчеркнуто нами. *Г. З.*)...

«Другое условие, это соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения (подчеркнуто нами. *Г. З.*)...

«Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах» [1]).

Итак, в такой стране, как наша, где преобладают мелкие земледельцы, лишь при двух условиях мы можем окончательно победить. Перед нами не просто задачи рабочей партии «вообще», а задачи рабочей партии в крестьянской стране. Возможность окончательной победы Компартии в такой стране связана с осуществлением двух условий: первое — международного и второе — внутреннего характера. Первое условие — социалистическая революция в такой стране может победить окончательно лишь при своевременной поддержке ее социальной революцией в одной или нескольких передовых странах. Второе — соглашение с крестьянством.

При этом ни одно из этих двух условий не заменяет другого; для полной победы необходимы оба. Никогда Ленин не ставил вопроса так, что крестьянин для нас суррогат союзника, что мы ему, так сказать, «союзники поневоле». Ленинизм всегда знал, что для полной и окончательной победы нам нужна реализация двух условий. Наличность одного из них не может заменить другого, а может только видоизменить его. Быстрая победа

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «Натуральный налог», доклад на X съезде РКП (б) 15 марта 1921 г., стр. 137, 138.

пролетарской революции в ряде стран не освободила бы нас от необходимости (и желательности) союза рабочего класса с крестьянством, а только видоизменила бы обстановку этого союза. И, с другой стороны, самый тесный союз рабочего класса с крестьянством в нашей стране не освобождает нас от необходимости для окончательной победы реализовать первое условие; для предохранения нашей революции против опасностей реставрации буржуазных отношений необходима социалистическая революция в нескольких других странах. Крепкий союз рабочего класса с крестьянством в нашем Союзе лишь видоизменяет постановку вопроса о первом условии (о революции в других странах) в том смысле, что дает нам больше времени и возможности ждать и оплодотворять развивающееся пролетарское движение в других странах.

В каком смысле быстрая победа социалистической революции в других странах могла бы видоизменить обстановку соглашения, союза рабочего класса с крестьянством СССР?

И тут лучше всего ответить словами Ленина (мы имеем в виду его речь на IX съезде Советов и его статью «О значении золота теперь и после полной победы социализма»). Владимир Ильич говорил так: для того, чтобы союз рабочего класса с крестьянством в нашей стране совершенно упрочился; для того, чтобы он стал на незыблемую почву и чтобы он быстро рос к социализму — для этого нам необходимо было бы перейти на прямой обмен продуктов крупной промышленности на продукты сельского хозяйства. Мы не можем этого сделать в нашей стране сейчас. Почему? Этого не позволяет экономика, так как прежде всего наша крупная промышленность еще крайне слаба. Значит ли это, что вся наша октябрьская линия была неправильной? Значит ли это, что были правы меньшевики, утверждавшие, что в неразвитой экономически стране пролетариату нельзя брать власть и что условия для социализма вообще не созрели? Нет, не значит.

Ленин говорил:

«Если говорить о цветущей крупной промышленности, способной сразу всеми потребными продуктами удовлетворить крестьянство, то это условие налицо: (если взять вопрос в мировом масштабе, такая цветущая, крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами, имеется на земле (подчеркнуто нами. *Г. З.*), но только ее не умеют пускать в ход иначе как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 гг.

«... Все же мы в праве сказать, что в мировом масштабе такая промышленность есть. На земле есть страны с такой передовой крупной промышленностью, которая может сразу снабдить сотни миллионов отсталого крестьянства. **Мы кладем это в основу своих расчетов** (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

«А если у нас, при тех условиях отсталости, при которых мы вошли в революцию, сейчас нужного нам промышленного развития нет, то что же мы — откажемся, упадем духом? Нет. Мы перейдем к тяжелой работе, потому что верен путь, на котором мы стоим. Несомненно, путь союза народных масс есть единственный путь, на котором труд крестьянина и труд рабочего будет трудом на себя, а не трудом на эксплоататора» [1]).

В статье «О значении золота» Ленин так заканчивает развитие этой мысли:

«В мировом масштабе (подчеркнуто нами. *Г. З.*) это «если» уже осуществлено, это условие уже есть налицо, но отдельная страна, притом из самых отсталых капиталистических стран, попытавшаяся сразу и непосредственно реализовать, претворить в жизнь, наладить практически новую связь промышленности с земледелием, не осилила этой задачи «штурмовой атакой» и теперь должна осилить ее

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. Доклад на IX всероссийском съезде Советов, стр. 433—434, 436.

рядом медленных, постепенных, осторожных «осадных действий» (подчеркнуто нами. *Г. З.*)» [1]).

«Вы должны помнить, — говорил Ленин в другом месте,— что наша Советская страна, обнищавшая после долголетних испытаний, окружена не социалистической Францией и не социалистической Англией, которые помогли бы нам своей высокой техникой, своей высокой промышленностью. Нет! Мы должны помнить, что теперь вся их высокая техника, вся их высокая промышленность принадлежит капиталистам, которые действуют против нас» (подчеркнуто нами. *Г. З.*) [2]).

Вот ответ на вопрос, как видоизменила бы победа пролетарской революции еще в одной или в ряде стран второе условие, необходимое для нашей окончательной победы в СССР, а именно—как облегчила бы она теснейший союз рабочего класса с крестьянством СССР. Если бы мы имели победу в тех решающих странах, о которых говорил Ленин, тогда мы крупную промышленность могли бы, если не в мировом масштабе, то, по крайней мере, в масштабе нескольких стран использовать немедленно, как фактор, который целиком определил бы наше соглашение с крестьянством в лучшей форме, в гораздо лучшей обстановке.

В этом смысле победа пролетарской революции в одной или нескольких странах хотя и не изменила бы самую необходимость нашего союза с крестьянством, но видоизменила бы условия этого союза, придала бы этому союзу еще гораздо большую прочность, создала бы для него гораздо лучшую материальную базу.

Но в том-то и дело, что до сих пор такая победа еще не наступила, и отсюда вытекает необходимость еще более осторожного подхода к вопросу о соглашении с крестьянством. Мы знаем,—говорит Ленин,— что только соглашение с крестьянством, пока не насту-

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «О значении золота теперь и после полной победы социализма», стр. 413.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч. т. XVIII, ч. I. Речь на II Всеросс. съезде политпросветов, стр. 380.

пила революция в других странах, сможет спасти социалистическую революцию в России.

«Страшен ли социализму «индивидуализм» крестьянина, его «свободная торговля?» — ставит вопрос Владимир Ильич в недавно опубликованном первоначальном наброске брошюры «О продналоге» и отвечает:

— Нет!..

«Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация, все равно неизбежен возврат к капитализму» [1]).

Иногда у нас думают: электрификация, это — просто построить станции. Нет, это не так. Электрификация, это — общий подъем промышленности и сельского хозяйства, общий технический прогресс, новая ступень техники, новая ступень развития производительных сил.

В заметке о Суханове Владимир Ильич прекрасно разъяснил, что «начать» может при известном сочетании обстоятельств и страна не самая промышленно-развитая. Но «продолжить» и «кончить» такой стране без электрификации трудно, невозможно — даже если международный тыл ей обеспечен. Без «электрификации» (т.-е. без высокого подъема производительных сил) возврат к капитализму «все равно» неизбежен. Какое счастье, что нашему СССР — теперь на это можно крепко надеяться — такая опасность, при правильной нашей политике, уже не слишком угрожает!

* * *

Коренная ошибка «теории перманентной революции» как раз и заключается в недооценке роли крестьянства, как союзника пролетариата в борьбе за власть, особенно после завоевания политической власти пролетариатом.

---

[1]) «Большевик», 1925, № 7, стр. 76.

Сопоставьте две нижеприводимых цитаты и вы получите наглядное представление о том коренном расхождении, которое существует между ленинизмом и троцкизмом в этом вопросе.

ЛЕНИН в тезисах по аграрному вопросу на II конгрессе Коминтерна писал в 1920 году:

«Разрозненное, забитое, придавленное, осужденное во всех, даже наиболее передовых, странах на полуварварские условия жизни, сельское население выше названных трех категорий, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, только тогда сможет решительно поддержать революционный пролетариат, когда политическая власть будет последним завоевана, лишь после того, как осуществится окончательная его расправа с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь после того, как эти задавленные слои сельского пролетариата увидят на практике, что у них имеется организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства их, для указания им верного пути» [1]).

Т. ТРОЦКИЙ писал в 1922 г., в предисловии к книге «1905»:

«Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» [2])(подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Теперь, после завоевания власти, когда мы упрочим свое экономическое руководство деревней, наступит целая эпоха, в течение которой поддержка крестьянства будет нам обеспечена длительно и прочно. Поддерживать пролетариат решительно и прочно, всерьез и надолго основная масса крестьян-

---

[1]) «2-й конгресс Коммунистического Интернационала», стр. 610.
[2]) Л. Троцкий. «1905», стр. 4.

ства, по Ленину, способна именно после завоевания пролетариатом политической власти.

У тов. Троцкого все это выходит «наоборот».

В этих двух цитатах, как «солнце в малой капле вод», отражается коренное расхождение троцкизма с ленинизмом. Полное непонимание роли крестьянства вообще и роли крестьянства после победы пролетарской революции в частности приводит тов. Троцкого к тому, что подлинный подъем социалистического хозяйства в Союзе ССР он «откладывает» до победы международной революции [1]). А в промежутке между победой революции в России и победой ее в международном масштабе он видит не сотрудничество пролетариата с крестьянством в стране победоносной революции, а «противоречия» и столкновения между рабочим классом и крестьянством.

* * *

Не следует представлять себе дело слишком упрощенно. Если ставится вопрос, должны ли мы, можем ли мы, смеем ли мы строить социализм в одной стране, мы отвечаем: конечно, должны, можем, смеем, обязаны. Для социалистического строительства в СССР будем мы работать уже сейчас, ничего не дожидаясь, работать, не покладая рук. Мы наверняка сможем «удержать нашу революцию» и «сохранить за ней хоть некоторую крепость социализма» и даже — крепость спльную, все растущую в своей силе. Мы имеем сейчас возможность и должны воспользоваться этой возможностью для того, чтобы в одной стране сделать максимум необходимого для поддержки революции во всех странах — прежде всего работой построения социализма в этой, пока «одной», стране.

---

[1]) «Подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы (подчеркнуто нами. *Г. З.*) пролетариата в важнейших странах Европы». Так писал тов. Троцкий в 1922 г. в его послесловии к брошюре «Программа мира» (Л. Троцкий. Собр. соч., т. III, ч. I. стр. 93).

К 1925 году база социалистического строительства в СССР расширилась значительно. Мы имеем уже не только «политические условия» для строительства социализма (т.-е. власть в руках рабочих), но и более солидную производственную, материальную базу. У нас не должно быть настроения людей, которые строят еще только леса, а здание начнут возводить в отдаленные времена. Нет, мы теперь должны строить уже само здание, а не леса. У нас не должна быть «бивуачная» атмосфера. Мы строим прочный пролетарский дом. Мы должны строить социализм в нашей стране, помня, что наша победа есть ч а с т ь международной победы, что мы сами не малая гиря на весах международной революции, что мы сами — важнейший отряд международной революции. Мы — шестая часть земной территории, мы — самая большая «дробь» международной революции. От наших усилий, от нашего напряжения, от наших успехов, хозяйственных и других, зависят успехи революции в м е ж д у н а р о д н о м м а с ш т а б е.

От того, — насколько сумеем мы сами использовать отпущенную нам историей «передышку» для строительства социализма, в значительной мере будет зависеть окончательный итог. Этим в значительной степени определяется «в конце концов» результат нынешней исторической полосы развития.

В крестьянской стране нам необходимо теперь больше всего думать о д о р о г е к построению социализма в деревне. Эту дорогу Ленин указал незадолго до своей кончины.

Еще и еще раз запомним заявление Ленина в его последней статье о кооперации (1923 г.), имеющее для нынешних условий особенное значение и гласящее:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только коо-

перации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при НЭП'е так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения... Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе»[1]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Вдумываясь в последнюю работу Ленина «О кооперации», мы ни на минуту не должны упускать из вида следующее. Беря вопрос о кооперации в большом принципиальном разрезе, рисуя развитие в СССР будущего «кооперативного строя», долженствующего окончательно вытеснить элементы капиталистического строя, Ленин дает нашей революции великую программу, грандиозную перспективу, абсолютно правильную и единственно возможную. Он показывает нам конкретную дорогу «мелкого и мельчайшего» крестьянства к социализму.

Ленин затрагивает в этой работе и вопросы, связанные с ближайшими этапами развития кооперативного строя в СССР (указание на необходимость известных льгот кооперации со стороны государства, указание на необходимость усиления партийной работы в области кооперации и т. д.). Но центр тяжести последней работы Ленина именно в первой области: это — большая принципиальная перспектива в разрезе, по меньшей мере, десятилетия. «Опосредствовать» этот путь должна партия на основе практического опыта. Практические проблемы ближайшего этапа (или ближайших этапов) развития кооперации в СССР впредь до полного включения кооперации в социалистическую систему, впредь до того, как кооперация в известном

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 140, 144—145.

смысле «выварится в социалистическом котле», — эти ближайшие практические проблемы придется разрешать в ближайшие годы больше всего на основании практического опыта. Нет никакого сомнения в том, что организация мелких производителей, мелких собственников, хотя бы и в кооперативной форме, есть дело, чреватое серьезнейшими экономическими и политическими трудностями, которые надо видеть, чтобы суметь их разрешить. То, что Ленин в свое время говорил о свойствах кооперации «химически выделять» меньшевиков и эс-эров, безусловно остается в силе на ближайшие годы кооперативного строительства.

Тут нет ничего непреоборимого для нас. Это затруднение мы при правильной политике преодолеем. Но предстоящую борьбу за кооперацию и борьбу внутри кооперации необходимо видеть с полной ясностью. Чем больше деревня будет становиться на ноги, тем серьезнее на первых порах будет эта борьба за кооперацию и внутри кооперации, именно в деревне. Это надо видеть.

Вкладывая весь энтузиазм и всю энергию в дело развития кооперации, мы лишь тогда будем верны всему тому, что сказано Лениным о кооперативном строе, если в самом начале подойдем с трезвым классовым масштабом к вопросу о ближайших этапах кооперативного строя в обстановке НЭП'а, если и в этой области не допустим ни разочарования и уныния при первых неудачах, ни иллюзий и «кооперативной» подслеповатости при первых успехах.

Дорогу к построению социализма в деревне надо видеть ясно. Но надо видеть и овраги и камни на этой дороге. Тогда мы победим наверняка.

* * *

Близится годовщина первого десятилетия диктатуры пролетариата в СССР. Скоро исполнится первое пятилетие НЭП'а. Экономические итоги этого первого

пятилетия имеют громадное значение для суждения о том, насколько быстро сумеем мы строить социализм в нашем Союзе ССР, который, пока что, является единственным социалистическим союзом и, пока что, развивается «в буржуазном окружении».

Было время, когда на IV Всемирном конгрессе Коминтерна Ленин с величайшим торжеством сообщал представителям международного пролетариата о первых 10 миллионах золотых рублей, накопленных Советской республикой на международной торговле и т. д., и рисовал перед Коминтерном перспективу того, как на эти накапливаемые миллионы мы будем постепенно поднимать нашу тяжелую промышленность. В настоящее время мы могли бы предъявить уже совершенно другие цифры.

Перед нами «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925—26 г.» (доклад президиума Госплана СССР в СТО). Достаточно взять из этого доклада только самое главное.

Вся товарная масса внутреннего производства, составлявшая в 1924—25 г. 7307 млн. руб. по довоенным ценам против 11509 млн. руб. в 1913 году (63%), в 1925—26 г. повышается до 9149 млн. руб., или до 79% довоенной товарной массы.

Валовая продукция цензовой промышленности, составлявшая в 1913 г. 5620,6 млн. руб., составила в 1924—25 г. 3977,3 млн. руб., или в процентах — ровно 70%.

Число занятых в цензовой промышленности рабочих составляло в 1913 г. 2598,6 млн. рабочих, а в 1924 — 25 году составило 1.841,0 рабочих, т.-е. 70,8%.

Валовая продукция на одного рабочего по довоенным ценам составляла в 1913 г. 2162,9 р., в 1924—1925 г. — 2160,4 р., т.-е. 99,9%.

Грузооборот нашего транспорта составлял в 1913 г. 7671 млн. п.; в 1924—25 г. — 4576 млн. п.; в 1925—26 г. составит 6100 млн. п. Грузооборот железнодорожного транспорта составит, таким образом, в 1925—26 г. 80%.

Капитальные затраты на нашу промышленность на 1925—26 г. составят около 970 млн. руб., из коих на новые работы — 324 млн. руб., на восстановительные — 646 млн. руб.

Экспорт и импорт превысят в ближайшем году 2 миллиарда. При этом положительный платежный баланс сводится в 150 млн. руб.

Рост числа рабочих предположен в размере 21% для всей цензовой промышленности. Рост выработки рабочего предположен в 15%. Нормальная заработная плата реально увеличится в этом году, вероятно, на 20%.

Начато жилищное строительство. Растет и оздоровляется бюджет.

В 1920 г. валовая продукция нашей цензовой промышленности упала до 17%; к 1925 г. мы поднялись с 17% до 70%! Близко время, когда мы поднимемся до 100%. Продукция земледелия в 1925—26 г. должна подняться примерно до 87% довоенных.

Таковы основные цифры. Быстрый хозяйственный подъем, который носит в себе все признаки дальнейшего еще более быстрого хозяйственного подъема, налицо. Этот итог мы запишем с величайшим удовлетворением.

Сторонники ленинизма не могут, однако, ставить вопроса о дальнейших судьбах СССР только с точки зрения голого развития производительных сил. Без развития производительных сил нет социализма — это так. Но при наличии такого переходного строя, как НЭП — переходного строя, основной чертой которого является борьба между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства, — ставить вопрос с точки зрения голого развития производительных сил было бы неправильно и пахло бы «советским» струвизмом. Нашего хозяйственного подъема не решается теперь отрицать никто. Весь вопрос в том, «куда растет» это развитие производительных сил. Весь вопрос в том, какова будет роль социалистических элементов в общем росте нашего хозяйства.

Цифры, опубликованные на этот счет и в цитированном выше докладе и в интереснейшей работе

С. Струмилина «Социализируется ли наше хозяйство?» говорят о том, что и процессы обобществления в нашем народном хозяйстве начинают развиваться в общем благоприятно.

«Из наличных в стране материальных средств производства, не включая сюда жилищный фонд потребительного значения, к началу 1924—25 г. государству принадлежало капитальных фондов, по самым скромным и далеко не полным расчетам, не менее 11,7 млрд. червонных рублей, кооперации — 0,5 млрд. и частным, главным образом, крестьянским хозяйствам — 7,5 млрд. Таким образом, в области обобществления средств производства обобществлено свыше 62% общего их итога, осталось обобществить путем кооперирования и огосударствления до 38%. При этом в деревне наши капитальные фонды обобществлены пока едва на 4%, а в городе, включая сюда крупную промышленность и железнодорожный транспорт, — на 97%.

«Специально в области промышленности средства производства обобществлены на 89%, в том числе в крупной — на 99%. Что же касается суммы производства крупной и мелкой промышленности, то здесь контрольными цифрами намечается следующая динамика:

Валовая продукция в милл. черв. руб. и в %%

Годы.	Госуд. и коопер.		Частная.		Итого.	
	Абсол.	В%%.	Абсол.	В%%.	Абсол.	В%%.
1923—24	5 562	76,3	1 728	23,7	7 290	100%
1924—25	7 550	79,3	1 970	20,7	9 520	100%
1925—26	9 186	79,7	2 334	20,3	11 520	100%

«Как видим, продукция обобществленных предприятий не только обещает нам громадный абсолютный прирост — за два года на 65%, но и заметно повышает из года в год свой удельный вес в общей продукции» [1]).

[1]) «Экономическая Жизнь», 1925 г., № 2009.

Эти цифры (они, конечно, приблизительны) настраивают на самый оптимистический лад. И все же сторонник ленинизма, повторяем, не должен забывать, что в том переходном строе, который называется НЭП'ом, «внутри» иного «обобществленного» рубля все-таки сидит еще капиталистический конкурент или соревнователь, капиталистический микроб, которого еще надо умертвить, медленно привести к «засыпанию». Большее или меньшее соревнование социалистических и капиталистических элементов происходит у нас еще, можно сказать, почти в каждом атоме нашего хозяйства. Невидные для простого глаза молекулярные процессы этого соревнования — выливающегося и в прямую классовую борьбу — ни в коем случае не должны забываться.

Нельзя скрывать от себя и того, что даже рабочие, занятые в нашей крупной промышленности, нередко чувствуют себя еще наемными рабочими и далеко еще не всегда сознают себя социалистическими производителями, работающими на своих обобществленных социалистических фабриках и заводах. Громадную роль в этом отношении играют еще такие факты, как наличие безработицы, недостаточная высота заработной платы, наличие беспризорности и т. п.

Социалистические элементы хозяйства в деревне представлены у нас, главным образом, кооперацией. Кооперации принадлежит громадное будущее. Она, несомненно, сыграет в деревне ту роль, которая предначертана ей в последней работе Ленина «О кооперации». По данным ЦСУ, во всем Советском Союзе кооперированного населения $31^1/_2$ милл. чел. (с членами семейств) — на 135 милл. всего населения СССР. К 1925 году, таким образом, в СССР кооперировано приблизительно 23 — 25% населения. Это, конечно, серьезное начало, особенно если принять во внимание, что сколько-нибудь нормальное развитие кооперации у нас начинается только примерно с 1923 года, и особенно если учесть тот быстрый рост кооперации, который мы наблюдаем в последние годы. Однако

и здесь было бы недопустимо впадать в самодовольство и представлять, себе дело так, будто между каждым нынешним кооперативом и социализмом уже сейчас можно поставить полный знак равенства. В ином «кооперативном» рубле тоже пока еще у нас продолжает жить капиталистический микроб. Пережитки капитализма в нашей кооперации еще сильны и будут сильны еще в течение очень значительного времени. Внутри кооперации идет и значительное время еще будет итти своеобразная классовая борьба. В деревне (см. вышеприведенные цифры С. Струмилина) капитальные фонды обобществлены пока еще едва на 4%. И хотя «капитальные фонды» деревни в абсолютных цифрах меньше, чем «капитальные фонды», принадлежащие государству (примерно 7:11), не следует забывать того кардинального факта, что крестьянство составляет в нашем Союзе громадное подавляющее большинство населения и что уже одним весом этого большинства крестьянства налагается сильнейший отпечаток на все развитие нашей экономики и всей вообще общественной жизни. Мелко-буржуазное товарное хозяйство — налицо. Распространение его еще огромно. Роль его еще очень велика. Классовые различия не уничтожены. Реальное влияние деревни много больше, чем соотношение 7:11. «Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения (в России) и всей экономики (подчеркнуто нами. *Г. З.*)... Это самая основная экономическая азбука» — писал Ленин еще сравнительно недавно. Не следует забывать и того, что хотя относительная роль частного капитала в крупной и мелкой промышленности за последние два года падала (с 23,7% в 1923—24 г. до 20,7% в 1924—25 г.), абсолютная доля частного капитала за эти же годы выросла с 1 728 млн. в 1923—24 г. до 2 334 млн. в 1925—26 г.

Мы должны помнить слова Ленина:

«Понятно, что без этой переработки всей промышленности с точки зрения условий крупного машинного производства социалистическое строительство

останется только суммой декретов, останется политической связью рабочего класса с крестьянством, останется спасением крестьянства от колчаковщины, деникинщины, останется примером для всех держав мира, но не будет иметь своей основы (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Коммунизм предполагает Советскую власть, как политический орган, дающий возможность массе угнетенных вершить дела, без этого коммунизм немыслим...

«Этим обеспечена политическая сторона. Но экономическая может быть обеспечена только тогда, когда действительно в русском пролетарском государстве будут сосредоточены все нити крупной промышленной машины, построенной на основах современной техники» [1]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*)...

«Класс эксплоататоров, помещиков и капиталистов не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплоататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал, отделением коего они являются (подчеркнуто нами. *Г. З.*). У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи... Их значение несравненно больше, чем доля их в общем числе населения» [2]).

Мы имеем все основания бодро смотреть в будущее. Страна поднимается. Мы наблюдаем не только общий рост производительных сил, мы наблюдаем постепенное возрастание социалистических элементов нашего хозяйства. И вместе с тем, если мы хотим остаться до конца ленинцами, мы должны ясно видеть, что классовая борьба происходит и в городе, и в деревне. Ни на минуту мы не должны упускать

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии», стр. 197—198.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», стр. 354.

из вида того, что капитализм растет из крестьянского индивидуального хозяйства, о чем непрестанно напоминал в годы НЭП'а Ленин.

Вкладывая в дело подъема народного хозяйства, в дело строительства социализма в СССР весь энтузиазм, всю энергию, весь размах, на который способен восходящий класс, пролетариат, мы, вместе с тем, должны самым решительным образом отстаивать важнейший тезис ленинизма о невозможности окончательной победы социализма в одной стране. Каждый новый построенный завод, каждая победа социалистических элементов нашего хозяйства над капиталистическими, каждый новый взмах «обобществленного» молота, бьющего по паковальне нашей родной советской промышленности, должны делать из наших рабочих, из членов нашей партии, все более закаленных международных пролетарских революционеров. Только тогда мы избегнем опасности превратиться в царство крестьянской ограниченности — опасности, против которой предостерегал нас в своем политическом завещании Ленин.

* * *

Одна из самых замечательных статей Ленина (мы имеем в виду статью «О восхождении на горы», написанную весной 1922 года) дает лучший ответ на затронутый в этой нашей главе вопрос. Она как бы написана специально для сегодняшнего дня:

«Мы «доделали» буржуазно-демократическую революцию так «чисто», как никогда еще в мире...

«Но мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отпять назад враждебные нам силы умирающего капитализма (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Надо отчетливо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий (и головокружения, особенно на больших высотах). И нет решительно ничего «страшного», ничего дающего законный повод хотя бы к малейшему унынию в признании этой горькой истины,

ибо мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран... Не погибли (и, вероятнее всего, не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние... И нам тем менее позволительно впадать хоть в малейшее уныние, тем менее есть оснований для этого, что кое в чем мы при всем нашем разорении, нищете, отсталости, голоде начали двигаться вперед в области подготовительной к социализму экономики» [1]).

Ленин воюет в этой статье, и воюет справедливо, против уныния. Но он в то же время объявляет войну и иллюзиям. «Головокружение особенно опасно на больших высотах» — напоминает Ленин. Это напоминание как нельзя более своевременно именно сейчас, когда начался серьезный хозяйственный подъем, когда мы начинаем взбираться на все большие и большие «высоты». Вот тут-то и недопустимы иллюзии, вот тут-то и опаснее всего потерять голову, начать видеть все в розовом свете, видеть социализм там, где мы имеем пока еще только государственный капитализм при возрастании социализма, не видеть того, что на деле кипит еще классовая борьба и т. д., и т. п.

Вот тут-то и опасно настроение, которое сводится к тому, что мы «обойдемся» и без поддержки международного пролетариата. «Мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, — писал Ленин, — что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран». «Исповедывали и повторяли» — можно ли выразиться яснее! Эту истину ленинизм должен «исповедывать и повторять» и теперь.

Эта постановка вопроса, разумеется, ничего общего не имеет с той «концепцией», которая говорит: без

[1]) Н. Ленин. «О восхождении на горы», писано февраль—март 1922 г., напечатано в «Правде» № 87, 1924 г.

внешних займов мы не сможем обновить основной капитал нашей промышленности, без больших концессий иностранным капиталистам мы не подымем хозяйства и т. п., поэтому надо итти на «западную ориентацию», большие уступки заграничным капиталистам и т. д. Конечно, мы не против займов и не против концессий — на выгодных для нас условиях. Но главная ставка наша не на это, а на силы внутреннего развития. Мы шли на значительные уступки, чтобы получить заем в 200 — 300 милл. руб. от «товарища» Макдональда, когда он был министром. Дело не вышло. А вот в 1925 году мы получили от «товарища урожая» внутренний «заем» на бо́льшую сумму — и на гораздо более выгодных условиях. Уже в нынешнем году мы сможем вложить в свою промышленность почти целый миллиард капитала. Конечно, в миллиардных сапогах советская промышленность начнет шагать гигантскими шагами — вперед к «американскому» темпу.

И все же это еще не окончательная победа социализма.

«Самообман был бы величайшим вредом для революционеров в настоящий труднейший момент» [1]).

Не надо уныния, но не надо и иллюзий. Абсолютно неверно, будто для поддержания бодрости растущего поколения молодежи, для того, чтобы дать ей веру в окончательную победу, — нужно прикрашивать действительность и подсахаривать перспективы. Ленин никогда этого не делал. «Тем менее позволительно впадать хоть в малейшее уныние, тем менее есть оснований для этого, что кое в чем мы при всем нашем разорении, нищете, отсталости, голоде, начали двигаться вперед в области подготовительной к социализму экономики» [2]). Так писал Ленин весной 1922 года — писал скупо, осторожно. Но, право же, в этой сдержанности и скупости на обещания чув-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «К десятилетнему юбилею «Правды». Стр. 76.

[2]) Н. Ленин. «О восхождении на высокие горы и о вреде уныния». «Правда», 1924 г., № 87.

ствуется подлинный оптимизм и подлинная вера в окончательную победу.

В 1925 г. еще гораздо менее позволительно впадать в уныние. Мы были оптимистами на XII съезде РКП (1923 г.). В 1925 году к этому есть еще гораздо больше оснований.

В Союзе ССР начинается еще небывалое по грандиозности строительство — хозяйственное, культурное, общеполитическое. Все глубже и глубже будет уходить в землю коммунистический плуг, все более глубокие пласты народных «низов» будем поднимать мы своей строительной работой. Вера в народные массы, вера в творчество народных «низов» была самой замечательной чертой Ленина. Эту веру целиком унаследовала партия в целом. Партия сумеет поднимать в течение годов многомиллионные массы рабочих и крестьян. Партия сумеет, во главе всего рабочего класса, строить социализм. Партия сумеет вести народ к бесклассовому обществу. Партия сумеет использовать для социалистического строительства каждую пядь, каждую реальную заценку. Партия сумеет увлечь все подрастающее молодое поколение на путь подлинного социалистического строительства и социалистической культуры. Но именно для того, чтобы все это с успехом выполнить, партия будет бороться против всякой ревизии ленинизма, в особенности против всякого уклона к национальной ограниченности. Именно для того, чтобы выполнить эти великие, всемирно-исторической важности задачи, партия должна, прежде всего, суметь остаться *до конца партией международной пролетарской революции*.

* * *

Ленин учил, что победа даже только подлинно-демократической революции в России не будет прочно обеспечена, если не будет на Западе социалистического переворота. Гарантию от реставрации даже только при

демократической революции в России Ленин видел в международной социалистической революции.

В речи на Стокгольмском «объединительном» съезде (1906 г.) Ленин говорит: «русская революция может своими собственными силами победить, но она ни в коем случае не может своими собственными силами удержать и закрепить своих завоеваний. Она не может достигнуть этого, если на Западе не будет социалистического переворота... У нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе, и в этом отношении не надо упускать из виду, что классическая буржуазная революция в Европе, именно великая французская революция XVIII века, происходила совсем не при такой международной обстановке, при какой происходит русская революция. Франция конца XVIII века была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии, накануне последней схватки с буржуазией»[1]).

Тем более, все, что сказано здесь у Ленина, относится к социалистической революции в России. У нее-то уж подавно нет никаких других резервов, кроме международного социалистического пролетариата (и в известных пределах—угнетенных народов Востока). У нее-то уж подавно нет никаких других безусловных гарантий от реставрации буржуазного строя — кроме социалистической революции в ряде других стран. Кто забывает эти слова Ленина, сказанные в 1907 году, кто не умеет применить их к нынешней обстановке, тот делает уступку «национальной ограниченности».

Нет никакого сомнения в том, что вся нынешняя обстановка (замедление темпа европейской революции, серьезное начало хозяйственного роста в СССР, весь социально-политический переплет, созданный НЭП'ом)

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. VII, ч. I, стр. 156.

порождает известный «спрос» на урезку ленинизма именно в решающем пункте: о международном характере пролетарской революции. Буржуазное и мелкобуржуазное влияние в нынешний период революции выражается прежде всего в том, что рабочий класс нашей страны и нашу партию мелко-буржуазная стихия пытается толкнуть к позиции национальной ограниченности [1]), мещанской замкнутости, мелко-буржуазного самодовольства. Это носится в воздухе.

Как ни парадоксально, но это факт: эти настроения сами являются симптомом общего роста и укрепления Советской власти. Силушка по жилушкам расходится—растет и крепнет, возрождается и упрочивается хозяйство и в городе, и в деревне. У народной массы появляется вполне понятное и справедливое стремление отдохнуть, мирно похозяйствовать на своей земле, набраться новых сил, отдохнуть от кризисов, военных передряг, напряженной борьбы, международных конфликтов и т. д. Такие настроения живы и у коммунистов. И вот это-то стремление к отдыху враги пролетарской революции — идеологи международной буржуазии, сменовеховцы (см. книгу Устрялова) и т. п.— пытаются использовать для того, чтобы столкнуть большевизм на путь национальной ограниченности.

Прислушаться к этим настроениям народной массы, взвесить и учесть их надо. Все возможное для того, чтобы обеспечить как можно более долгий

[1]) Резолюция XIV-й всесоюзной партконференции вскрывает корни этой «национальной ограниченности». «В связи с сложившимся на международной арене положением, нашей партии в данный период могут угрожать две опасности: 1) уклон к пассивности, вытекающий из чрезмерно расширительного толкования наметившейся кое-где стабилизации капитализма и замедленного темпа международной революции, отсутствие достаточного импульса к энергичной и систематической работе над построением социалистического общества в СССР, несмотря на замедленный темп международной революции, и 2) уклон к национальной ограниченности, забвение обязанностей международных пролетарских революционеров, бессознательное пренебрежение к теснейшей зависимости судеб СССР от развивающейся, хотя и медленно, международной пролетарской революции, непонимание того, что не только международное движение нуждается в существовании, упрочении и усилении мощи первого в мире пролетарского государства, но и диктатура пролетариата в СССР нуждается в помощи со стороны международного пролетариата». («Резолюции XIV конференции РКП (б.)». Изд. «Прибой». Ленинград, 1925 г., стр. 56).

мир и возможность мирного труда, наша партия, руководящая государством, сделать обязана. Заслуга тех, кто подчеркивает эту сторону дела, велика. Чуткость к этим настроениям проявить надо. Но чуткость к массе не есть угодливость к ее слабостям. Быть чутким к массе не значит просто-напросто поддакивать ее предрассудкам. «Хвостизм» в этой области был бы особенно опасен — это должно быть ясно для всех нас. Именно коренные интересы десятков и десятков миллионов трудящихся требуют того, чтобы в нынешнюю эпоху, больше чем когда-либо, все вопросы русской революции ставились в неразрывной связи с вопросами международной революции.

Если прислушаться ухом к земле и прислушаться к нынешним массовым настроениям в толще трудящегося населения, можно констатировать двоякого рода настроения.

Первый массив, первая группа настроений: наконец-то хозяйство начинает подниматься; наконец-то мы начинаем залечивать раны, нанесенные войной; мы хотим отдыха, мы хотим поковыряться в своей земле, мы хотим мирного труда, мы хотим поднимать свое благосостояние; избавьте нас от новых кризисов, потрясений; поменьше связывайте наши судьбы с судьбами международными; довольно кризисов, довольно бурь; мы «не против» международной революции, но мы не считаем ее своим кровным делом; мы хотим покоя во что бы то ни стало.

Другой массив, другая группа настроений: мы тоже всем сердцем хотим покоя, мы тоже за мир, мы не хотим новых войн и новых испытаний, мы тоже хотим отдаться мирному труду; но мы знаем, мы научились на опыте 1914 — 1925 гг., что вся общественная жизнь, хотим ли мы того или не хотим, интернационализировалась; война 1914 года научила нас тому, что судьбы народов сплелись в один международный клубок; мы знаем, что келью под елью построить себе нам не удастся; мы знаем, что прочную возможность мирного труда «навсегда», поднятия культуры, пол-

ного упрочения социализма мы можем создать себе лишь после того, как будут вырваны зубы хищников империализма в наиболее крупных странах, лишь после того, как победят рабочие нескольких стран, как капитализм будет низвергнут не только в нашей стране, но и в ряде других крупных стран. Вот почему мы должны связать свою судьбу с судьбами международного революционного движения; вот почему, например, приезд к нам рабочих делегаций из ряда стран имеет для нас не только значение приятной демонстрации, а является хлебом насущным, кровным делом.

Первая группа настроений захватывает и крестьян, и многих рабочих — иногда и коммунистов в том числе. В частности она неизбежно должна находить отклик в государственном «аппарате», а оттуда частично проникать кое-где даже в партию. Не надо делать себе никаких иллюзий. Первый массив, вероятно, б о л ь ш е второго. Это пока-что более массовидные настроения. А второй массив — передовой, авангардный, более твердый, хотя и не столь большой. Партии пролетариата, осуществляющей диктатуру в нынешней обстановке, необходимо в своей политике у ч е с т ь первую группу настроений. Но п о д д е р ж и в а т ь, б е р е ч ь, л е л е я т ь, р а з в и в а т ь необходимо вторую группу настроений. Первую группу надо «подтягивать» ко второй, а не наоборот — и подтягивать, разумеется, умело, осторожно, бережно. Но подтягивать надо именно ко второй. Ибо именно эта вторая группа настроений совпадает с линией революционного развития, ибо только она отражает коллективный разум всего, что есть самого передового в нашем народе, ибо только она усиливает нашу партию, как партию международной пролетарской революции.

Правильно понятые «национальные» интересы нашего Союза Социалистических Республик требуют именно и н т е р н а ц и о н а л ь н о й постановки основных вопросов. Коренные и основные интересы самого СССР требуют того, чтобы СССР связал свою судьбу с судьбами международной революции. «Национальная

гордость великороссов» (вспомнимте замечательную статью Ленина) требовала раскрепощения и полного равноправия всех прежде угнетенных народов. Это не была «жертва». Не может быть свободен народ, безропотно допускающий угнетение других народов. Так и теперь приходится сказать: решать все вопросы СССР под углом зрения международной революции не есть «жертва» со стороны СССР; прочны судьбы лишь того государства, которое всю свою политику (и всю свою экономику) строит по линии исторического прогресса. Международная революция это и есть завтрашний день человечества. Пролетариат — класс восходящий — видит не только свое сегодня, но и свое завтра. Это и есть самая «разумная», самая «выгодная» для трудящихся политика.

Международная пролетарская революция развивается медленно? Верно! Но все же Союзу ССР разумнее и трудящимся массам «выгоднее» держать курс на медленно (пока еще медленно) идущий вверх международный пролетариат, нежели на медленно (но верно) идущую вниз международную буржуазию.

Ленинизм учил, и все события последнего времени целиком это подтвердили, что вне победы пролетарской революции во всем мире или, по крайней мере, в ряде стран нет окончательной и прочной гарантии против восстановления буржуазных отношений, т.-е. новой кабалы, новых десятков лет белого террора, новых кровопролитных империалистических войн и т. д. И именно в интересах народных масс СССР, партия Ленина должна бороться не только против идеологических пережитков военного коммунизма, но и против тех буржуазных и мелко-буржуазных идейно-политических наслоений, которые связаны с эпохой НЭП'а и наступающим — наконец! — подъемом благосостояния страны в результате НЭП'а.

* * *

В своей статье «Завоеванное и записанное», написанной по поводу основания III Интернационала, Владимир Ильич писал следующее:

«Теория марксизма, освещенная ярким светом нового всемирно-богатого опыта революционных рабочих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже итти по наметившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу»[1] (подчеркнуто везде нами. — *Г. З.*).

Это сказано просто, сказано по-ленински: одержать победу и закрепить победу. Брать победу — это партия выполнила под непосредственным руководством Ленина. Победа одержана, дело идет теперь о том, чтобы ее закрепить. Это дело тоже не легкое и не простое.

«Окончить» нам труднее во многих отношениях, чем «начать». Теперешний союз рабочих и крестьян это уже не только совместная борьба против помещиков и капиталистов. Это прежде всего — совместное хозяйственное и культурное строительство. В конспективном наброске «О продналоге» Ленин писал: «Союз рабочих с крестьянством против Деникина и К° не то, что союз (этот же) в экономическом строительстве. Первый=буржуазная революция. Второй=социалистическая революция»[2] (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Союз рабочих и крестьян на почве хозяйственного строительства будет в дальнейшем еще более необходим, чем до сих пор. Как внутри этого союза сохранить руководство пролетариата в новую (хозяйственную) эпоху революции, — это во всем основном успел изложить Ленин, в особенности в главных его работах

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 55.
[2] «Большевик», 1925 г., № 7, стр. 75.

о НЭП'е, в статье «О кооперации», в «Лучше меньше, да лучше», в речах против «командования» и т. д.

Как внутри рабоче-крестьянского блока сохранить руководство пролетариата и продолжать строить социализм в крестьянской стране — это меньше всего уяснил себе троцкизм. И это не удивительно. Троцкизм больше всего споткнулся именно на вопросе о крестьянстве, на вопросе об увязке частей движения в единое целое, на вопросе об изучении конкретного пути революции в крестьянской стране. Этот основной органический недостаток мешает троцкизму понять сложное сочетание сил и в нынешнюю стадию революции.

У нас теперь часто повторяют слова о рабоче-крестьянском союзе, не понимая того, что дело идет не просто о союзе, а о таком союзе, в котором руководящая роль должна остаться за пролетариатом.

Мы должны итти навстречу рассудку (а не предрассудку) «мелкого и мельчайшего» крестьянина, оставаясь в то же время международными пролетарскими революционерами.

Мы показали выше достаточно подробно, что если освещать вопрос о возможности окончательной победы социализма в одной стране на основании того, что говорил и писал Ленин, то вопрос ясен на 100%. Приведенные многочисленные заявления Ленина никаким кривотолкованиям не поддаются.

Именно разбираемые в этой главе вопросы принадлежат к тем, где сказанное Лениным исчерпывает тему на 100%. Именно эти вопросы связаны с основами марксизма-ленинизма. Именно в области этих проблем новейшие факты политики и экономики подтвердили ленинизм целиком.

В 1915 году Ленин впервые особенно точно формулировал возможность первой победы пролетарской революции сначала в одной стране. А когда эта победа в одной стране (в России) пришла, Ленин в течение ряда лет чуть ли не каждый день твердил о том, что это еще

не есть окончательная победа социализма, что это только часть победы, что окончательная победа социализма возможна только в международном масштабе.

* * *

Весь путь ярко освещен нам Лениным. Обстановка складывается благоприятно. Теперь перед нами стоит задача скромная, но и великая—закрепить победу в крестьянской стране, в той обстановке, в которой мы находимся. А закрепить победу в нашей стране — это значит в то же время открыть путь к победе рабочих других стран, облегчить эту победу, помочь ей и тем самым подготовить окончательную победу коммунизма во всем мире.

ГЛАВА XV.

УЧЕНИЕ ЛЕНИНА О РОЛИ ПАРТИИ.

К ВОПРОСУ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА И ДИКТАТУРЕ ПАРТИИ.

Нет никакого сомнения в том, что взгляды большевизма на роль партии в революции являются одной из важнейших составных частей ленинизма. Именно в этой области ленинизм сказал особенно много нового по сравнению с тем, что в свое время было сказано Марксом и Энгельсом. Это и понятно. И Маркс и Энгельс умерли задолго до того, как действительно началась эпоха пролетарской революции. При их жизни не существовало еще закаленных, богатых опытом коммунистических партий. Именно Ленину выпало на долю дополнить и развить в этой области взгляды Маркса и Энгельса. Разумеется, здесь, как и во всех остальных областях, ленинизм в общем поднимался, так сказать, на плечах марксизма. Но именно в этом вопросе ленинизму пришлось с особым трудом прокладывать себе самостоятельную дорогу.

Оглядываясь назад, на 20-летнюю борьбу большевизма с меньшевизмом в России, мы теперь ясно видим, что исходным пунктом первого раскола между большевиками и меньшевиками, в сущности говоря, был вопрос о роли партии в революции. В самом деле, чем иным в исторической перспективе был знаменитый спор о первом параграфе устава, разгоревшийся на 2-м съезде партии (в 1903 году) и при-

ведший к первому расколу большевиков с меньшевиками?

В начале этого расхождения даже Ленин, по вполне понятным причинам, не видел еще полностью объема спора. Он формулировал тогда обвинение против меньшевиков как обвинение в «оппортунизме в организационных вопросах»; но уже очень скоро выяснилось, что дело шло вовсе не только об организационных проблемах, а о чем-то гораздо большем: спор шел не больше, не меньше, как об исторической роли рабочей партии в революции.

Ленин и вслед за ним ряд других большевиков не раз указывали уже в начале 900-х годов на то, что одной из причин гибели Парижской Коммуны было отсутствие у французских рабочих единой централизованной марксистской партии, наличие в движении Парижской Коммуны различных, частью противоположных и противоречивых, направлений.

Чем ближе изучаем мы теперь историю Парижской Коммуны, чем больше новых материалов появляется о ней, тем яснее становится, насколько прав был Ленин, когда он, особенно в своих многочисленных устных докладах о Парижской Коммуне (к сожалению, далеко не все они были записаны и напечатаны), с величайшей настойчивостью подчеркивал ту мысль, что одной из важнейших причин гибели Парижской Коммуны было отсутствие сплоченной, централизованной пролетарской партии.

Не следует, разумеется, упрощать вопроса. Очень может быть, что Парижская Коммуна погибла бы и при наличии такой партии. Самое отсутствие такой партии, разумеется, тоже не было случайностью, а стояло в связи с недостаточной зрелостью рабочего класса во Франции и с соотношением классов вообще. Восстание парижских коммунаров вызвано было, прежде всего, военной обстановкой (Франко-прусская война). Французский пролетариат был слишком еще малочислен. Но нет никакого сомнения в том, что одной из важнейших причин гибели Парижской Коммуны было

все же отсутствие централизованной пролетарской партии.

Начиная с борьбы против «экономистов», продолжая борьбой против меньшевиков и ликвидаторов и кончая борьбой против уклонов внутри большевизма (вплоть до уклона «рабочей оппозиции»), Ленин придавал громадное значение ошибке, заключающейся в смешении понятий — класс и партия.

Уже в объявлении об издании «Искры» (в ноябре 1900 г.) Ленин писал:

«Кто понимает социал-демократию как организацию, служащую исключительно- стихийной борьбе пролетариата, тот может удовлетвориться только местной агитацией и «чисто-рабочей» литературой.

«Мы не так понимаем социал-демократию: мы понимаем ее, как направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением. Только организованный в такую партию пролетариат, этот наиболее революционный класс современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом» [1]).

А в первом же номере «Искры», полемизируя против «экономистов», Ленин в статье «Насущные задачи нашего движения» говорил:

«Организуйтесь», повторяет рабочим на разные лады газета «Рабочая Мысль», повторяют все сторонники «экономического» направления. И мы, конечно, всецело присоединяемся к этому кличу, но мы непременно добавим к нему: организуйтесь не только в общества взаимопомощи, стачечные кассы и рабочие кружки, организуйтесь также и в политическую партию, организуйтесь для решительной борьбы против самодержавного правительства и против всего капиталистического общества. Без такой организации пролетариат

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. IV. «Объявление об издании «Искры». Ноябрь 1900 г., стр. 9—10.

не способен подняться до сознательной классовой борьбы, без такой организации рабочее движение осуждено на бессилие, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу» [1]).

После раскола с меньшевиками на II съезде партии (в 1903 г.) Ленин, как известно, обвинил меньшевизм в том, что он возрождает ошибки «экономистов», прежде всего как раз в вопросе о роли партии. Полемизируя в «Шаг вперед, два шага назад» против П. Б. Аксельрода, Ленин писал:

«Если я говорю, что партия должна быть суммой (и не простой арифметической суммой, а комплексом) организаций, то значит ли это, что я «смешиваю» понятия партия и организация? Конечно, нет. Я выражаю этим совершенно ясно и точно свое пожелание, свое требование, чтобы партия, как передовой отряд класса, представляла собою нечто возможно более организованное, чтобы партия воспринимала в себя лишь такие элементы, которые допускают хоть минимум организованности. Наоборот, мой оппонент смешивает в партии организованные элементы с неорганизованными, поддающиеся руководству и неподдающиеся, передовые и неисправимо-отсталые, ибо исправимо-отсталые могут войти в организацию. Вот это смешение действительно опасно...

«Ведь нельзя же смешивать, в самом деле, партию, как передовой отряд рабочего класса, со всем классом (подчеркнуто нами. *Г. З.*). А именно в такое смешение (характерное для нашего оппортунистического экономизма вообще) впадает тов. Аксельрод» [2]).

В другой вариации те же споры повторялись в годы борьбы ленинизма против ликвидаторства (1908—1914 гг.). Сводка аргументов Ленина этой

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. IV. «Насущные задачи нашего движения». «Искра» № 1, дек. 1900 г., стр. 14.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. V. «Шаг вперед, два шага назад», стр. 348, 350.

эпохи полнее всего изложена им в статье «Как В. Засулич убивает ликвидаторство».

«Выводы состоят в том, что во всех странах, всегда и везде, есть кроме «партии» — «широкий слой» околопартийных и громадная масса класса, образующего, выясняющего, питающего партию. Не понимая этой простой и ясной вещи, ликвидаторы повторяют ошибку «экономистов» 1895—1901 годов; экономисты никак не могли понять отличия «партии» от «класса».

«Партия — сознательный, передовой слой класса, его авангард. Сила этого авангарда раз в 10, в 100 раз и более велика, чем его численность.

«Возможно ли это? Может ли сила сотни превышать силу тысячи?

«Может и превышает, когда сотня организована.

«Организация удесятеряет силы. Истина эта, ей-ей, не новая. Но не наша вина, если для В. Засулич и ликвидаторов приходится начинать с начала.

«Сознательность передового отряда в том, между прочим, и проявляется, что он умеет организоваться. А организуясь, он получает единую волю, и эта единая воля передовой тысячи, сотни тысяч, миллиона становится волей класса. Посредником между партией и классом является «широкий слой» (шире партии, но уже класса) — слой голосующих за с.-д., слой помогающих, слой сочувствующих и т. д.»...

«Марксисты принципиально иначе смотрят на отношение неорганизованной (и не поддающейся организации в течение долгого времени, иногда десятилетий) массы к партии, к организации. Именно для того, чтобы масса определенного класса могла научиться понимать свои интересы, свое положение, научиться вести свою политику, именно для этого необходима организация передовых элементов класса немедленно и во что бы то ни стало, хотя бы вначале эти элементы составляли ничтожную долю класса. Чтобы обслуживать массу и выражать ее правильно сознан-

ные интересы, передовой отряд, организация должна всю свою деятельность вести в массе, привлекая из нее все без исключения лучшие силы, проверяя на каждом шагу, тщательно и объективно, поддерживается ли связь с массами, жива ли она. Так и только так, передовой отряд воспитывает и просвещает массу, выражая ее интересы, уча ее организации, направляя всю деятельность массы по пути сознательной классовой политики» [1]).

Эта система взглядов ленинизма на роль партии осталась неизменной вплоть до эпохи диктатуры пролетариата, вплоть до последних эпизодов борьбы внутри РКП, до самых последних дней жизни Ленина.

В написанной Лениным резолюции X съезда РКП о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии мы читаем:

«Неправильное понимание роли коммунистической партии в ее отношении к беспартийным рабочим массам, с одной стороны, и столь же неправильное понимание роли рабочего класса в его отношении ко всей массе трудящихся — с другой, является коренным теоретическим отступлением от коммунизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма, каковой уклон пропитывает все воззрения «Рабочей оппозиции»... [2]).

* * *

Полная преемственность взглядов ленинизма на роль партии прежде всего иллюстрируется сопоставлением следующих двух выдержек из «Шаг вперед, два шага назад» и речи о роли компартии на II конгрессе Коминтерна.

Более 15 лет лежит между этими двумя заявлениями. Три революции отделяют одно заявление от другого. Рабочий класс из угнетаемого, преследуемого класса успел превратиться в господствующий класс.

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 588, 590—591.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 162.

Партия из маленького подпольного кружка выросла в могучую силу, управляющую великим государством мира. А учение ленинизма о роли пролетарской партии осталось в основном прежним — потому что учение это незыблемо сложилось уже в начале XX века и целиком было подтверждено великими событиями первых десятилетий XX века.

«Мы — партия класса, и потому — почти весь класс (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) [1] должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс [2].

Сопоставьте с этим слова, сказанные Лениным более чем через 15 лет на II Всемирном конгрессе Коминтерна:

«... Политическая партия может объединить лишь меньшинство класса так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собою.

«... Нам нужны такие партии, которые находились бы постоянно в действительной связи с массами и которые умели бы этими массами руководить...» [3].

---

[1] Подчеркнуто нами. *Г. З.*

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. V. «Шаг вперед, два шага назад», стр. 350—351.

[3] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII. Речь о роли компартии на II конгрессе Коминтерна, 23 июля 1920 г., стр. 270, 271.

Предсказание Ленина, что в военные времена, в эпоху гражданской войны весь класс должен и будет действовать под руководством нашей партии, оправдалось целиком.

Не только развитие РКП до завоевания власти пролетариатом, во время завоевания и после завоевания ее, но и развитие всех других важнейших секций Коммунистического Интернационала каждый день подтверждает правильность учения ленинизма о роли партии.

* * *

Смешение понятий «класс» и «партия» — против этой ошибки Ленин воевал в течение двух десятилетий, начиная с борьбы против экономистов и кончая борьбой против нашей рабочей оппозиции. Ленин воевал против этой ошибки, видя в ней источник величайших опасностей: смешение этих понятий могло привести и приводило не раз к принижению, к урезыванию роли партии—т.-е. авангарда—и тем самым замедляло освобождение всего класса.

Теперь, на девятом годе диктатуры пролетариата в СССР, после того, как деклассирование пролетариата у нас приостановилось, после того, как рабочий класс в целом все прочней и прочней становится на почву коммунизма, опасность смешения «рабочего класса» и «партии» не снята целиком, но стала меньше. Партия будет в ближайшие годы все больше и больше сливаться с классом. Разница между партийными и беспартийными рабочими будет все больше уменьшаться. Будет время, и оно уже не за горами, когда в партию будут входить все или почти все промышленные рабочие—а само число промышленных рабочих будет, конечно, расти.

Наша партия—рабочая партия. Это значит, что партия никогда не могла смотреть на рабочий класс, как на «объект» воздействия, а на себя, как на «субъект» этого воздействия. Нет, партия сама — часть рабочего класса. Партия гнездится в порах рабочего

класса. Партия *растет* из рабочего класса. Здесь пред нами не односторонний процесс воздействия авангарда на весь остальной класс, а двусторонний процесс взаимовоздействия. Чем дальше, тем больше это будет именно так.

А как обстоит дело с крестьянством?

Рабочий класс и крестьянство являются в настоящий период двумя основными классами нашего государства. Партия наша, будучи рабочей партией, ставит себе задачу руководить и крестьянством. Более того, партия в исторической перспективе ставит себе задачу уничтожения разницы между рабочим и крестьянином, превращения того и другого в работников социалистического общества. Партия не допускает образования особой крестьянской партии, исходя из того, что такая партия неизбежно вела бы крестьянство на путь анти-рабочей, мелко-буржуазной политики и тем самым нанесла бы непоправимый вред и рабочему классу, и крестьянству. Партия берет на себя всестороннее руководство крестьянством в нынешней стадии революции, вплоть до полного упрочения социализма, т.-е. до упразднения классов вообще. Но это не значит, что партия наша становится рабоче-крестьянской партией. В этом последнем случае результат получился бы приблизительно тот же, что и при допущении особой крестьянской партии: партия не выполнила бы своей исторической миссии и нанесла бы непоправимый вред и рабочему классу, и крестьянству.

В воздухе носится теперь новая опасность:— смешение партии с *двумя* классами: смешение понятия «партия» с понятием «рабочий класс *плюс* крестьянство». Из того обстоятельства, что партия должна руководить теперь не только рабочим классом, но и крестьянством, делается иногда ошибочный вывод, будто сама партия должна стать двойственной, или двуединой, рабоче-крестьянской.

Если смешение понятий «партия» и «класс» было (и остается) глубоко опасным тогда, когда дело идет

о смешении партии с рабочим классом, то в сто раз опаснее было бы такое смешение тогда, когда дело идет о смешении уже не с рабочим классом, а с рабочим классом плюс крестьянство.

Здесь дело идет о двух классах, из которых один (пролетариат) при благоприятных условиях в течение значительного промежутка лет примером и помощью «переделает» другой класс. Для того, чтобы пролетариат мог это выполнить, — первое условие, чтобы его партия осталась партией рабочей, партией пролетарской.

Чтобы по-новому руководить в нынешней обстановке деревней на территории СССР, нам нужен крестьянский актив по меньшей мере в несколько сот тысяч человек, и мы его постепенно создадим. А в партии из них должны быть только те, кто действительно способны стать коммунистами.

Разумеется, партия будет принимать в свою среду также крестьян — самые здоровые, самые близкие к рабочему классу элементы, подлинных передовиков из трудящейся массы.

Разумеется, вопрос о социальном составе партии не следует упрощать. Дело не только в том, сколько в партии рабочих, крестьян и «прочих». Дело сложнее. Но, разумеется, социальный состав имеет громадное значение.

Теория Маркса (и Ленина) оценивает всемирно-историческую роль пролетариата, как роль единственного до конца революционного класса, самого передового класса, руководителя всех трудящихся. Наша партия рабочая партия не только потому, что состав ее рабочий, а и потому, что она защищает идеологию, до которой доработался авангард рабочего класса. Идеология пролетарского авангарда близка и понятна рабочей массе потому, что условия труда рабочих делают их восприимчивыми к этой идеологии. Крестьянам, в силу условий их хозяйства, это труднее. По мере «перерастания» крестьянина в «цивилизованного кооператора» дело будет изменяться к лучшему.

А пока-что Партия может принимать в свою среду лишь таких крестьян, которые близки по духу к пролетариям.

Вместе с тем, Партия сумеет найти дорогу к самым широким слоям крестьянства, сумеет организовать их в такой форме, как это вытекает из интересов дела — через Советы (оживление Советов), через кооперацию и т. п. Проблемы организации крестьянства являются и явятся на ближайший период самыми жгучими проблемами для партии. Организационная полоса (в смысле организации деревни) только еще начинается. Мы делаем еще только первые шаги в этой области. Трудности будут не малые, но выход найдется.

Один пример: организация крестьянок. Разумеется, нельзя прочно построить социалистическое общество, не вырвавши из нынешней пассивности и ограниченности женщину — крестьянку. Ее нужно поднять, организовать, просветить, втянуть в общественную жизнь. Но вот нашли же мы форму этой организации: собрание делегаток. Эта гибкая форма организации имеет то громадное преимущество, что она, с одной стороны, позволяет нам охватить со временем всех крестьянок поголовно и в то же время не вводит непосредственно в партию элементы, недостаточно подготовленные, недостаточно пролетарские и т. д.

Мы думаем, что примерно такую же форму организации придется применить и Союзу Молодежи в деревне (всевозможные вспомогательные организации, быть может, система «делегатов» и т. п.). Разумеется, к Союзу Молодежи должен быть во многом другой подход, чем к Партии. Влияние Партии внутри Союза, партийное руководство Союзом — **главное.** Но и социальный состав имеет громадное значение. Задачу «орабочения» руководства, задачу улучшения социального состава в Союзе нельзя противопоставлять задаче партийного руководства, и — обратно. Руководство должно быть в руках прежде всего рабочей молодежи плюс лучшая часть молодежи крестьянской.

То же, с соответствующими изменениями, будет относиться ко всему взрослому крестьянству, которое мы должны будем сорганизовать через кооперацию, через сельсоветы, через комитеты взаимопомощи и т. д., и т. п., но отнюдь не непосредственно привлекая всю массу (или даже весь актив) в партию.

Но мы ни в коем случае не должны делать поблажки тем тенденциям, которые еще господствуют во многих местах и которые направлены к тому, чтобы вовсе закрыть дверп в партию для лучшей части крестьянского актива: так будет-де спокойнее, меньше хлопот, мы «сами» будем держать власть и т. п. Этим реакционным затхлым настроениям должен быть дан самый решительный отпор.

* * *

Первое же выступление большевизма по вопросу о роли партии в революции меньшевиками немедленно было объявлено подменой диктатуры пролетариата «диктатурой над пролетариатом».

15 лет спустя, когда русский рабочий класс, под руководством большевистской партии, осуществил пролетарскую диктатуру, международный меньшевизм только и нашелся, что повторить это плоское и беззубое обвинение, брошенное большевизму при его первых шагах.

Ничего другого Каутский и К° после Октябрьской революции 1917 года сказать не смогли. Они тоже объявили, что в России не «диктатура пролетариата», а «диктатура над пролетариатом». И получили за это по заслугам от Ленина в его «Ренегате Каутском» и др. его сочинениях.

«Не диктатура пролетариата, а диктатура партии»,— так характеризуют Советскую власть в СССР герои II Интернационала.

Как же стоит этот вопрос с точки зрения марксизма, с точки зрения ленинизма?

Диктатура пролетариата невозможна без диктатуры его авангарда, т.-е. без диктатуры

пролетарской партии; по крайней мере, победоносная и прочная диктатура пролетариата невозможна без диктатуры пролетарской партии. Это показал и опыт Парижской Коммуны. Диктатура партии есть функция диктатуры пролетариата.

Такой большевик, который сказал бы: «У нас диктатура партии, а не диктатура пролетариата», не только городил бы вздор, но и лил бы прямо воду на мельницу контр-революционной социал-демократии. Ибо, другими словами, он повторял бы то же самое, что писали меньшевики в 1903—04 гг. или Каутский и К° в 1918 г. Формула «диктатура партии, а не диктатура пролетариата» была бы равнозначащей меньшевистской формуле «диктатура над пролетариатом».

Но такой «большевик», который сказал бы наоборот: «у нас диктатура пролетариата, а не диктатура партии», забывал бы ни больше, ни меньше, как ту важнейшую составную часть учения ленинизма, какой являются взгляды Ленина на роль партии в пролетарской революции. Само такое противопоставление «диктатура пролетариата, а не партии» является неправильным с точки зрения ленинизма.

Вопрос о соотношении двух понятий «диктатура пролетариата» и «диктатура партии» есть один из самых основных вопросов большевизма. Правильная оценка этого соотношения есть путь к правильной оценке всей позиции ленинизма. Здесь, в этом пункте перекрещивается целый ряд живых нитей большевизма. Здесь—хребет ленинизма. Здесь—живой нерв большевистской теории и практики. Выяснение этого вопроса имеет поэтому первостепенное теоретическое и практически-политическое значение.

Уже в речи на I Всероссийском съезде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, произнесенной 14 июня 1917 г., Владимир Ильич говорил:

«Он (Церетели. *Г. З.*) говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: есть; ни одна партия от этого отказаться не может, и наша

партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком» [1] (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Кажется, это ясно? Целиком отстаивая известные свои тезисы от 4 апреля 1917 г. о советской системе и диктатуре пролетариата, Ленин, перед лицом врагов, на I Всероссийском съезде Советов, когда наша партия была еще маленьким меньшинством, открыто заявляет, что эта «партия готова взять власть целиком».

После Октябрьской революции Владимир Ильич не раз высказывался на этот счет еще гораздо более определенно. Так, например, в речи на всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры Ленин говорил:

«Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают, как вы слышали, единый социалистический фронт, мы говорим: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем (подчеркнуто нами. *Г. З.*), потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата. Это та партия, которая еще до революции 1905 г. это положение завоевала. Это та партия, которая в 1905 г. оказалась во главе рабочих масс, которая с тех пор и во время реакции, после 1905 г., когда при существовании столыпинской думы с таким трудом возобновилось рабочее движение, эта партия слилась с рабочим классом, и она одна только могла его вести на глубокое и коренное изменение старого общества» [2].

Можно ли выразиться яснее? «Да, диктатура одной партии. Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем». Это заявление Ленина мы должны запомнить.

В брошюре «Детская болезнь «левизны» Ленин писал:

«Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы...

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 263—264.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 296—297.

организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно».

И Ленин заявляет в той же брошюре:

«Одна уже постановка вопроса: «Диктатура партии или (курсив Ленина. *Г. З.*) диктатура класса... свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Люди тщатся придумать нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными. Всем известно, что массы делятся на классы; — что противополагать массы и классы можно, лишь противополагая громадное большинство, вообще не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства;—что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии» [1]).

Самая постановка вопроса: «диктатура партии или (курсив Владимира Ильича) диктатура класса свидетельствует о «самой невероятной и безысходной путанице мысли».

Это и значит, что, насколько нелепо было бы в устах большевика заявление: «у нас диктатура партии, а не диктатура класса», настолько же угловато и прямо неверно было бы в устах большевика и обратное заявление: «у нас диктатура класса, а не диктатура

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», стр. 136, 133.

партии». Эти два понятия нельзя противопоставлять друг другу. Одно есть дополнение и выражение другого, — вот в чем гвоздь.

В другом месте Ленин подробно объясняет, почему именно диктатура пролетариата предполагает диктатуру партии. В брошюре «О профессиональных союзах» Ленин пишет:

«При переходе к социализму неизбежна диктатура пролетариата, но поголовной организацией промышленных рабочих не осуществляется эта диктатура (подчеркнуто нами. *Г. З.*) Почему? Мы можем об этом прочесть в тезисах II съезда Коминтерна о роли политической партии вообще [1]). Здесь я не буду на этом останавливаться. Получается такая вещь, что партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществить диктатуру, нельзя выполнить государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно через советский аппарат... Но диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя (подчеркнуто нами. *Г. З.*), ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно, империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса» [2]).

---

[1]) Тезисы эти написаны мною — при ближайшем участии Владимира Ильича, который не раз полностью солидаризировался с ними в печати.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого», стр. 8, 9.

Что такое авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса? Это и есть коммунистическая партия. Другими словами, Ленин учит нас тому, что поголовная организация промышленных рабочих (не говоря уже о крестьянах) не может непосредственно осуществлять диктатуру пролетариата, а что эту диктатуру может осуществлять только коммунистическая партия, которая вбирает в себя авангард пролетариата и имеет ряд приводных ремней к массе через советы, профсоюзы и т. п.

«Здесь имеется сложная система нескольких зубчатых колес, — продолжает Ленин, — и не может быть простой системы, ибо нельзя осуществлять диктатуры пролетариата через поголовно организованный пролетариат (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Нельзя осуществлять диктатуру без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся.

«Троцкий, по моему убеждению, впал в ряд ошибок, связанных с самой сутью вопроса о диктатуре пролетариата»[1]) (подчеркнуто нами. *Г. З*).

В приведенном отрывке Ленин ссылается на резолюцию II конгресса Коминтерна о роли коммунистической партии в пролетарской революции. Всем тем коммунистам, для которых взаимоотношение понятий — «диктатура пролетариата» и «диктатура партии» — еще не вполне ясно, необходимо сравнить названную резолюцию II конгресса Коминтерна, с вышеприведенными положениями Ленина. Всякий убедится, что резолюция по содержанию своему вполне совпадает с этими положениями.

Поголовная организация промышленных рабочих — не говоря уже о сельских рабочих, не говоря уже о полупролетариях и крестьянах, организованных в Советы,— осуществлять диктатуру пролетариата без руководства диктаторского авангарда не может. Почему? По очень

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 10.

простой причине. Потому, что при капитализме большие слои рабочих еще забиты, приниженны, неграмотны, раздроблены; потому же, почему до пролетарской революции коммунистическая партия по правилу не может организовать в своих рядах большинство рабочих (см. об этом названную резолюцию II конгресса Коминтерна); потому, что сама пролетарская революция нужна нам как предпосылка для успешного перерабатывания и перевоспитания широких пролетарских масс.

В одном из недавно опубликованных писем Энгельса к Бернштейну мы читаем:

«Большая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе революцию как нечто такое, что может быть закончено за ночь. На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс развития масс с ускоренным темпом движения» [1]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Ту же мысль выразил в печати сам Маркс, когда он говорил о предстоящих десятилетиях гражданской войны, в течение которых будут переделываться и перевоспитываться миллионные массы пролетариата:

— Вы должны,— говорил Маркс, обращаясь к рабочим,— пережить 15—20—50 лет гражданских и международных войн не только для того, чтобы изменить отношения, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству.

Отсюда — великая роль пролетарского ~~авангарда~~, который вбирает в себя революционную энергию класса, т.-е. партии. Разумеется, такого авангарда, который действительно связан неразрывными нитями со всем классом, который слился с ним, который представляет мозг и железную руку пролетариата, как класса. Именно о такой партии — действительном авангарде рабочего класса — Ленин и сказал, что только он может осуществлять диктатуру класса.

---

[1]) См. «Письма Ф. Энгельса и Э. Бернштейна». «Архив Маркса и Энгельса», книга первая, стр. 349.

Накануне взятия власти большевиками в известной брошюре «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин говорил: — Если в царской России умели управлять 130 тыс. помещиков, то тем более сумеют это сделать 240.000 членов большевистской партии, опирающейся на сочувствие миллионов трудящихся.

Через полгода после завоевания власти в брошюре «Очередные задачи Советской власти» Ленин говорил:

«Мы, партия большевиков, Россию у б е д и л и. Мы Россию о т в о е в а л и у богатых для бедных, у эксплоататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять» [1].

«Мы должны теперь Россией управлять». Кто — мы? П а р т и я б о л ь ш е в и к о в — авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса.

В 1920 г. Ленин делает следующее заявление:

«Признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду... мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской Республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить от... буржуазного обмана... Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство Коммунистической партии... Каждый (из нас. *Г. З.*) принадлежит к партии, которая управляет, которая руководит всем государством, всемирной борьбой Советской России против буржуазного строя. Он является представителем борющегося класса и партии, которая господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом» [2].

«Чтобы управлять, надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов,—она есть, она назы-

---

[1]) Н. Л е н и н. Собр. соч., т. XV, стр. 196.

[2]) Н. Л е н и н. Речь на совещании политпросветов 3 ноября 1920 г. «Социалистическая революция и задачи просвещения». ГИЗ. 1925 г., стр. 38, 39, 40.

вается партией. Весь синдикалистский вздор, обязательные кандидатуры производителей — все это нужно бросить в корзину для ненужной бумаги. Если на этот путь итти, это на деле означает — партию по боку, на деле диктатуры пролетариата в России не может быть» [1]).

* * *

Но, может быть, сказанное Лениным в 1920 г. теперь уже неверно. Так ли это? Ничего подобного! Ведь все мы «принимаем» политическое завещание Ленина, изложенное в его последних предсмертных статьях. Так вдумаемся же в следующее место в известной статье «Лучше меньше, да лучше»:

«Как можно соединить учреждения партийные с советскими? Нет ли тут чего-либо недопустимого?

«Я ставлю этот вопрос не от своего имени, а от имени тех, на кого я намекнул выше, говоря, что бюрократы имеются у нас не только в советских, но и в партийных учреждениях.

«Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела? Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком наркомате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его начала?.. Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике?.. Я думаю, что то, что оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой

[1]) Н. Ленин. Речь на заседании фракции II всероссийского съезда горнорабочих 23 января 1921 г. «О профессиональном движении». ГИЗ. М. 1925, стр. 260.

области, будет, по меньшей мере, столько же уместно (а я думаю, что будет гораздо более уместно) по отношению ко всему нашему государственному аппарату. А, ведь, Рабкрин и посвящен всему нашему государственному аппарату, и деятельность его должна касаться всех и всяких, без всякого изъятия, государственных учреждений: и местных, и центральных, и торговых, и чисто-чиновничьих, и учебных, и архивных, и театральных и т. д. — одним словом всех без малейшего изъятия.

«Почему же для учреждения с таким широким размахом, для которого, кроме того, требуется еще чрезвычайная гибкость форм деятельности, почему же для него не допустить своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским?

«Я бы не видел в этом никаких препятствий. Более того, я думаю, что такое соединение является единственным залогом успешной работы. Я думаю, что всякие сомнения на этот счет вылезают из самых пыльных углов нашего госаппарата, и что на них следует отвечать только одним — насмешкой» (подчеркнуто везде нами. *Г. З.*) [1]).

Эти слова — целая программа.

Что такое Наркоминдел? Одно из самых важных государственных учреждений — как раз то, через которое СССР соприкасается с иностранной буржуазией, как раз то, которое больше всего обстреливается всем буржуазным миром именно за связь с партией. Теперь особенно полезно вспомнить то, что Ленин открыто говорил о соединении партучреждений и НКИД.

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II. «Лучше меньше, да лучше», стр. 132—133.

Напомним, как реагировал на лозунг «Советы без большевиков», выдвинутый непосредственно после Кронштадта Милюковым и К°, Ленин. Он писал:

«Милюков прав против Черновых и Мартовых, ибо дает действительную тактику действительной белогвардейской силы, силы капиталистов и помещиков; давайте поддерживать кого угодно, какую угодно Советскую власть, лишь бы свергнуть большевиков, лишь бы осуществить передвижку власти, все равно, вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, лишь бы передвижку власти от большевиков» [1]).

Такие и подобные цитаты из Ленина мы могли бы привести еще в большем количестве. Вне диктатуры авангарда пролетариата, т.-е. его партии, нет диктатуры самого рабочего класса. Вот о чем говорят все эти цитаты.

Господа белогвардейцы (в том числе и эс-эры, и меньшевики) теперь часто делают вид, что им «удалось» открыть «секрет», касающийся пружин управления советской страной. Они любят делать вид, что теперь им удалось отгадать, например, руководящую роль Политбюро в нашей системе управления. А между тем не кто иной, как Ленин еще в 1920 г. в брошюре «О детской болезни левизны», специально написанной для перевода на все важнейшие языки мира, открыто писал, объясняя механизм Советской власти, следующие строки:

«Партией, собирающей ежегодные съезды (последний: 1 делегат от 1000 членов), руководит выбранный на съезде Центральный Комитет из 19 человек, при чем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемым «Оргбюро» («Организационному бюро») и «Политбюро» («Политическому бюро»), которые избираются на пленарных заседаниях Цека в составе пяти членов Цека

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «О продовольственном налоге», стр. 230.

в каждое бюро. Выходит, следовательно, самая настоящая «олигархия». Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии» [1]) (подчеркнуто нами. *Г. З.*).

Почему Ленин нисколько не боялся говорить об этих вопросах открыто на весь мир? Почему не стеснялся он заявить: «Да, диктатура одной партии; на этой почве мы стоим и сойти с нее не можем»? Потому, что вопрос о взаимоотношениях авангарда и всего класса есть глубокой важности теоретический и актуально-политический вопрос; потому, что скрывать тут нечего и незачем. Минусы нашего государства, бюрократические извращения, теневые стороны Советов, хозорганов и т. п. в глазах народной массы падают на партию. Надо, чтобы и плюсы — подъем хозяйства, рост благосостояния и культуры и пр. — тоже записывались народом на счет нашей партии.

Разумеется, каждую идею можно довести до абсурда. Разумеется, в такой большой партии, как наша, быть может, и найдутся те или другие горе-большевики, которые в агитации и, главное, в практике так «углубят» учение ленинизма в этом пункте, что принесут вред и партии, а стало-быть и рабочему классу. Против таких упростителей партия, разумеется, выступает самым решительным образом. Но это не изменит того, что, согласно учению Ленина, диктатура пролетариата осуществляется через диктатуру авангарда, через диктатуру пролетарской партии.

Что такое существующий в Союзе ССР строй с точки зрения его классового содержания?

Это — диктатура пролетариата.

Какова непосредственная пружина власти в СССР? Кто осуществляет власть рабочего класса?

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 138—139.

Коммунистическая партия! В этом смысле у нас диктатура партии.

Какова юридическая форма власти в СССР? Каков новый тип государственного строя, созданный Октябрьской революцией?

Это — советская система.

Одно нисколько не противоречит другому.

* * *

Таким образом, совокупность взглядов относительно диктатуры пролетариата можно выразить в следующих положениях: это есть диктатура класса, если мы рассматриваем дело с точки зрения социально-классовой. Это есть советское государство, советская диктатура, если мы рассматриваем дело с точки зрения юридической формы, т.-е. со специфически-государственной точки зрения. Это есть диктатура партии, если мы рассматриваем тот же вопрос с точки зрения руководства, с точки зрения внутреннего механизма всей огромной машины переходного общества.

Диктатура класса рассматривается здесь, следовательно, с разных точек зрения. Это не три разных «диктатуры», а одна диктатура, которую можно (и должно) рассматривать с разных наблюдательных пунктов, с разных отправных точек зрения. Но отсюда же ясно, что теоретически неверно и недопустимо противопоставление диктатуры класса советскому государству или правящей диктаторской партии.

Диктатура класса выражается в форме советского государства и в то же время в форме руководящего положения правящей коммунистической партии, осуществляющей диктатуру. Из этого, однако, не следует, что советское государство это то же, что партия, или что партия то же, что рабочий класс. Партия — авангард рабочего класса, и рабочий класс не может править иначе, как через и посредством этого авангарда. Но авангард является авангардом лишь

постольку, поскольку он связан со всем классом. Партия рабочего класса лишь постольку является его авангардом, поскольку она связана со всей остальной массой класса. Если эта связь теряется, если она рвется, тогда партия не может выполнить своего назначения, и рабочий класс в целом бессилен.

Итак, класс — это не то, что партия. Но это вовсе не мешает тому, что диктатура класса выражается в диктатуре партии. С другой стороны, партия (и класс) — это не то, что советское государство, т.-е. совокупность всех организаций, людей, аппаратов с их «материальными привесками» (тюрьмы, оружие, материально-вещественные элементы государственной организации вообще). Советы охватывают широкие народные массы, здесь устанавливается связь между советами и большинством класса; с другой стороны, здесь объединены не только рабочие, но и крестьяне; наконец, в порах этой государственной организации сидят чуждые пролетариату элементы (служащие, буржуазные спецы и т. д.). И все же, несмотря на это, советское государство есть форма классовой диктатуры пролетариата. Ибо город господствует культурно над деревней, ибо пролетариат сознательнее, чем мелкая буржуазия, ибо — и это чрезвычайно существенное, решающее обстоятельство — пролетариатом руководит его партия. Если бы партия выпала из механизма фактического управления, то неизбежно было бы и падение советского государства. Если бы партия коммунистов перестала быть правящей партией, партией, стоящей у власти, партией, проводящей диктатуру, то перестала бы существовать власть Советов, перестала бы существовать диктатура пролетариата.

Мы взяли далеко не все формы связи между различными частями и организациями рабочего класса. Мы, например, ничего не говорили о профессиональных союзах, этой поголовной организации рабочего класса. Значение же их поистине огромно. Мы не говорили далее и о кооперации, значение

которой также колоссально. Отсылаем читателя к тому, что сказано и написано об этом Лениным.

Что же из всего этого следует? Из этого следует, что механизм классовой диктатуры вовсе не так прост, как это кажется с первого взгляда. Рабочий класс не может осуществлять власть, как сплошное целое, как поголовная организация, ибо он культурно и идеологически неоднороден, что, конечно, объясняется материальными условиями его бытия при капиталистическом режиме.

Если это так,— а это безусловно так, — то сложность внутреннего механизма пролетарской диктатуры находит свое вполне достаточное объяснение.

Отсюда же приходится делать и целый ряд практически-политических выводов. Общая основа всех этих выводов может быть сформулирована следующим образом: в сложном механизме пролетарской диктатуры есть известное разделение труда между различными частями этого механизма. Поэтому нарушение целесообразной связи и правильных отношений неизбежно является отрицательной величиной.

Одной из крупнейших проблем общего порядка является здесь соотношение между органами партии и органами Советской власти.

Стремление вежливенько оттеснить партию от руководства Советами ведет неизбежно к перерождению и, в конце концов, к падению Советской власти («советы без большевиков» г-на Милюкова, эс-эров, меньшевиков). Но нужно резко подчеркнуть, что неправильность в соотношении между органами Советской власти и органами партии может быть и другого порядка. Это бывает тогда, когда органы партии вместо того, чтобы руководить Советами, имеют тенденцию заменить Советы и «нормальные» советские органы. Это неправильно и с общеполитической, и с организационно-технической точки зрения. Ибо нельзя целый ряд общественных прослоек отпугивать «коммунистом», нужно привлекать беспартийных, нужно уметь, по выражению Ленина, «строить

коммунизм чужими руками», нужно приучать широкие массы к соблюдению строгой революционной законности, т.-е. к нормировке общественных отношений государственной властью, нужно вовлечение все более широких масс в общегосударственную работу по всем каналам, а не только непосредственно через партию, и так далее и тому подобное.

Всякое «увлечение партийностью» в этом смысле слова, неправильное отношение к органам Советов, нелепое «тыканье» диктатурой партии наносят ущерб и партии, и классу в целом. Вот почему, на ряду с борьбой против всех и всяческих попыток оттеснения партии от дела руководства и управления, партия обязана вести борьбу и против попыток замены органов Советской власти (или профсоюзов) органами партии, — на что мы не переставали указывать еще с VIII съезда РКП.

Лозунг «оживление Советов» есть лозунг всерьез и надолго. В течение годов и годов ленинизм будет работать над тем, чтобы как можно прочнее и глубже внедрить Советы в жизнь миллионов и десятков миллионов трудящихся. Там, где к строительству новой жизни сейчас привлечены лишь сотни людей, современем (в возможно более близком времени) должны быть привлечены тысячи. А там, где сейчас привлечены тысячи и десятки тысяч, современем должны быть привлечены сотни тысяч и миллионы. Что коммунизм нельзя построить руками одних коммунистов — эта мысль становится достоянием самых широких кругов рабочих. Что работа коммунизма на ближайший период должна заключаться в перевоспитании широчайших слоев народа, в «культурной революции», в приобщении к социалистическому строительству миллионов и десятков миллионов тружеников, — эта истина является путеводной звездой ленинизма.

Вся эта великая программа может, однако, быть выполнена не за счет ослабления руководящей роли компартии, а напротив: только при полном сохранении этой руководящей роли. Формы руководства

меняются и должны меняться в зависимости от обстановки, а суть остается неизменной.

Учение ленинизма о руководящей роли партии остается целиком и безусловно верным и для нынешнего периода строительства. Ослабление руководящей роли партии означало бы на деле ослабление диктатуры пролетариата. Ход борьбы мирового пролетариата показал уже с достаточной ясностью, что период диктатуры пролетариата, переходный период к бесклассовому обществу, потребует несравненно более времени, чем это можно было ожидать в начале Октябрьской революции. На весь этот период учение ленинизма о диктатуре пролетариата и диктатуре партии, как функции диктатуры пролетариата, остается незыблемым.

* * *

Учение о структуре рабочей партии—то, что можно было бы назвать ленинизмом в организационных вопросах,— является, в сущности говоря, целой наукой. Начиная от построения первоначальной ячейки на предприятии, этого «атома» пролетарской партии, и кончая построением Коммунистического Интернационала, как единой мировой партии пролетариата,—коммунисты всего мира строят теперь свои ряды на незыблемой основе опыта ленинизма, выработанного в горниле ряда революций.

Коммунистическая партия есть часть рабочего класса. Именно: его наиболее передовая, наиболее сознательная, а потому наиболее революционная часть. Коммунистическая партия создается путем отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих. Коммунистическая партия не имеет различных от рабочего класса интересов. Коммунистическая партия отличается от всей массы рабочих тем, что она обозревает весь исторический путь рабочего класса в целом и старается на всех поворотах этого пути защищать интересы не отдельных групп, не отдельных профессий, а инте-

ресы рабочего класса в целом. Коммунистическая партия есть тот организационно-политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляет по правильному пути всю массу пролетариата и полупролетариата.

До тех пор, пока государственная власть не завоевана пролетариатом, до тех пор, пока пролетариат раз навсегда не упрочил своего господства и не гарантировал его от буржуазной реставрации,—до этих пор Коммунистическая партия по правилу будет иметь в своих организованных рядах лишь меньшинство рабочих.

Классовая борьба требует объединения в одном центре и общего руководства разнообразными формами движения пролетариата (Советы, профессиональные союзы, кооперативы, фабрично-заводские комитеты, культурно-просветительная работа, выборы и т. п.). Таким общим объединяющим и руководящим центром может быть только политическая партия. Только она может обеспечить единство руководства отдельными боевыми отрядами пролетариата, действующими на различных аренах борьбы. Только она представляет собою центральный узел борьбы за полное освобождение рабочего класса.

Партия играет величайшую роль до завоевания власти пролетариатом и во время ее завоевания. Но история русской революции показала, что и после завоевания власти роль пролетарской партии не только не уменьшается, но возрастает. Необходимость политической партии пролетариата отпадает лишь вместе с полным уничтожением классов. Партия есть авангард пролетариата. Но этот авангард может выполнить свою историческую миссию лишь в том случае, если на протяжении всей борьбы рабочего класса за свое освобождение этот авангард остается в тесной неразрывной связи со всей массой пролетариев, со всей массой трудящихся.

Чтобы успешно руководить рабочим классом в его борьбе за освобождение, партия должна быть вылита

из одного куска. В плоть и кровь партии должно войти сознание необходимости добровольной железной дисциплины в ее рядах. В полосу непосредственной гражданской войны компартия создает внутри своих рядов прямо железный военный порядок.

Партия ленинизма может и должна быть построена только на началах демократического централизма—главным принципом которого являются: выборность высшей ячейки низшей ячейкой, абсолютная обязательность всех директив (когда дело идет о действии) высшей ячейки для ячейки, подчиненной ей, и наличие авторитетного партийного центра, являющегося бесспорным для всех руководителей партийной жизни от съезда до съезда. И в то же время структура ленинской партии должна быть такова, чтобы при всех условиях обеспечивать максимум внутрипартийного пролетарского демократизма, чтобы обеспечивать самодеятельность, повышение уровня сознательности и активности каждого рядового члена партии, чтобы рядовой член партии—рабочий мог на деле расти, чтобы его голос был слышен, чтобы его мнение определяло линию партии всегда и во всем. Есть централизм и «централизм». Хорошей иллюстрацией дела может служить последнее письмо (август 1925 г.) ИККИ о кризисе в Германской Компартии. Пролетарская демократия внутри Партии есть один из важнейших принципов ленинизма.

Структура пролетарской партии может, разумеется, видоизменяться в отдельных странах, в отдельные этапы борьбы за пролетарскую диктатуру. Но в организационных принципах ленинизма выработалось уже много такого, что является неизменным и общим элементом для революционных партий пролетариата во всем мире.

ГЛАВА XVI.

ЛЕНИНИЗМ И ДИАЛЕКТИКА.

В 1912 г. вышла в четырех томах переписка Маркса с Энгельсом, обнимающая почти целых 40 лет. Эта переписка основателей коммунизма позволила Ленину особенно близко заглянуть в идейную лабораторию марксизма. Нам живо вспоминается, с какой «жадностью» набросился Ленин на детальнейшее изучение этих четырех томов переписки, посвященной самым разнообразнейшим вопросам теории и практики марксизма. Ленин не только сам изучил каждую строчку этих четырех томов, но и побудил к этому всех товарищей, живших тогда вместе с ним (это было в Кракове).

В неоконченной статье, написанной Лениным в 1913 г. или в начале 1914 г. (см. дополнительный том собр. сочинен.), Ленин подвел итог этой необъятной, глубоко содержательной переписке творцов научного социализма в следующих словах:

«Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот что они вносят наиболее существенного и наиболее нового, вот в чем их

гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».

В значительной мере то же самое можно было бы сказать о работе самого Ленина.

«У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. — Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, рождение нового общества из старого, переходные формы от второго к первому (подчеркнуто нами. *Г. З.*). Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса» [1]).

Разве эту ленинскую характеристику Маркса мы не могли бы с полным правом применить к самому Ленину и ленинизму?

Ленин умел быть активнейшим, страстным, «бешеным» (любимое словечко Ленина) участником событий и в то же время умел тут же, как бы отходя в сторонку, совершенно объективно наблюдать, оценивать и обобщать эти же события с философским спокойствием, с критерием марксистской диалектики, с объективностью естествоиспытателя. Ленин умел с величайшей страстностью драться за ту или иную, казалось бы, частность или деталь; и в то же время он, как никто, обозревал весь путь в целом, по каким-то неуловимым, ему одному ведомым, симптомам улавливал пульс грядущих событий, ясно видел окончание того или другого этапа в общественном развитии и наступление нового этапа в такой момент, когда события были еще «теплыми», незавершенными. Как опытный химик, производя хорошо известный ему анализ, умеет наблюдать все изменения в реторте, заранее зная окончательный результат, так Ленин умел наблюдать происходящие в общественной жизни и революционной борьбе «перерастания» (одно из са-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II. «Государство и революция», стр. 335.

мых любимых словечек Ленина) и в то же время почти всегда безошибочно предугадывать окончательный исход данной полосы развития в данной обстановке времени и места.

«Вся теория Маркса,—писал Ленин,—есть применение теории развития—в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма, и к будущему развитию будущего коммунизма.

«На основании каких же данных можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

«На основании того, что он происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая рождена капитализмом.

«У Маркса нет и тени попытки сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» [1]).

Или в другом месте:

«Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания... На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать... объективно неизбежную диалектику человеческой истории» [2]).

Вникая в каждое слово этих характеристик Маркса, данных Лениным, мы, ученики Ленина, имеем полное право сказать: de te fabula narratur — о тебе сказка сия сказывается, к тебе, к твоему учению (т.-е. к лени-

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II. «Государство и революция», стр. 365—366.

[2]) В. И. Ленин. «Маркс. Энгельс. Марксизм», изд. Института Ленина, 1925 г., стр. 29, 30.

низму) эта характеристика могла бы быть применена с полным основанием.

Во всех своих важнейших работах, во многих неопубликованных заметках, в свое время писанных только «для себя», Ленин десятки раз возвращается к вопросу о диалектике. Чем глубже и пристальнее мы можем теперь заглянуть в идейную лабораторию ленинизма — в том числе в неопубликованные еще работы и записки Ленина—тем яснее становится, какой громадный интерес Ленин всегда проявлял к диалектике.

* * *

Уже в «Что такое друзья народа» мы встречаем следующее определение:

«... Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития... Поэтому Маркс заботится об одном: показать точным научным исследованием необходимость данных порядков общественных отношений, констатируя со всей возможной полнотой те факты, которые служат для него исходными и опорными пунктами. Для этой цели совершенно достаточно, если он, доказывая необходимость настоящего строя, доказывает вместе с тем и необходимость другого строя, который неизбежно должен вырасти из предыдущего, — все равно, верят ли люди в это, или не верят, сознают ли они это, или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли,

сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения» [1]).

Чисто философские определения диалектики у Ленина необычайно глубоки и вместе с тем просты—они «свежи», они «пахнут» землей, жизнью, революцией. В нашу задачу, разумеется, не входит привести здесь все, что Ленин писал о диалектике. Но кое-что мы приведем.

«Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую [2]).

«Sie (вещи) sind, aber die Wahrheit dieses Seyns ist ihr Ende» [3]).

«Остроумно и умно. Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них есть движение. Конечный? Значит, двигающийся к концу! Нечто?—значит не то, что другое. Бытие вообще? — значит такая неопределенность, что бытие == небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т.-е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» [4]).

«Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, т.-е. однобокое и уродливо искаженное рассмотрение предмета [5]).

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 93—94.

[2]) Н. Ленин. «Конспект «Науки логики» Гегеля». Журн. «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 1—2, стр. 22.

[3]) «Они суть, но истина этого бытия есть их конец».

[4]) Н. Ленин. «Конспект «Науки логики» Гегеля». «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 1—2, стр. 22—23.

[5]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII, «Крах II Интернационала», стр. 160.

«Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации».

«Наше учение, — говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга, — не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живу, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» [1]).

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики...

«Всякое общее есть частичка (или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.» [2]).

Там же находим следующую замечательную оценку марксова «Капитала»:

«У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного товарного общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противо-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. II. «О некоторых особенностях исторического развития марксизма, стр. 138.

[2]) Н. Ленин. «К вопросу о диалектике», Журн. «Под знаменем марксизма» 1925 г., № 5—6, стр. 14, 16.

речия (resp. зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост, и движение) этих противоречий и этого общества в Σ (сумме. *Г. З.*) его основных частей, от его начала до его конца» [1]).

Как это сказано просто и гениально глубоко!

* * *

Пока дело идет о чисто философских проблемах Плеханов понимает диалектику не хуже Ленина. Как просветитель, как писатель, как пропагандист, как популяризатор философских взглядов Маркса, Плеханов силен. Академическое изложение диалектического метода Плеханов дает нам блестящее. Но свести все эти вопросы с академического неба на грешную землю, применить диалектику к революционной борьбе, к движению масс, к общественному развитию, к освободительной борьбе рабочего класса — в этой области Плеханов оказался совершенно бессилен. А Ленин именно в этой области выступил настоящим гигантом.

Мы сумели «протащить» социализм в повседневную жизнь,—сказал в одной из своих речей Ленин. То же самое Ленин мог бы сказать о диалектике — ленинизм сумел «протащить» диалектику в повседневную жизнь, в повседневную борьбу масс.

Особенно гениальное применение диалектика, в руках Ленина, нашла себе в области выработки теории и тактики пролетарской революции.

«Куда растет» данное явление или данная группа явлений — эта постановка вопроса крайне характерна для ленинизма. Важно не только то, что представляет собой данный факт или данная группа фактов в данный момент; важно прежде всего знать, куда растут эти явления.

Слово «перерастание» — одно из самых употребительных и глубоких в словаре ленинизма.

---

[1]) Н. Ленин. «К вопросу о диалектике». Журн. «Под знаменем марксизма», 1925 г., №№ 5—6, стр. 15.

Перерастание капитализма, основанного на свободной конкуренции, в монополистический капитализм; перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую; перерастание социализма в коммунизм; перерастание империалистической войны в гражданскую; перерастание всеобщей стачки в вооруженное восстание; перерастание оппортунизма в социал-шовинизм.

Или с другой стороны,—возьмите «медленное перерастание» «крепостнически-помещичьих хозяйств в юнкерски-буржуазные хозяйства» [1] — одна из возможностей «прусского» типа развития крестьянской России, которую допускал Ленин после 1905 года.

Или—«исторический перелом от буржуазной к пролетарской демократии.

«Перерастание», «вползание» или ломка первой, рождение второй? = Революция или без революции?» [2].

И так далее и тому подобное. Каждая из этих формул полна глубочайшего содержания, каждая из них—образец применения революционной диалектики.

Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую есть одна из важнейших проблем ленинизма. То, что сказано в этой области Лениным, освещает, как могучим прожектором, исторический путь великой освободительной борьбы пролетариата. Учение Ленина, именно в этой области, бросило особенно богатый сноп особенно ярких лучей на труднейшие, до сих пор неосвещенные проблемы мирового освободительного движения. Без того, чтобы понять отношение ленинизма к диалектике, совершенно невозможно понять такие важнейшие главы учения ленинизма, как глава о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Революции—писал Ленин—никогда не рождаются готовыми, не выходят из головы Юпитера, не вспы-

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. IX. «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 гг.», стр. 614.

[2] Н. Ленин. «О диктатуре пролетариата». «Ленинский Сборник» III, стр. 516.

хивают сразу. Им предшествует всегда процесс брожений, кризисов, движений, возмущений, *начала* революции, при чем это начало не всегда развивается до конца (напр., если слаб революционный класс») [1].

Однако глубоко ошибся бы тот, кто на основании сказанного о ленинском подходе к «перерастанию» стал бы сводить всю диалектику Ленина к эволюционизму. Диалектика подразумевает такое «развитие», в котором количество путем скачка может превратиться в качество; такое развитие, когда медленно накопившиеся молекулярные «количественные» изменения дают «внезапно» полное «качественное» превращение.

«Перерастание» капитализма в социализм никогда, конечно, не мыслилось Лениным «эволюционистски», как это свойственно ревизионистам, «критикам» Маркса. «Скачок», в виде вооруженного восстания, революции, наоборот, не только подразумевался, но и предуказывался, был предметом наибольшего внимания и подготовки. *Диалектика Ленина революционна.*

* * *

В первых спорах о характере русской революции, еще до генеральной репетиции 1905 года, Ленин и Плеханов одинаково защищали ту мысль, что первая революция в России будет буржуазной революцией. В спорах против народников и анархистов Плеханов и Ленин в те времена стояли по одну сторону баррикады. Пока дело шло только об этом, Плеханов был силен. Он превосходно фехтовал против народнических предрассудков, с величайшим литературным блеском он защищал марксистский тезис о неизбежном буржуазном характере первой русской революции.

Но когда русский рабочий класс стал переходить из приготовительного класса в первый, когда надо было

[1] Неоконченная статья «Оппортунизм и крах II Интернационала» (см. Дополнительный том собр. соч.).

конкретизировать тактику российского пролетариата в предстоящей буржуазной революции, Плеханов сперва оказался просто беспомощным как ребенок, а потом скатился к позиции либеральной буржуазии. Когда в конкретной исторической обстановке возник вопрос о том, какая же именно буржуазная революция предстоит в России, какую роль сыграет в ней крестьянство, каково будет соотношение между победой буржуазно-демократической революции и началом революции социалистической, какие звенья протянутся между рабочим классом крестьянской России и промышленным пролетариатом капиталистической Европы; когда конкретно возник вопрос о руководящей роли пролетариата в крестьянской стране, — тогда во весь рост поднялся именно Ленин, который один только сумел указать дорогу российскому и мировому пролетариату.

«На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреоборимо. Его никогда нельзя забывать. Его всегда необходимо применять ко всем экономическим и политическим вопросам русской революции.

«Но его надо уметь применять. Конкретный анализ положений и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их,— т.-е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом...» [1]).

Еще ярче, еще богаче содержанием стала революционная диалектика ленинизма в эпоху первой всемирной империалистической войны, когда на очередь исторического дня с особенной повелительностью стали

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. III. Предисловие к 2-му изданию книги «Развитие капитализма в России», стр. 10.

международные проблемы. Совершенно новые, небывало сложные и трудные проблемы Ленин осветил с непревзойденным мастерством. Как глина «слушается» искусного скульптора, так сложнейшие проблемы революционного развития «слушались» искусных рук революционного диалектика Ленина.

Что может быть яснее и глубже, и содержательнее, и диалектичнее следующего небольшого отрывка, писанного по свежим следам первых великих потрясений империалистической войны в 1915 году?

«Социалистическая революция в Европе не может быть не чем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но объективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелко-буржуазных шлаков» [1]).

Учение Ленина о том, что победа мировой революции складывается из движения 1) пролетариата. 2) крестьянства и 3) угнетенных народов — в частности его учение о роли колоний и полуколоний в освободительном движении — становится теперь достоянием широчайших народных масс.

После событий лета 1925 года в Китае теория ленинизма в этой своей части особенно наглядно обле-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII. «Итоги дискуссии о самоопределении», стр. 431.

кается плотью и кровью. В известном смысле можно сказать, что китайские события 1925 года являются триумфом ленинизма. Но какая гениальная прозорливость нужна была, чтобы уже в 1915 году — за 10 лет до китайских событий — так ясно, так просто и трезво, так гениально конкретно изобразить предстоящий ход социалистической революции в Европе и Азии, как это сделано в приведенном только-что отрывке.

«Политика, — писал Ленин, — больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием; перед цифрами появился поэтому новый знак: «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минус три» больше «минус двух» [1]).

В сфере этой «высшей математики» Ленин чувствовал себя как дома. Еще в споре с меньшевиками по поводу революции 1905 года Ленин писал:

«Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с бо́льшим или меньшим успехом такие-то формы борьбы. На почве такого анализа и, разумеется, лишь на этой почве, вполне уместна, мало того, необходима, для марксиста и оценка тактической стороны борьбы, технических вопросов ее» [2]).

И вот правильная оценка борьбы этих живых общественных сил и позволила ленинизму совершить то великое, что он совершил.

Правильное применение «высшей математики» (т.-е. революционной диалектики) к учету развития

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII. «Детская болезнь «левизны», стр. 187—188.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. I. «К оценке русской революции», стр. 77.

живых общественных сил, в частности, помогло ленинизму дать такую верную оценку крестьянства, как «живого диалектического противоречия» (см. «Аграрная программа русской социал-демократии»), так мастерски развить идею перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (=особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство» [1]).

Мы уже знаем, что не только для меньшевиков, но, увы, также для некоторых коммунистов ленинский взгляд на соотношение буржуазно-демократической и социалистической революции до сих пор остается книгой за семью печатями.

В предыдущих главах мы видели, что первоисточником злоключений тех, кто еще недавно выступал со смешной претензией идейно «перевооружить» большевизм, является именно непонимание этой важнейшей стороны ленинизма.

«Первая (буржуазно-демократическая революция *Г. З.*) перерастает во вторую (социалистическую революцию *Г. З.*). Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую. Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую» [2]).

Как много бесплодных попыток «ревизовать» ленинизм было бы сэкономлено, если бы охотники до ревизий вдумались в эти слова Ленина!

* * *

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II. «Государство и революция», стр. 330.

[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», стр. 366.

Слова о «звене», за которое необходимо ухватиться, чтобы удержать всю цепь, стали ныне широким достоянием мыслящих рабочих. Эти слова также являются образцом применения революционной диалектики.

«Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накопляемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует уменья выделить самое существенное в линии или цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т.-е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится «прозаическая» (для мелко-буржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее.

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи» [1]).

Столь же глубоки следующие слова из «Великого почина»:

«Когда новое только-что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное,— все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. «Очередные задачи Советской власти», стр. 222—223.

против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» (Ленин о них писал тогда. *Г. З.*) сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Если японский ученый, чтобы помочь людям победить сифилис, имел терпение испробовать 605 препаратов, пока он не выработал 606-й, удовлетворяющий известным требованиям, препарат, то у тех, кто хочет решить задачу более трудную, победить капитализм, должно хватить настойчивости испробовать сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них» [1]).

Умение видеть явления со всех их сторон; умение выделить основную тенденцию из всей массы фактов; умение в сложнейшем переплете найти главное; умение с неслыханной силой концентрироваться на главном, избегая в то же время какой бы то ни было однобокости; умение «разлагать» сложнейшие явления на их составные части; умение невооруженным взглядом видеть молекулярную работу всех противоборствующих сил; умение угадывать зарождающуюся новую ситуацию уже in statu nascendi (в момент ее зарождения) — вот какова суть ленинской диалектики.

«Действительная жизнь, действительная история включает в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию, и быстрые скачки, перерывы постепенности» [2]).

Среди самых острых политических споров текущего дня, в самой страстной актуально-политической поле-

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI. «Великий почин», стр. 253 — 254.
[2]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. II. «Разногласия в европейском рабочем движении», стр. 135.

мике, Ленин умеет «вдруг» отвлечься в сторону самых общих вопросов диалектики.

В разгаре полемики против меньшевиков по организационным вопросам, в насыщенной текущими политическими злобами дня брошюре «Шаг вперед, два шага назад» Ленин «вдруг» удаляется в область диалектики.

«Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство — меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы «отрицается»... затем начинается («отрицание отрицания»... Случайная ошибка по § 1 (устава партии. *Г. З.*) выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю» [1]).

И чтобы попасть Плеханову [2]) не в бровь, а в глаз — Плеханову, который всегда кичился своим умением применять диалектику, но который запутался в сетях оппортунизма, как только дело дошло до крупнейших проблем русской революции, — Ленин там же пишет:

«Великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло пар-

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 479—480.

[2]) Ср. предисловие Ленина ко 2-му изданию «Развития капитализма». Здесь Ленин подробнее анализирует ошибочность плехановского метода.

тии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: mettere la coda dove non va il capo (просунуть хвост, где голова не лезет)» [1]).

Или взять другой пример: в начале 1918 г. Ленин пишет тезисы о роспуске учредительного собрания. Тема, казалось бы, далеко не философская. Политическая атмосфера накалена до последней степени. На улице идет стрельба. И вот в разгаре актуально-политической аргументации Ленин «вдруг» сворачивает к диалектике, и вы читаете изумительные по ясности и глубине общие замечания о диалектическом превращении буржуазно-демократической революции в социалистическую и т. п.

Или в жаркой дискуссии «О роли и задачах профсоюзов» Ленин с актуально-боевых тем «вдруг» сворачивает на диалектику, и мы получаем несколько классических страниц, прекрасных, неувядаемых, ясных, как сам Ленин, на тему о диалектическом методе. Вспомним замечательные по глубине и ясности страницы о «стакане». Политика ленинизма строится на научных основаниях. Каждая экскурсия Ленина в область диалектики, в область естествознания и т. п. всегда обогащает политическую линию ленинизма, делает ее глубже по содержанию, шире, разностороннее.

Вспоминаются резолюции по «текущему моменту», которые писались Лениным (и большевистским Центром под руководством Ленина), начиная с 1905 г. до

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 480.

1917 г. Какие это были, в сущности говоря, образцы и шедевры революционной диалектики! Давая всесторонний анализ текущего момента, ленинизм на деле тут же улавливал общие контуры грядущего момента [1]).

Меньшевизм любил подсмеиваться над этой «страстью» большевиков к «текущему моменту». Оппортунизм на то и оппортунизм, чтобы жить «со дня на день», чтобы чуждаться «фантазий», чтобы чураться больших революционных перспектив. А ленинизм на то и ленинизм, чтобы из сложного комплекса явлений сегодняшнего дня уметь выбрать главное, уметь уяснить себе и другим, куда идет развитие, «куда растет» сегодняшняя ситуация, каким грядущим моментом сменится текущий момент.

Угловатость, упростительство, вульгаризаторство — враги, с которыми Ленин не перестает воевать. И особенно беспощаден он к ним, когда они появляются в среде большевиков, когда упростительство преподносится под видом ленинизма.

«Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость» [2]). Ленин бичует и в чисто философской области. Тем более Ленин беспощаден к ним, когда дело идет о живой политике, о проблемах, связанных с борьбой масс.

«Превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы (подчеркнуто нами. *Г. З.*), взаимную связь противоположностей» — вот что учит распознавать Ленин [3]). И ничто так не чуждо ленинизму, как угловатость, «деревянность», которая «мертва, бедна, суха» [4]).

---

[1]) Кроме образцов 1905—1914 гг., мы могли бы привести образцы 1917 г. Достаточно напомнить тезисы 4 апреля 1917 г. и «Задачи пролетариата в нашей революции» (Проект платформы пролетарской партии) от 10 апреля 1917 г. А брошюра «Детская болезнь «левизны» — разве не является она образцом применения диалектики к вопросам тактики, при том применения к самой разнообразной обстановке в различных странах.

[2]) См. фрагмент Ленина «К вопросу о диалектике». «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 5—6, стр. 18.

[3]) Там-же, стр. 16.

[4]) Там-же, стр. 15.

«История вообще, история революции в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов» [1]).

Перефразируя эти слова Ленина, мы могли бы сказать, что и ленинизм богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем думают даже иные из тех, кто, причисляя себя к сторонникам ленинизма, увы, далеко не понимает того, что Ленин называл «переходами, переливами».

Именно потому, что ленинизм так богат содержанием, так всесторонен, диалектичен, велик, — он овладеет, раньше или позже, всем миром. Задача жизни всех нас, учеников Ленина, всей нашей партии, всего Коминтерна — сделать все возможное, чтобы это произошло как можно раньше, как можно скорее.

---

[1]) И. Ленин. Собр. соч., т. XVII. «Детская болезнь «левизны», стр. 181.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

От автора III

Глава I. Введение. — Марксизм и ленинизм . . 1

О связи ленинизма с марксизмом. 1—5. Корни и составные части ленинизма. 5—12. Ленинизм и вопрос о крестьянстве. 12—16. Всемирно-историческое значение ленинизма. 16—19.

Глава II. Мелко-буржуазная критика ленинизма «слева». (Начало 900-х гг.) 20

О тех, кто хотел быть «левее» Ленина. 20—23. Народническая критика большевизма «слева». 23—29. О мелко-буржуазности «левой» критики большевизма. 29—32. Позиция Маркса и Энгельса и критика их позиции мелко-буржуазными «социалистами» «слева». 32—38.

Глава III. Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства 39

Почему Россия стала родиной ленинского учения. 39—41. Перевооружился ли большевизм в 1917 г. 41—45. Ленин об условной революционности попутчиков пролетариата. 45—49. Ленин о характере русской революции. 49—54. О взаимодействии России и Запада. 55—56.

Глава IV. Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую . . 57

Об органичности развития ленинизма. 57—67.

Глава V. Национальная революция по Ленину . 68

О диктатуре революционного народа и значении Советов. 68—77. Непонимание значения национальной революции у Троцкого. 77—87.

стр.

Глава VI. Размах движения и анализ Ленина (1914 — 1917 гг.) 88

Большевизм и начало империалистической войны. 88 — 90. Ленинизм в период от февраля 1917 г. до апрельской конференции. 90 — 109. Апрельская конференция 1917 г. 109 — 116. Октябрьские дни. 116 — 121. Последовательность обще-теоретической линии ленинизма. 121—125.

Глава VII. Маркс и перманентная революция . 126

Какое содержание вкладывал Маркс в понятие «перманентная революция». 126 — 132.

Глава VIII. «Перманентная революция» по Парвусу и Троцкому 133

Где проходит линия водораздела между большевизмом и троцкизмом. 133 — 137. Оценка движущих сил у Парвуса и Троцкого. 137 — 149. «Теория» Парвуса — Троцкого и уроки революции. 149 — 158. Основные ошибки «теории» перманентной революции. 158 — 160.

Глава IX. Кое-что к вопросу о движущих силах революции в свете международного опыта . 161

О некоторых ошибках польской социал-демократии. 161 — 173. Об ошибках Розы Люксембург. 173 — 178. Опыт германской революции. 178 — 185.

Глава X. Ленинизм и диктатура пролетариата . 186

Парижская Коммуна и Советы. 186 — 192. Роль Ленина в дальнейшей разработке Марксова учения о диктатуре пролетариата. 192—199. О двух периодах пролетарской диктатуры. 199 — 207. Диктатура пролетариата, революционная законность и советский демократизм. 208 — 215. Об устряловском лже-толковании нормализации советского строя. 215—218. О двух опасностях, связанных с проведением пролетарской диктатуры. 218 — 220.

Глава XI. Ленинизм и НЭП. НЭП и государственный капитализм 221

О временных отступлениях большевизма при общей линии наступления. 221 — 224. Всемирно-

стр.

историческое значение НЭП'а. 224 — 229. НЭП и союз рабочего класса с крестьянством. 229 — 237. Путь к социализму в крестьянской стране. 227 — 246. Госкапитализм и социализм. 246 — 258.

Глава XII. Ленинизм и НЭП. Классовая борьба при диктатуре пролетариата 259

О классовой борьбе в советском государстве. 259 — 264. О руководстве крестьянством. 264 — 274. Программа партии и НЭП. 274 — 275. Политическое завещание Ленина. 275 — 277. Перспективы нашего дальнейшего развития. 277 — 283.

Глава XIII. Что такое окончательная победа социализма 284

Определение социализма и коммунизма по Марксу и Ленину. 284 — 288. О сроках упрочения социалистического строя. 288 — 289. Об «отмирании» или «засыпании» государства. 289 — 291. О победе социализма в одной стране. 291 — 293.

Глава XIV. Ленинизм и вопрос о победе социализма в одной стране 294

О двух условиях окончательной победы социалистической революции в России. 294 — 295. О законе неравномерного развития капитализма. 295 — 299. Почему Россия «начала». 299 — 302. Возможна ли окончательная победа социализма в одной стране. 302 — 309. О темпе и сроках борьбы за социализм. 309 — 314. О связи нашей революции с международной. 314 — 318. Союз рабочего класса с крестьянством и борьба за социализм. 318 — 324. Непонимание роли крестьянства после победы пролетариата у Троцкого. 324 — 326. Ленин о кооперативном строе. 326 — 329. О нынешнем подъеме нашего хозяйства. 329 — 336. Об опасности иллюзий. 336 — 339. О национальной ограниченности. 339 — 344. Брать победу и закреплять победу. 345 — 347.

Глава XV. Учение Ленина о роли партии . . . 348

Класс и партия. 348 — 353. Поголовная организация и роль авангарда. 353 — 355. Партия рабочая или «рабоче-крестьянская». 355 — 359. Роль партии при диктатуре пролетариата. 359 —

стр.

367. Партия и Советы. 368 — 371. О руководящей роли партии. 371 — 375. Партия и организационные принципы ленинизма. 375 — 377.

Глава XVI. Ленинизм и диалектика 378

Ленин и диалектика. 378 — 381. Ленин о Марксовой диалектике. 381 — 384. О «перерастаниях». 384 — 386. Ленинский учет развития живых общественных сил. 386 — 390. Контуры грядущего момента в ленинском анализе «текущего» момента. 391 — 396.

Цена 1 р. 20 к. 3р.